ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦЕ1
Н948

WORKERS' FRIEND CLUB & INSTITUTE,

165, Jubilee Street, Mile End, E.

"GERMINAL" LIBRARY.

1) No books are delivered without deposit.

2) If a book is returned in a state making it impossible to be delivered again for reading, this book will be transmitted to the Library Committee which will decide what damage is done and what fine should be paid.

3) A book should not be kept more than one fortnight; a penny will be charged for each additional week.

---

1) קיין בוך ווערט ניט אַרויסגעגעבען אָהן דעפאָזיט.

2) אויב אַ בוך ווערט צוריקגעבראַכט אין אַזאַ צושטאַנד, דאָס מען קען עס אַ צווייטע מאָל ניט אַרויסגעבען לעזען, ווערט דאָס איבערגעגעבען צו די לייברערי קאָמיטע, וועלכע וועט האָבען צו בעשטימען וואָס'ערע גאלד שטראָף די בעטרעפענדע פערזאָן וועט האָבען צו בעצאָהלען פאַר'ן שעדיגען דעם בוך.

3) קיין בוך ווערט ניט אַרויסגעגעבען לענגער ווי אויף צוויי וואָכען; טאָמער האַלט מען אַ בוך לענגער ווי די אויבענגענאַנטע צייט מוז מען בעצאָהלען אַ פעני פאַר יעדער וואָך.

WORKERS FRIEND CLUB
1 AUG. 1941
FREE "GERMINAL" LIBRARY
LONDON, E

ЧТО ТАКОЕ АНАРХИЗМ?

1-й отр

080

НОВОМІРСКІЙ
X
280
4E1
H 948
WORKERS FRIEND CLUB
1 AUG 1911
FREE "GERMINAL" LIBRARY
LONDON, E.

ЧТО ТАКОЕ АНАРХИЗМЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОСЪ ТРУДА"
1907.

1-й отд

К.

ЦЕІ
Н 948

БИБЛИОТЕКА ЛЕМЭЛ

Ц-3232 у

2011

У 83

ОТЪ АВТОРА.

Данная брошюра является второй въ серіи работъ, задуманныхъ авторомъ. Въ первой брошюрѣ этой серіи, которой онъ далъ нѣсколько неудачное названіе „Изъ программы синдикальнаго анархизма“ (авторъ очень далекъ отъ тѣхъ анархистовъ, которые себя называютъ на Западѣ синдикалистами), онъ разбираетъ основные пункты научнаго соціализма и намѣчаетъ только общія черты анархизма. Въ лежащей теперь передъ нами работѣ онъ старался уже дать болѣе подробное изложеніе самого анархизма и особенно внимательно остановился на нѣкоторыхъ разногласіяхъ въ пониманіи идеала, удѣливъ довольно много мѣста критикѣ коммунизма. Въ ближайшей брошюрѣ онъ трактуетъ исключительно вопросы анархистской тактики и организаціи. Наконецъ, послѣдняя работа изъ задуманной серіи посвящена подробному разбору разногласій, раздѣляющихъ русскихъ анархистовъ на такъ называемыхъ „безначальцевъ“, „чернознаменцевъ“, „хлѣбовольцевъ“ и „буревѣстниковцевъ“. Автору кажется, что этимъ рядомъ брошюръ онъ идетъ навстрѣчу глубоко назрѣвшей потребности въ систематическомъ изложеніи нашей доктрины.

Новомірскій.

Женева, сентябрь 1907.

I.

Исходная точка.

Анархизмъ не есть только ученіе объ отрицаніи государственной власти, какъ думаютъ многіе даже въ средѣ анархистовъ. Анархизмъ — сложная всесторонняя система глубокихъ идей, захватывающихъ всю необъятную область общественнаго знанія. Можно безъ особой натяжки сказать, что современный анархизмъ есть зародышъ цѣлой системы соціальныхъ наукъ. И въ философіи, и въ морали, и въ политикѣ, и въ соціологіи, и въ экономикѣ ученію объ анархіи суждено пробить свою собственную стезю, создать свое особое, глубоко оригинальное направленіе. Съ большимъ трудомъ можемъ мы представить себѣ теперь ту блестящую высоту, на которую можетъ подняться анархистская мысль, тотъ могучій родникъ свѣжихъ и смѣлыхъ идей который таитъ въ себѣ наше ученіе.

Однако, не смотря на необычайное богатство идей, составляющихъ сферу анархизма, есть одна идея, которая всегда стояла и будетъ стоять въ самой глубинѣ, въ самомъ центрѣ анархистскихъ доктринъ. Среди густого лѣса могучихъ идей анархизма она является самой гордой. Отъ нея, какъ отъ солнца, исходятъ лучи и освѣщаютъ все обширное поле общественной жизни. Въ ней одной весь смыслъ, вся программа, вся философія анархизма. Эта идея — Свобода.

Уже въ этомъ пунктѣ, на порогѣ нашей доктрины, начинается разногласіе анархизма съ научнымъ соціализмомъ. Послѣдній въ основу своего пониманія общественнаго развитія, въ основу своей программы кладетъ принципъ совершенно иного характера. Научный соціализмъ хочетъ разсматривать человѣка какъ механическій продуктъ общества, а само общество исключительно какъ одну организацію производства. Такимъ образомъ, для него исторія развитія личности опредѣляется цѣликомъ исторіей развитія общественнаго производства. А такъ какъ характеръ производства опредѣляется тѣми орудіями, съ помощью которыхъ оно совершается, научный соціализмъ логически приходитъ къ выводу, что смыслъ исторіи, смыслъ всего длиннаго процесса, который прошелъ человѣкъ съ исторической колыбели до нашихъ дней, коренится въ измѣненіяхъ въ орудіяхъ труда, въ развитіи производительныхъ силъ.

Идея развитія производительныхъ силъ въ глазахъ научнаго соціалиста не только освѣщаетъ всю прошлую исторію, но даетъ ему также прочный критерій для оцѣнки всѣхъ сложныхъ явленій современной жизни. Эта идея является для него не только методомъ историческаго изслѣдованія, но замѣняетъ ему нравственный критерій и даетъ прочную базу для практической дѣятельности. Научный соціалистъ, желая раскрыть внутреннюю природу какой нибудь общественной группы, какой нибудь общественной программы, какого бы то ни было соціальнаго явленія, всегда начинаетъ съ одного и того же вопроса: каково отношеніе даннаго факта къ развитію производительныхъ силъ? Если, по мнѣнію научнаго соціалиста, онъ противорѣчитъ этому промышленному развитію, онъ объявляетъ его реакціоннымъ и вступаетъ съ нимъ въ борьбу, какъ бы ни было благотворно *непосредственное* вліяніе даннаго факта на положеніе рабочаго класса. Наоборотъ, соціальныя явленія, которыя не противорѣчатъ этому развитію производительныхъ силъ, а содѣйствуютъ ему, становятся тѣмъ самымъ въ глазахъ марксиста прогрессивными и должны быть приняты подъ защиту соціалистической программы, каковъ бы ни былъ ихъ *непосредственный* вредъ для трудящагося народа. Идея развитія производительныхъ силъ является такимъ образомъ центральной, руководящей. Еще больше: ею почти исчерпывается вся программа соціализма, ибо соціализмъ не только всякую свою реформу подчиняетъ ей, но и самую соціальную революцію неразрывно связываетъ съ тѣмъ же моментомъ.

Анархизмъ цѣликомъ отвергаетъ эту точку зрѣнія. Согласно анархистской доктринѣ, человѣкъ не слѣпое орудіе общества, а его основной элементъ, его единственный факторъ. Съ другой стороны, общество не представляется анархисту *только* организаціей производства, ибо люди не только *работаютъ* вмѣстѣ, но и *живутъ*, встрѣчаются, вступаютъ въ разнообразныя сношенія помимо коллективной работы. Внутренній міръ личности опредѣляется не только условіями, при которыхъ она работаетъ, но всей той неисчислимой массой явленій, среди которыхъ рождается и развивается человѣкъ. На индивидуальную психику вліяютъ не только производственныя отношенія, но и весь политическій, нравственный, духовный укладъ жизни, на нее вліяетъ наслѣдственность и традиціи, вліяетъ могущественно и физическая среда; наконецъ, эта психика не можетъ ускользнуть отъ громаднаго вліянія длиннаго ряда случайныхъ явленій, незамѣтныхъ для обыкновеннаго глаза. Какъ же всю эту калейдоскопическую массу факторовъ уложить въ прокрустово ложе производственныхъ отношеній? Какъ же найти намъ разрѣшеніе той таинственной загадки, которую представляетъ душа личности, въ такомъ простомъ и плоскомъ явленіи, какъ механическія орудія труда? Скорѣе можно сказать какъ разъ обратное: не машина объясняетъ намъ человѣка, а нужно аппелировать къ человѣку для пониманія его машинъ. Чтобы быть возможно ближе къ истинѣ, мы должны формулировать свое мнѣніе такъ: творцомъ, единствен-

нымъ активнымъ творцомъ общества является человѣкъ; это онъ, а не кто либо иной создаетъ религію, мораль, право и всѣ общественныя учрежденія; онъ уже, а не кто иной добываетъ сырье, обрабатываетъ его, создаетъ орудія; но создавъ матеріальные или духовные продукты, человѣкъ желаетъ наилучше использовать свои творенія и потому долженъ *отчасти* приспособляться къ нимъ и такимъ образомъ подвергаться обратному вліянію съ ихъ стороны на его психику. Всякое иное пониманіе, всякая попытка стать на якобы объективную точку зрѣнія и положить въ основу человѣческой исторіи такъ называемый экономическій факторъ, не только не разрѣшаетъ жгучаго вопроса, но сводится къ напыщенной метафизикѣ. Сказать, что вся исторія личности, ея борьба, ея идеалы, ея подвиги, ея ошибки, — все богатство ея духовной жизни опредѣляется развитіемъ орудій производства, — значитъ ровно ничего не сказать и создавать такую же метафизику, какъ гегелевское объясненіе человѣческой исторіи развитіемъ Абсолютнаго Духа.

Анархизмъ рѣзко порываетъ съ этой новой формой метафизики. Онъ открыто становится на субъективную, т. е. *человѣческую* точку зрѣнія тамъ, гдѣ рѣчь идетъ *о человѣкѣ*. Онъ не подчиняетъ интересовъ личности развитію производительныхъ силъ, наоборотъ, интересуется этимъ развитіемъ ровно постольку, поскольку это необходимо для развитія личности, для обогащенія ея внутренняго міра, для возможно большаго увеличенія суммы ея радостей, для возможно большаго устраненія горя. Анархистъ ставитъ поэтому соціальную проблему такъ: что нужно человѣку для того, чтобы дать ему maximum радости, чтобы человѣкъ былъ возможно веселѣе, чтобы онъ возможно бодрѣе прошелъ свой жизненный путь? И на этотъ глубокій, грандіозный вопросъ анархизмъ отвѣчаетъ: человѣку не нужна вѣра въ загробную жизнь, не нужна ему религія, не нужна мѣщанская утопія абсолютнаго счастья, не нужно безсмысленнаго уравненія всѣхъ людей подъ одну мѣрку, не нуженъ никакой *опредѣленный* укладъ жизни, который бралъ бы на себя заботу о „благополучіи“ личности. Человѣкъ не нуждается ни въ какихъ покровителяхъ и опекунахъ ни на небѣ, ни на землѣ, ему нужно только одно, нужна свобода, свобода личности. Оттого анархизмъ во главу соціальнаго вопроса поставилъ вопросъ о личности. Онъ стремится въ работникѣ освободить не только производителя и не только гражданина, вообще не одну какую бы то ни было сферу общественныхъ отношеній, а освободить въ немъ *человѣка*. Оттого *анархизмъ сводитъ свою проблему къ безконечному, безпрерывному и всестороннему развитію личной свободы.*

Что же такое эта свобода? Въ сущности все ученіе объ анархіи является только всесторонне обоснованнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Поэтому невозможно создать себѣ яснаго анархистскаго міровоззрѣнія, не выяснивъ себѣ точно, что долженъ разумѣть анархизмъ подъ свободой.

Разрѣшеніе проблемы даетъ намъ уже самый общій анализъ отношенія личности къ окружающей средѣ.

Въ безконечной цѣпи явленій жизни личность является какъ бы живымъ, чувствующимъ и мыслящимъ звеномъ. Съ одной стороны, окружающій міръ безпрерывно соприкасается съ человѣкомъ, и каждое прикосновеніе порождаетъ въ немъ, — въ его нервахъ, въ его мозгу, толпы желаній и мыслей. Съ другой стороны, эти желанія и мысли повелительно толкаютъ личность къ дѣятельности, къ работѣ, къ обратному воздѣйствію на внѣшній міръ. Стало быть, вся жизнь личности, въ сущности, состоитъ изъ двухъ рядовъ переживаній: она вначалѣ *пассивно* воспринимаетъ изъ внѣшняго міра ощущенія, которыя сами перерабатываются въ желанія и мысли, а затѣмъ *активно*, сознательно переводитъ свои желанія и мысли въ опредѣленныя дѣйствія. Она сознательно возвращаетъ окружающему міру то, что она получила отъ него безсознательно. Чѣмъ разнообразнѣй окружающій міръ и воспріимчивѣй личность, тѣмъ богаче ея внутренній міръ желаніями и тѣмъ сильнѣе импульсъ къ работѣ, импульсъ къ обратному воздѣйствію на окружающій міръ.

Казалось бы, что естественная смѣна этихъ двухъ естественныхъ процессовъ должна вѣчно служить неизсякаемымъ источникомъ человѣческаго творчества и человѣческихъ радостей. Но — увы! Между этими двумя процессами существуетъ одно крупное отличіе, которое извращаетъ и коверкаетъ всю дѣятельность человѣка и служитъ до сихъ поръ основной причиной самыхъ безсмысленныхъ страданій. Въ чемъ это отличіе? Оно въ томъ, что никакая общественная сила не можетъ стать между человѣкомъ и природой, пока онъ воспринимаетъ впечатлѣнія и какъ бы вдыхаетъ въ себя сырую энергію внѣшняго міра. Но въ любой моментъ чуждая мнѣ сила можетъ стать между мной и той же природой, когда я хочу реализовать свои желанія во внѣ, реализовать мою внутреннюю энергію въ видѣ дѣйствій. Всякое такое вмѣшательство со стороны общества какъ бы закрываетъ душевныя шлюзы, заставляетъ болѣзненно сжиматься душу, производитъ полную суматоху и хаосъ внутри личности. Она чувствуетъ какое то томленіе, какую то непонятную стѣсненность, она чувствуетъ себя несвободной. Человѣкъ свободенъ только тогда, когда между нимъ и окружающей природой нѣтъ никакихъ преградъ, когда онъ имѣетъ полную возможность измѣнять міръ согласно своимъ желаніямъ, воплощать свой внутренній міръ во внѣшнихъ твореніяхъ. *Свобода, какъ ее понимаетъ анархизмъ, есть, стало быть, полная, абсолютная возможность личнаго творчества, полная неограниченная автономія личности.* Эта автономія, эта свобода личности нарушена не только тогда, когда дѣятельность ея извращается страхомъ наказанія, но и всякой причиной, становящейся между ней и окружающей средой. Анархизмъ и стремится къ полному разрушенію всѣхъ соціальныхъ учрежденій, насильственно отдѣляющихъ, отрывающихъ человѣка

отъ его среды — физической и соціальной. Анархизмъ хочетъ уничтожить всѣхъ посредниковъ между личностью и всѣмъ необъятнымъ міромъ. Этимъ анархизмъ завершаетъ работу всѣхъ освободительныхъ движеній, волновавшихъ человѣка съ самой колыбели его исторіи. Каждая новая свободная идея уничтожала какого нибудь посредника между личностью и міромъ, возвращала ей частичку ея естественной автономіи, естественнаго самоопредѣленія. Человѣкъ постепенно получилъ право самому выбирать себѣ своего бога, своего священника, выбирать мѣсто жительства, выбирать своего хозяина-господина. Теперь на арену исторіи выступилъ анархизмъ и хочетъ завершить этотъ долгій, многовѣковый процессъ высвобожденія человѣка. Устами анархизма современный человѣкъ заявляетъ: „Я больше не хочу никакихъ посредниковъ между мною и вселенной. Я больше никого не хочу уполномочивать дѣйствовать за меня. Самъ отнынѣ хочу я быть своимъ полнымъ хозяиномъ и господиномъ, Я хочу, наконецъ, стать самимъ собою“.

—x—

II.

Буржуазная собственность.

Многочисленны силы, созданныя вѣковой исторіей общества и стоящія на пути свободнаго творчества личности.

Раньше всего, *никакое свободное творчество невозможно для личности, если она не обладаетъ вещами.* Творчество, собственно говоря, есть система цѣлесообразныхъ измѣненій въ опредѣленныхъ вещахъ. Невозможно творить въ пустомъ пространствѣ. Чѣмъ сильнѣе творческая жажда, чѣмъ богаче душевный міръ, тѣмъ большая сфера нужна человѣку для его работы и тѣмъ больше нужно ему вещей.

Казалось бы: міръ широкъ, необъятно богатство природы, а человѣкъ вѣками тяжелой работы еще увеличилъ природное богатство. Казалось бы: для свободнаго творчества личности—самый широкій и гордый просторъ. Казалось бы... Но въ томъ-то и трагизмъ современнаго человѣка, что это богатство и этотъ просторъ есть только иллюзія. Среди этихъ богатствъ, среди пышнаго расцвѣта своей собственной матеріальной культуры онъ не богаче и не свободнѣе миѳологическаго Тантала. Богата психика современной личности, богата, пышна окружающая среда, но между этими двумя могучими неутомимыми факторами творчества мачеха-исторія воздвигла высокую, непроходимую стѣну, которая неумолимо отдѣляетъ человѣка отъ его собственныхъ продуктовъ. Эта суровая стѣна есть *частная собственность.* Не быть человѣку свободнымъ, пока она не разрушена до основанія.

Вопросъ о собственности является краеугольнымъ камнемъ всякой соціальной программы. Всякая программа должна первымъ долгомъ отчетливо заявить, какъ она относится къ собственности. Въ этомъ пунктѣ, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ, анархизмъ довелъ до послѣдняго, логическаго конца долгую работу пытливаго ума революціонера.

Было время, когда до извѣстной степени господствовало такъ называемое „кулачное право". На основаніи этого права собственникомъ является тотъ, кто захватилъ вещь. Въ такое время въ основу собственности, очевидно, кладется реальный фактъ — сила. Право на вещь имѣетъ тотъ, кто достаточно силенъ, чтобы ее захватить и удержать въ своемъ владѣніи Въ такія эпохи источникъ права выступаетъ открыто, голо: каждому ясно, что право есть сила и только сила.

Буржуазія, которая явилась на смѣну этому царству неурядицы и междоусобной борьбы, буржуазія, которая хотѣла создать себѣ постоянное, прочное и стойкое господство, должна была раньше всего укрѣпить на твердыхъ началахъ право собственности. И памятники Римскаго Права, и творенія Отцовъ Церкви, и Священная Библія — все вошло какъ матеріалъ для постройки стройнаго зданія буржуазнаго права собственности.

Въ основѣ этого права лежитъ принципъ: никто не смѣетъ *насиліемъ* присваивать себѣ чужую вещь. Только *добровольный* актъ можетъ переводить собственность изъ рукъ въ руки. Какіе же основные источники собственности признаетъ буржуазное право? Эти источники извѣстны всѣмъ: земля, деньги, промышленный капиталъ и личная дѣятельность.

Каково же происхожденіе и взаимное отношеніе этихъ различныхъ категорій собственности? Каково ихъ разумное основаніе? Всѣ эти вопросы ставитъ себѣ и разрѣшаетъ современный соціализмъ. Свой анализъ и критику соціализмъ, естественно, долженъ начать съ поземельнаго дохода, съ ренты.

Что такое рента? Даже буржуазная политическая экономія не можетъ отрицать того факта, что полученіе ренты не связано ни съ какой особой дѣятельностью со стороны землевладѣльца. Рента притекаетъ къ нему только потому, что именно онъ, а не другой, владѣетъ опредѣленнымъ клочкомъ земли. Но откуда же беретъ начало этотъ фактъ? О любой формѣ имущества можетъ существовать предположеніе, что она создана усиліями его владѣльца или его предковъ. Понятно, никому не придетъ въ голову утверждать это относительно земли. Ясно, что въ основѣ землевладѣнія лежитъ неоспоримый фактъ *насильственнаго* захвата, котораго не можетъ отрицать даже буржуазная софистика.

Мало того. Земля является не только обыкновеннымъ и важнымъ имуществомъ, но была и всегда будетъ самымъ необходимымъ, неотъемлемымъ условіемъ не только всякаго производства, но и всякой жизни вообще. Человѣкъ, который захватилъ опредѣленный клочокъ земли и заявляетъ: „эта земля — моя“ не только насильственно захватываетъ опредѣленную долю общественнаго богатства — нѣтъ! онъ посягаетъ на самое жизнь своихъ собратьевъ, налагаетъ на нихъ постоянную насильственную контрибуцію, угрожаетъ элементарнымъ условіямъ работы и жизни человѣка. Землевладѣніе, стало быть, не только исторически основано на грабежѣ и открытомъ насиліи, но является постоянной, узаконенной формой насилія и грабежа.

Нелѣпость частной собственности на землю, противорѣчивость ея даже по отношенію къ самому буржуазному праву настолько бросается въ глаза, что передовая буржуазія въ нѣкоторыхъ странахъ начинаетъ выставлять лозунгъ націонализаціи. Какъ ни смотрѣть на эти реформаторскія потуги, все же онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что даже передовые буржуазные идеологи начинаютъ понимать всю несообразность частной собственности на землю.

Иначе дѣло обстоитъ съ процентомъ на капиталъ. Буржуазный ученый, который готовъ пролить потоки чернилъ противъ частной земельной собственности, не осмѣлится коснуться процента. А въ сущности говоря, процентъ на капиталъ въ данномъ случаѣ ничѣмъ не отличается отъ земельной ренты. Личныя отношенія финансиста къ источнику его дохода ничѣмъ не отличаются отъ отношеній землевладѣльца къ своей рентѣ. Финансистъ получаетъ по своимъ купонамъ съ тѣмъ же правомъ, какъ и землевладѣлецъ: правомъ владѣльца. Въ современномъ капиталистическомъ обществѣ никакое производство немыслимо безъ опредѣленнаго денежнаго капитала, какъ невозможно производство безъ земли. Человѣкъ, который тѣмъ или инымъ путемъ сталъ владѣльцемъ опредѣленной денежной суммы, становится въ такое же положеніе какъ и землевладѣлецъ: онъ заставляетъ всѣхъ остальныхъ людей, которымъ нуженъ этотъ необходимый въ современномъ обществѣ факторъ производства, платить ему подать, т. е. отдавать часть своего труда, своей свободы, своей жизни. Ни для кого не тайна, что даже исторически денежный капиталъ возникъ въ падавляющей части изъ колоніальныхъ грабежей, изъ торговыхъ вымогательствъ и цѣлаго ряда такихъ же „свободныхъ“ соглашеній. Стало быть, процентъ на капиталъ, не смотря на внѣшнее отличіе отъ земельной ренты, имѣетъ передъ лицомъ здраваго смысла такое же оправданіе.

Кто понялъ природу ренты и процента, тотъ безъ труда поймѣтъ и сущность прибыли. Въ самомъ дѣлѣ, что такое эта прибыль, какъ не замаскированная форма процента на вложенный капиталъ? Эксплуататорскій характеръ процента ясенъ потому, что ростъ кредитнаго капитала совершается какъ бы въ оголенномъ видѣ, у насъ на глазахъ, между тѣмъ какъ доходъ промышленнаго капиталиста маскируется его личной дѣятельностью. Но не требуется особой проницательности, чтобы видѣть что доходъ съ промышленнаго предпріятія не находится ни въ какой зависимости отъ дѣятельности его владѣльца. Промышленный капиталистъ можетъ столько же знать о своей фабрикѣ, сколько какой нибудь крупный лэндлордъ о своихъ имѣніяхъ, а его доходъ растетъ почти автоматически, прямо пропорціонально вложенному капиталу.

Ясно, что современный соціализмъ не впадаетъ ни въ какое преувеличеніе, когда онъ въ лицѣ Маркса разсматриваетъ всѣ эти три формы дохода —ренту, процентъ и прибыль какъ—отдѣльныя разновидности организованнаго грабежа рабочаго класса. Всѣ капиталисты современнаго общеста, по глубокой мысли К. Маркса, составляютъ какъ бы одно акціонерное общество для эксплуатаціи труда. Рента, процентъ и прибыль суть только различныя формы дивиденда, который послѣ долгой взаимной борьбы каждый акціонеръ успѣваетъ урвать изъ общей военной добычи.

III.

Трудовая собственность.

Соціализмъ приходитъ къ выводу, что только трудъ является единственнымъ творцомъ цѣнности и потому только трудъ имѣетъ право собственности на общественное богатство. Отсюда не далеко до другого вывода, что каждый человѣкъ имѣетъ право на всю цѣнность, созданную его трудомъ и только на эту цѣнность. Поэтому, когда соціализмъ отъ критики современнаго буржуазнаго міра переходитъ къ положительной, творческой работѣ для созданія новаго общественнаго строя, онъ естественно можетъ положить въ его основу только одинъ принципъ: „каждому по его труду". Одна изъ боевыхъ фракцій русскаго соціализма — максималисты формулируютъ этотъ принципъ такъ: „право на весь продуктъ". Въ той или иной формѣ этотъ принципъ неизмѣнно говоритъ: *соціализмъ не уничтожаетъ частной собственности, а только видоизмѣняетъ ее, измѣняетъ способъ ея пріобрѣтенія.* Между тѣмъ какъ въ буржуазномъ обществѣ собственность можетъ имѣть своимъ источникомъ эксплуатацію, соціализмъ признаетъ для собственности только одно законное происхожденіе — трудъ. Но въ соціалистическомъ обществѣ, какъ и въ буржуазномъ, всѣ продукты какъ бы дѣлятся на маленькія кучки и на каждой изъ нихъ написано „мое" или „твое". И въ соціалистическомъ обществѣ отношеніе человѣка къ окружающей средѣ таково же, какъ въ современномъ. Онъ по прежнему какъ бы заключенъ въ маленькую, узенькую клѣтку съ густой рѣшеткой, которая отдѣляетъ его отъ всего богатаго міра. Между нимъ и этимъ міромъ стоитъ по прежнему та же проклятая стѣна — собственность, о которую попрежнему должны разбиваться лучшіе порывы личности къ творчеству. Человѣкъ не осуществилъ еще своей завѣтной мечты: слиться цѣликомъ съ великой природою и стать свободнымъ творцомъ.

Что измѣняетъ соціализмъ? Въ основѣ современнаго общества лежитъ извѣстный институтъ — наемный трудъ, институтъ, который является величайшимъ униженіемъ свободнаго человѣка. Онъ означаетъ, что одинъ человѣкъ имѣетъ возможность путемъ найма отнять у другого, равнаго ему, свободнаго человѣка, какую угодно часть его жизни, его свободы, его здоровья, что одинъ человѣкъ можетъ заставлять другого дѣйствовать вопреки

его совѣсти, его разуму, его вкусамъ, можетъ сдѣлать его своимъ работникомъ, своимъ слугой только потому, что владѣетъ опредѣленнымъ имуществомъ, кодораго нѣтъ у другого. Презрѣнность наемнаго труда состоитъ не въ его эксплуататорской природѣ, а въ томъ, что вообще кто бы то ни было можетъ кого бы то ни было *нанимать*, т. е. торговать чужой жизнью, пользоваться чужой душою какъ товаромъ, какъ вещью. Посягаетъ ли современный соціализмъ на этотъ „священный“ институтъ? Увы! Онъ только обобщаетъ его и укрѣпляетъ на новыхъ, болѣе солидныхъ началахъ. Онъ только передаетъ это позорное право — высасывать соки изъ другого человѣка — одному юридическому лицу, коллективному хозяину — Государству. Но отъ этого позорный институтъ не теряетъ своей яркой печати презрѣннаго насилія, а это насиліе становится только болѣе тяжелымъ.

Говорятъ, что оставляя наемный трудъ и рабочую плату, соціализмъ за то даетъ каждому работнику прочную гарантію его личной свободы. Въ соціалистическомъ обществѣ кто отработалъ извѣстное количество часовъ, тѣмъ самымъ „очистилъ“ свой долгъ передъ обществомъ. Отнынѣ онъ свободенъ и можетъ свою рабочую плату употребить на что ему угодно. Соціалистъ, повторяющій эту басню, не понимаетъ что онъ только вѣрно идетъ по слѣдамъ буржуазіи. Проницательный буржуа вездѣ нашептываетъ работнику, чтобы онъ побольше накоплялъ копеечку къ копеечкѣ, что капиталъ дастъ желанную волю пролетарію. Въ нѣкоторыхъ такъ называемыхъ „передовыхъ“ странахъ въ (С.Штатахъ, Германіи, Англіи) эта гнусная проповѣдь увѣнчалась такимъ успѣхомъ, что рабочій почти совершенно вытравилъ изъ своей груди всякую гордую мечту о настоящей волѣ и сталъ самъ маленькимъ буржуа, т. е. жалкимъ и гаденькимъ копителемъ грошей. Кто разъ повѣрилъ, что только обладаніе имуществомъ дѣлаетъ свободнымъ, тотъ навсегда погибъ для дѣйствительно свободной и творческой жизни: жажда накопленія сгибаетъ спину гордаго человѣка и превращаетъ его въ ползучаго червяка.

Соціализмъ не понялъ этой простой идеи. Онъ не понялъ, что принципъ — „каждому по его труду“ — долженъ сыграть ту же роль, что знаменитый лозунгъ Гизо: „обогащайтесь“. Какъ общество, которое удѣляетъ каждому тѣмъ большую долю общественнаго богатства, чѣмъ больше его капиталъ, порождаетъ жажду *капиталистическаго* накопленія, такъ соціалистическое общество, распредѣляющее свои продукты пропорціонально труду, должно вызвать такую же бѣшеную погоню за личной *трудовой* собственностью. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ извращается самый смыслъ человѣческой жизни: человѣкъ работаетъ не для того, чтобы дать исходъ своимъ творческимъ силамъ, а для того, чтобы пріобрѣсти имущество; для человѣка его работа не сама жизнь, а преддверіе къ жизни; преддверіе, которое грозитъ совершенно закрыть передъ нимъ видъ на настоящую веселую, бодрую жизнь. Если рабочая плата и даетъ ему маленькую, узенькую сферу сво-

боды, она за эту сомнительную, полуфиктивную свободу отнимаетъ у него дѣйствительныя, реальныя цѣнности, онъ долженъ продать *предварительно* свою дѣйствительную свободу: онъ долженъ превратить свой трудъ изъ наслажденія въ наемную каторгу, онъ долженъ отдавать одной рукой то, что получаетъ другой. Его рабочая плата есть только плата за его рабство, за его позоръ, за его измѣну самому себѣ и законамъ природы. Въ результатѣ работникъ, несмотря на пышныя фразы, остается тѣмъ же наемникомъ, что и въ буржуазномъ обществѣ, съ тѣмъ же затаеннымъ порывомъ къ творчеству и съ тѣми же кандалами на рукахъ.

Далѣе. Рядомъ съ наемнымъ трудомъ современное общество также характеризуется конкурренціей. Научный соціализмъ совершенно вѣрно подмѣтилъ всю гибельность этой междоусобной экономической борьбы и поставилъ себѣ цѣлью уничтожить ее. Достигаетъ ли коллективизмъ этой цѣли? Уничтожена ли въ соціалистическомъ обществѣ конкурренція? И тутъ, какъ и во всѣхъ своихъ реформахъ, соціализмъ обнаруживаетъ свою слабость, свою неспособность идти до конца. У него никогда не хватаетъ смѣлости вырвать съ корнемъ какой бы то ни было институтъ, и онъ старается только смягчить его рѣзкость, придать ему новую форму. Въ результатѣ — послѣ громкой и многообѣщающей критики капитализма — соціализмъ безсиленъ предложить намъ что нибудь принципіально новое, создать новый типъ общественныхъ отношеній. И все, что намъ обѣщаетъ соціализмъ, въ сущности есть только реформированный, смягченный, облагороженный капитализмъ. Какъ въ политической области соціализмъ только болѣе послѣдовательно проводитъ принципы буржуазной демократіи, такъ въ сферѣ экономическихъ отношеній онъ только болѣе ярко развиваетъ институты капитализма. Мы это видѣли на наемномъ трудѣ. Этотъ фактъ подтверждатся также отношеніемъ соціализма къ конкурренціи.

Въ капиталистическомъ обществѣ есть двоякая конкуренція: во первыхъ, борьба между отдѣльными предпріятіями за промышленный рынокъ, во-вторыхъ, борьба между отдѣльными личностями за опредѣленное мѣсто въ обществѣ. Конкурренція предпріятій создаетъ пресловутую „анархію въ производствѣ“. Конкурренція между личностями создаетъ безконечно болѣе глубокія бѣдствія: она совершенно извращаетъ психику личности, развиваетъ въ ней дурные инстинкты зависти, питаетъ преувеличенныя заботы о своемъ узенькомъ, маленькомъ „я“, создаетъ недовѣріе и ненависть къ собрату, словомъ, унижаетъ, опошляетъ личность. Соціализмъ, который никогда не можетъ подняться выше технически производственной точки зрѣнія, который видитъ въ человѣкѣ—производителя и только производителя, и здѣсь, въ вопросѣ о конкурренціи обнаружилъ всю свою поверхностьность: онъ уничтожаетъ конкуренцію между капиталистическими предпріятіями, превративъ все производство въ одно капиталистическое предпріятіе, руководимое государствомъ, но онъ оставляетъ нетронутой самую

гибельную форму конкурренціи — борьбу между личностями за экономическое преобладаніе. Соціализмъ разсматриваетъ трудъ не какъ физіологическую потребность личности въ работѣ, въ дѣятельности, а какъ источникъ пріобрѣтенія личной собственности. Такъ какъ не всѣ формы труда одинаково „прибыльны", неизбѣжна отчаянная борьба за болѣе выгодныя мѣста въ производствѣ. Человѣкъ невольно вынужденъ смотрѣть на всякаго другого какъ на своего конкуррента. Рядомъ съ погоней за увеличеніемъ личной собственности неизбѣжно должны развиться чувства зависти, вражды и ненависти. Соціализмъ приходитъ въ прямое противорѣчіе съ той основной потребностью, которая его создала: вмѣсто того чтобы уничтожить все то, что раздробляетъ общество, что сталкиваетъ человѣка съ человѣкомъ лицомъ къ лицу какъ враговъ, вмѣсто того чтобы объединять, сливать людей для сознательной общей борьбы съ природою, онъ только насильственно сковываетъ всѣхъ людей общей рабочей повинностью и нисколько не устраняетъ тѣхъ причинъ, которыя создали знаменитую римскую поговорку: homo homini lupus est (человѣкъ человѣку — волкъ). Соціализмъ какъ будто сковываетъ всѣхъ людей общей цѣпью, цѣпью каторжниковъ, у которыхъ ничего нѣтъ общаго кромѣ тяжелой цѣпи. Словомъ, конкурренція не уничтожается, а только разжигается до крайнихъ размѣровъ *).

Соціализмъ не только оставляетъ рядъ буржуазныхъ институтовъ, онъ въ сущности оставляетъ фундаментъ капитализма—его форму собственности. Въ самомъ дѣлѣ, собственность есть опредѣленная форма отношеній человѣка къ вещамъ. Въ буржуазномъ обществѣ всѣ вещи обязательно распадаются на „мои" и „твои" и личность можетъ распоряжаться только тѣми продуктами, надъ которыми сіяетъ законная этикетка „мои". Соціализмъ не вноситъ никакой перемѣны въ эти отношенія. Стало быть, вопреки

---

*) Чтобы не быть слишкомъ голословнымъ, вотъ одна изъ безсчисленныхъ цитатъ, подтверждающихъ нашу мысль.

„Коллективизмъ, говоритъ Вандервельдъ, вождь и теоретикъ бельгійской соціальдемократіи, не требуетъ равной оплаты труда. Это намъ позволитъ отвѣтить на то банальное возраженіе, что въ коллективистскомъ обществѣ всѣ захотятъ заниматься наиболѣе пріятными и наболѣе легкими ремеслами. Нужно будетъ, говорятъ намъ, употребить насиліе, чтобы добиться правильнаго распредѣленія рабочихъ силъ. Служба по чисткѣ нечистотъ будетъ обязательной, подобно службѣ теперешней гражданской гвардіи. Не ясно ли, что съ этой точки зрѣнія коллексивистскій режимъ обладаетъ тѣми же средствами воздѣйствія какъ и капиталистическій режимъ?

„Что происходитъ теперь, когда есть слишкомъ много рабочихъ въ какой нибудь отрасли промышленности? Плата понижается; наоборотъ, когда рабочихъ слишкомъ мало, плата повышается.

Та же санкція должна существовать въ коллективистскомъ обществѣ: за вычетомъ доли, отнятой государствомъ, и минимальной платы рабочему, доля каждаго отъ остатка будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ больше участниковъ дѣлежа.

Поэтому, переполненныя ремесла будутъ хуже оплачиваться; а заброшенныя ремесла, непріятныя или опасныя, будутъ получать болѣе высокую плату".

Lucien Herault. «Le Parti Ovrier et L'Anarchie». p. 13.

своему названію онъ стоитъ на почвѣ *индивидуальной* собственности. Чѣмъ объяснить себѣ эту странность? Попытаемся дать краткій отвѣтъ.

Соціализмъ и капитализмъ страдаютъ однимъ и тѣмъ же первороднымъ грѣхомъ: обѣ системы скрываютъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе. Съ самыхъ далекихъ памятныхъ временъ люди живутъ и трудятся группами, обществами. Трудъ, насколько только помнитъ исторія, былъ всегда коллективной дѣятельностью. Вѣдь эта коллективная дѣятельность, коллективная работа и спаяла людей въ первыя общества. Печатью коллективности, соціальности еще ярче отмѣчена современная работа. Немыслимо найти самую ничтожную, малоцѣнную вещь, о которой кто-нибудь могъ бы сказать: „*я* ее сдѣлалъ". Всякій продуктъ есть созданіе цѣлаго ряда отраслей промышленности, созданіе едва ли не всего человѣчества, не только современнаго, но и всѣхъ прошлыхъ поколѣній. Если это такъ, то не ясно ли, что дѣйствительнымъ производителемъ всякаго продукта въ отдѣльности и всѣхъ продуктовъ вмѣстѣ является все общество, все трудящееся человѣчество. Соціализмъ подобно капитализму, и основанъ на томъ глубокомъ непримиримомъ противорѣчіи, что вопреки коммунистическому характеру производства сохраняетъ индивидуалистическое распредѣленіе: продуктъ всего общества становится собственностью отдѣльной личности.

Но какъ опредѣлить долю отдѣльной личности, когда въ производствѣ участвуютъ всѣ? Капиталистическое общество разрѣшаетъ эту проблему тѣмъ, что судитъ о роли личности въ производствѣ на основаніи вложеннаго ею капитала: общественный продуктъ становится собственностью обладателей капиталовъ, капиталистовъ, которые „вознаграждаютъ" „услуги" работниковъ. Понятно, что такая система должна привести къ вопіющимъ нелѣпостямъ. Кто не обладаетъ имуществомъ, хотя вкладываетъ въ производство самый главный факторъ, рабочую силу, не участвуетъ въ дѣлежѣ общественныхъ продуктовъ, а „вознаграждается" на подобіе живой машины. Наоборотъ, обладатель капитала, даже абсолютно чуждый дѣйствительному производству, получаетъ тѣмъ большую долю, чѣмъ больше его капиталъ, т. е. чѣмъ больше его сила заставлять работать другихъ.

Соціализмъ иначе разрѣшаетъ эту же проблему. Онъ становится на точку зрѣнія не капитала, а труда, и продуктъ онъ хочетъ дѣлить пропорціонально затраченному труду. Увы! Этотъ принципъ приводитъ къ такимъ же нелѣпостямъ. Можно легко опредѣлить размѣръ вложеннаго капитала, такъ какъ онъ представляетъ нѣчто объективное, измѣримое. Но какъ измѣрить трудъ? Можно ли положить въ основу этого измѣренія время, рабочее время? Ни коимъ образомъ: вѣдь это предполагаетъ равенство различныхъ формъ труда. А кто же станетъ утверждать, что часъ работы каменщика *равенъ* часу работы архитектора? Вообще, говорить о равенствѣ различныхъ видовъ труда можно развѣ

только въ чисто формальномъ отношеніи, потому что всѣ они протекаютъ въ рамкахъ времени пли пространства. Но говорить что рабочій день ткача равняется по существу, по своей производительности рабочему дню сапожника только потому, что ихъ рабочіе дни заключаютъ одинаковое количество часовъ, такъ же нелѣпо, какъ оцѣнивать работу художника по количеству сантиметровъ въ длинѣ его полотна. До сихъ поръ еще не найдено пока никакого мѣрила для сравненія разныхъ формъ труда. Въ капиталистическомъ обществѣ этимъ мѣриломъ служитъ чисто внѣшній признакъ: степень нужности даннаго труда классу капиталистовъ и — только. Оттого оцѣнка различныхъ категорій труда въ капиталистическомъ обществѣ вполнѣ фантастическая и не находится ни въ какой зависимости отъ дѣйствительной роли ихъ въ производствѣ. Есть даже вѣсскія основанія утверждать, что вознагражденіе труда теперь обратно пропорціонально его производительности. Какимъ же образомъ соціализмъ найдетъ мѣрило цѣнности разныхъ видовъ работы?

Объективнаго мѣрила цѣнности труда нѣтъ: нѣтъ никакой возможности объективно установить равенство или неравенство различныхъ формъ труда. Но, можетъ быть, соціализмъ станетъ на субъективную точку зрѣнія и будетъ разсуждать такъ: мы не знаемъ, какую именно долю продукта создалъ тотъ или иной работникъ. Но вѣдь онъ работалъ, стало быть, отдалъ обществу опредѣленную часть своей жизни, своей свободы, стало быть, принесъ обществу извѣстную жертву. Справедливо, поэтому, каждаго вознаграждать соотвѣтственно понесенной имъ жертвѣ.

Однако съ этимъ субъективнымъ мѣриломъ обстоитъ еще хуже, чѣмъ съ объективнымъ, уже по той простой причинѣ, что субъективное абсолютно неизмѣримо. Кто можетъ утверждать, что часъ свободы есть нѣчто хоть приблизительно опредѣленное? Часъ жизни, который я отдалъ желанной работѣ, есть глубочайшее наслажденіе, а часъ, который я провелъ надъ неугоднымъ мнѣ дѣломъ, можетъ быть для меня мучительной пыткой. Сущая нелѣпость, поэтому, измѣрять тягость бремени, которое понесла личность въ производствѣ, на основаніи такого случайнаго признака, какъ время.

Ясно, что соціализмъ, чтобы выйти изъ затрудненія и какъ нибудь опредѣлить долю собственности каждой личности, имѣетъ только одинъ методъ: установить законодательнымъ путемъ цѣнность всякой работы, т. е. полный отказъ отъ своего трудового принципа. Признаться, этотъ способъ такъ же раціоналенъ, какъ метаніе жребія, если не меньше. Къ тому же онъ приводитъ къ такому же противорѣчію, какъ и капиталистическій принципъ распредѣленія. Капитализмъ гласитъ: каждому по его капиталу, но тутъ же долженъ отказаться отъ своего принципа, такъ какъ находитъ громадную массу людей — именно классъ пролетаріевъ, которые не обладаютъ никакимъ капиталомъ, а между тѣмъ абсолютно необходимы производству. Приходится рядомъ съ капита-

листическимъ принципомъ поставить и *якобы* трудовой по отношенію къ „некапиталистическимъ“ элементамъ общества. Въ такое же положеніе попадаетъ и соціализмъ. Послѣдній заявляетъ: каждому по его труду, но также безсиленъ провести до конца свой трудовой принципъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ соціализмъ отнесется къ дѣтямъ, старикамъ, инвалидамъ, больнымъ, женщинамъ въ періодъ неработоспособности? Какъ примѣнить трудовой принципъ къ этимъ нетрудовымъ элементамъ? Очевидно, что соціалистическое общество должно имъ удѣлять долю общественнаго продукта наравнѣ съ другими не по труду ихъ, а по ихъ потребностямъ. Трудовой принципъ, какъ это прекрасно отмѣтилъ т. Кропоткинъ, оказывается такимъ же тѣснымъ, какъ и капиталистическій и ему на помощь вызывается *якобы* коммунистическій.

А общество, которое построено на двухъ противоположныхъ принципахъ, не можетъ быть живучимъ: противорѣчивость ея основы служитъ явнымъ свидѣтельствомъ тайнаго антагонизма внутри соціальнаго организма. Всякій соціальный антагонизмъ рано или поздно долженъ проявиться въ формѣ открытой борьбы классовъ во имя послѣдовательнаго проведенія какого нибудь одного принципа. Уже заранѣе можно предвидѣть, что наиболѣе активные элементы, которымъ коллективистскія рамки будутъ казаться тѣсными для ихъ свободнаго личнаго творчества, и наименѣе привиллегированныя группы работниковъ станутъ въ соціалистическомъ обществѣ на сторону болѣе широкаго и болѣе свободнаго принципа — коммунизма, а болѣе апатичные, менѣе жаждущіе новизны и творчества и лучше устроившіеся элементы при усиленной поддержкѣ государства будутъ отстаивать коллективизмъ. Передъ нами несомнѣнный зародышъ новой гражданской войны.

Каковъ исходъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій?

Нужно отказаться отъ утопической мысли — создать новую разновидность индивидуалистическаго распредѣленія на почвѣ коммунистическаго производства: нужно отказаться отъ идеи „вознагражденія за трудъ“, отказаться отъ самого коллективизма. Только анархистское пониманіе собственности дѣйствительно порываетъ съ буржуазными отношеніями.

—x—

IV.

Анархизмъ уничтожаетъ собственность.

Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ намъ анархизмъ?

Анархизмъ отказывается видѣть въ человѣкѣ только производителя. Наоборотъ, для анархиста производство есть нѣчто служебное по отношенію къ потребленію. Человѣкъ производитъ только для того, чтобы потреблять. Поэтому въ основу распредѣленія должны быть положены интересы потребленія, а не производства. Анархизмъ, вопреки соціализму, не спрашиваетъ себя: какъ организовать потребленіе, чтобы производить возможно больше? Наоборотъ, онъ ставитъ вопросъ такъ: какъ организовать производство, чтобы наиполнѣе удовлетворить всѣ потребности личности? Всѣ историческія общества клали въ основу распредѣленія и потребленія какую нибудь привиллегію: обладаніе рабами, обладаніе землею, обладаніе капиталомъ; соціализмъ хочетъ сдѣлать основой общества трудъ, т. е. въ сущности, новую привиллегію, такъ какъ, во первыхъ, всегда будутъ люди нетрудоспособные, и во вторыхъ, сама трудоспособность никогда не будетъ распредѣлена равномѣрно. Только анархизмъ совершенно уничтожаетъ какія бы то ни было преимущества въ потребленіи. Онъ говоритъ человѣку: „Ты можешь быть хилымъ, неспособнымъ или малоспособнымъ: я не требую отъ тебя полицейскаго свидѣтельства о томъ, что ты отработалъ столько то часовъ. Мнѣ достаточно того,что ты—человѣкъ. Это одно даетъ тебѣ полное право на удовлетвореніе всѣхъ твоихъ потребностей: иди и бери все, что тебѣ нужно. Но когда ты насытишься, одѣнешь чистое платье, поселишься въ чистой, уютной квартирѣ, словомъ, когда ты удовлетворишь самыя жгучія потребности, ты невольно почувствуешь глубокую, непреодолимую потребность дѣйствовать. Тогда передъ тобой открыта безграничная арена: строй дома, шей сапоги, рисуй картины, учи другихъ, дѣлай то, къ чему тебя влечетъ и — только до тѣхъ поръ, пока тебя влечетъ. Этимъ ты дашь исходъ своей кипучей энергіи. Этимъ же ты вполнѣ оплатилъ людямъ свой долгъ. Вѣдь ты взялъ только то, что тебѣ нужно, и даешь все то, что можешь. Развѣ можно требовать чего нибудь большаго отъ тебя?“

Ясно, что анархизмъ отвергаетъ не только буржуазную, но и всякую собственность, самое идею собственности. Анархизмъ отвергаетъ всякое право за кѣмъ бы то ни было и когда бы то ни было сказать: „это — мое, а то — твое". Ни сила, ни наслѣдство, ни капиталъ, ни трудъ не даютъ мнѣ права изъять какую нибудь долю общественныхъ сокровищъ, окружилъ ее заборомъ и заявилъ: „это — моя собственность". Развѣ кто нибудь имѣетъ право захватить воздухъ (еслибы это было возможно) или воду и сказать: „это — мое, и я никому не позволю дышать или пить?" Всякій разумный человѣкъ нашелъ бы, что это сплошное безуміе. Такое же безуміе отнять у другихъ людей хлѣбъ, молоко одежду, дома и другіе продукты, необходимые для жизни. Но такое же безуміе отнять у другихъ людей и тѣ орудія, которыя необходимы для производства жизненныхъ продуктовъ. Все принадлежитъ всѣмъ, потому что все нужно всѣмъ и создано всѣми. „Съ каждаго по его способностямъ, каждому — по его потребностямъ." Только этотъ принципъ уничтожаетъ ту стѣну, которую возвысили господа между человѣкомъ и продуктами. Вещи перестаютъ быть господами человѣка, теряютъ свое господство надъ нимъ, теряя свою силу заставлять его отдавать хотя бы одно движеніе мускуловъ. Вещи, которыя въ теченіе долгаго, мрачнаго періода исторіи какъ бы возмутились противъ своего господина и даже временно подчинили его себѣ, опять должны согнуть свои мятежныя головы и навсегда признать абсолютное господство ихъ законнаго владыки — свободнаго человѣка.

Эта экономическая революція произведетъ глубокій переворотъ во всей психикѣ личности и создастъ совершенно новый типъ человѣка.

Этотъ новый человѣкъ перестанетъ смотрѣть на трудъ какъ на работу, т. е. какъ на тяжкую повинность, навязанную извнѣ. Въ трудѣ онъ будетъ видѣть свою личную жизнь, трудъ станетъ его творчествомъ. Подобно поэту, художнику или ученому, будущій работникъ будетъ находить глубокое наслажденіе въ самомъ *процессѣ* работы, въ таинственномъ процессѣ, въ которомъ личность вступаетъ въ общеніе со вселенной и какъ бы сливается съ нашей вѣчной матерью-природой. Не разлѣнится человѣкъ, а, наоборотъ, устыдится своей теперешней лѣни: онъ съ ужасомъ оглянется назадъ и увидитъ, какъ много силъ потрачено и какъ мало сдѣлано для того, чтобы очеловѣчить природу. Ему покажется, что вся прошлая исторія только одинъ кошмаръ, что вся его жизнь прошла какъ бы подъ тяжкимъ гипнозомъ разбойничьей касты, что его душа все время угрюмо дремала и еще *не начала* работать. Теперь гипнозъ прошелъ, душа его встрепенулась, и онъ впервые ожилъ къ настоящей жизни, т. е. къ вѣчному, страстному творчеству. Не бѣжать онъ будетъ отъ работы, а будетъ искать ея, какъ своей возлюбленной, чтобъ излить на нее свои могучіе порывы къ тому таинственному „нѣчто" которое вѣчно манитъ насъ въ туманную даль, вѣчно влечетъ и толкаетъ къ творче-

4-3934.

ИМЭЛ

ству. Въ немъ, въ творчествѣ человѣкъ будетъ искать своихъ наслажденій въ свѣтлыя минуты бодрой вѣры, когда съ человѣческой души на время спадаетъ тяжелое бремя загадки жизни. Въ творчествѣ найдетъ личность свое утѣшеніе въ угрюмыя минуты тоски, когда природа одѣваетъ какъ бы желѣзную маску и душа безсильно замираетъ въ ужасѣ передъ вѣчной, неразгаданной загадкой. Превратить всю свою жизнь въ одно сплошное, неутомимое, гордое творчество — вотъ что станетъ идеаломъ человѣка.

—x—

V.

Власть отдѣляетъ человѣка отъ человѣка.

Собственность уничтожена. Барьеръ между человѣкомъ и вещами разрушенъ. Человѣкъ имѣетъ полную возможность распоряжаться всѣми продуктами, необходимыми для его творчества. Но достаточно ли этого? Дѣйствительно ли свободенъ человѣкъ, какъ только уничтожена собственность? Соціализмъ на эти вовопросы, повидимому, отвѣчаетъ положительно, ибо для него свобода въ сущности сливается со свободой экономической. Въ его глазахъ человѣкъ почти исключительно производитель, какой то абстрактный homo oeconomicus. Иначе отвѣчаетъ на всѣ эти вопросы анархизмъ. Быть свободнымъ въ анархистскомъ смыслѣ слова значить дать полный просторъ всѣмъ творческимъ силамъ человѣка во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни.

Достаточно ли для такого всесторонняго творчества экономической свободы, т. е. коммунистической формы собственности? Нѣтъ, недостаточно, отвѣчаетъ анархизмъ. Чтобы творить, человѣку нужны не только вещи; человѣкъ не только не можетъ творить въ пустомъ пространствѣ, онъ также ничего не можетъ создать *одинъ*. Какъ человѣку нужны вещи, какъ объектъ его работы, какъ среда, на которую изливается его энергія, точно также нужны человѣку другіе люди, такъ сказать со-субъекты его творчества, нужны живыя силы другихъ людей, чтобы стимулировать и увеличивать его собственную энергію. Мы видѣли, что собственность отдѣляетъ человѣка отъ объективныхъ элементовъ творчества, отъ вещей. Нѣтъ ли такихъ силъ, которыя раздѣляли бы субъективные элементы, т. е. людей? нѣтъ ли какихъ либо барьеровъ между однимъ и другимъ человѣкомъ?

Соединеніе человѣка съ вещами совершается въ высшей степени просто — механическимъ актомъ обладанія. Соединеніе людей безконечно сложнѣе, ибо каждый человѣкъ представляетъ собою личность, т. е. нѣчто мыслящее, чувствующее и способное оказывать сознательное сопротивленіе всему, чуждому его внутреннему міру. Соединеніе людей для какой бы то ни было общей работы, общаго творчества предполагаетъ на первомъ планѣ нѣкоторое духовное соглашеніе: люди должны свидѣться, собраться, столковаться, придти къ опредѣленному соглашенію, такъ сказать, съорганизовать свои индивидуальныя психики и соединить, слить

свои индивидуальныя дѣйствія. Есть ли такая возможность въ современномъ обществѣ? Имѣетъ ли человѣкъ полную возможность передавать свои мысли и чувства другимъ людямъ? Имѣетъ ли человѣкъ возможность свободно комбинировать свои и чужія силы для общей цѣли? На всѣ эти вопросы анархизмъ даетъ выразительный отвѣтъ: нѣтъ и нѣтъ! Общеніе съ другими людьми такъ же мало свободно, какъ и общеніе человѣка съ вещами. Между человѣкомъ и человѣкомъ выросъ такой же высокій барьеръ какъ собственность, который отличается отъ нея только названіемъ: онъ называется *Властью*. Собственность—Власть только родныя сестры, вскормленныя одною и той же матерью — рабствомъ.

Въ далекую отъ насъ эпоху рабства работникъ такъ мало производитъ, что его господинъ, чтобы извлечь все возможное изъ него, долженъ превратить всю жизнь его по возможности въ рабочее время, регламентировать всѣ мелочи домашняго обихода работника. Орудія въ то время такъ просты, что получи рабъ одно право свободнаго передвиженія, рабовладѣльцы совершенно потеряли бы всѣ свои привиллегіи, рабы почти всѣ поголовно ушли бы отъ своихъ господъ и, при обиліи свободныхъ земель, когда земледѣліе было почти исключительнымъ источникомъ жизни, устроились бы на совершенно свободныхъ началахъ. При такихъ условіяхъ, эксплуататоры разсматриваютъ *всякое* дѣйствіе работника, какъ свою неотчуждаемую собственность. Каждая капля энергіи раба есть извѣстная производительная сила, которую „экономный“ хозяинъ долженъ использовать. Въ глазахъ класса господъ нѣтъ принципіальнаго отличія между вещью и дѣйствіями, т. е. личностью раба, такъ какъ самъ рабъ разсматривается какъ вещь. Въ эпоху рабства, стало быть, идея и институтъ собственности включаютъ въ себя, покрываютъ собою идею и институты власти — собственность и государство совпадаютъ.

Иное положеніе создалось въ наше время. Земля давно захвачена частными лицами. Орудія производства очень сложны и не могутъ быть воспроизведены любымъ работникомъ, такъ какъ ихъ производство требуетъ крайне сложной кооперації и громаднаго запаса техническихъ знаній. И орудія, и сырье, и знанія находятся въ обладаніи только опредѣленныхъ частныхъ лицъ. Нѣтъ никакой надобности держать работника въ оковахъ и гнать плетью на работу: его гонитъ туда сама необходимость. Безъ земли, сырья, орудій или знаній невозможно современное производство. А разъ эти необходимые элементы производства находятся въ рукахъ членовъ господствующаго класса, для работника немыслимо самостоятельное производство, и онъ самъ вынужденъ искать себѣ хозяина—эксплуататора. Понятно, что капиталистъ можетъ съ полнымъ спокойствіемъ дать пролетарію „свободу“. Иными словами, буржуазія можетъ безъ страха провести грань между продуктами работника и его дѣйствіями.

—x—

VI.

Иллюзія „политической свободы“.

Значитъ ли это, что дѣйствительно всѣ дѣйствія работника свободны отъ всякаго внѣшняго вмѣшательства? Значитъ ли это что въ современномъ обществѣ дѣйствительно уничтоженъ всякій барьеръ между однимъ и другимъ человѣкомъ? Буржуазная наука, буржуазное право, понятно, даетъ намъ положительный отвѣтъ. Но на дѣлѣ наврядъ ли возможна болѣе вопіющая неправда. Современный „свободный“ гражданинъ въ сущности говоря, является такимъ же рабомъ, какъ и древній рабъ. Свобода, которую якобы буржуазный законъ гарантируетъ „дѣйствіямъ гражданина“ является самой печальной иллюзіей. Въ данномъ случаѣ въ политической области повторяется то же явленіе, которое нетрудно замѣтить въ области экономической.

Развѣ для кого нибудь тайна, что система наемнаго труда является толко иной формой той же экономической зависимости, которая въ древнее время называлось рабствомъ? Въ основѣ и рабства, и крѣпостничества, и наемнаго труда лежитъ одинъ и тотъ же фактъ; рабочее время дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна фактически служитъ для удовлетворенія потребностей самого работника, а другая создаетъ доходъ хозяина. Рабство, крѣпостничество и наемный трудъ только различныя формы выраженія этого основного факта. Но почему же въ рабствѣ или даже крѣпостничествѣ черта насилія и эксплуатаціи такъ очевидна, а въ наемномъ трудѣ она такъ скрыта, что многимъ ученымъ людямъ ее приходится даже „доказывать“? Тайна этой загадки, очевидно, заключается въ томъ, что въ современномъ обществѣ прибавочное рабочее время отнимается у работника не въ такой прямой, конкретной, реальной формѣ. Работникъ получаетъ свою долю не своими же продуктами, а въ замаскированной формѣ денегъ. Это обстоятельство мѣшаетъ признанію того факта, что въ видѣ рабочей платы работникъ получаетъ только ничтожную долю созданной имъ цѣнности. Съ другой стороны, какъ мы уже видѣли, онъ формально не связанъ со своимъ хозяиномъ, формально наемный трудъ основанъ на свободномъ соглашеніи сторонъ. Мы знаемъ теперь прекрасно, что эта экономическая „свобода“, эти „свободныя“ соглашенія между имущимъ капиталистомъ и бездомнымъ пролетаріемъ являются самой горькой, самой обидной иллюзіей. Мы знаемъ, что въ настоящее вре-

мя работникъ отдаетъ хозяину гораздо большую долю цѣнности, чѣмъ въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка. Отъ насъ также мало скрыто, что при формальной, фиктивной свободѣ за спиной работника неумолимые законы общественнаго строя куютъ ему тѣ же кандалы, что и воля рабовладѣльца или помѣщика. Вся разница только въ томъ, что экономическая зависимость въ современномъ мірѣ приняла болѣе абстрактную менѣе личную форму. Рабочій не является уже рабомъ *одного опредѣленнаго* хозяина, но онъ вѣчный рабъ всего *класса* хозяевъ, всѣхъ имущихъ. Въ современномъ обществѣ, какъ и во всѣхъ прошлыхъ, онъ отдѣленъ навсегда отъ своихъ продуктовъ той невидимой стѣной, которая называется собственностью.

Этотъ же самый фактъ только повторяется въ области политическихъ отношеній. Работникъ не замѣчаетъ своего политическаго рабства по той же причинѣ: только потому, что современное политическое рабство пролетарія приняло также болѣе отвлеченную, почти безличную форму. Его хозяинъ не имѣетъ нынѣ власти надъ личностью работника внѣ рамокъ фабричнаго договора. Но значитъ ли это, что дѣйствія работника, его личность являются его личной неотчуждаемой собственностью? Значитъ ли это, что власть, которую потерялъ хозяинъ перешла къ самому работнику? Вдумчивый пролетарій, вникнувъ въ характеръ современнаго политическаго строя, начинаетъ понимать всю горечь этой иллюзіи. Власть надъ дѣйствіями работника, другими словами — собственность на его личность — только перемѣстилась: изъ рукъ опредѣленной, конкретной личности — хозяина, она перешла къ представителю всего класса хозяевъ, къ Государству. Вмѣсто того, чтобы каждый хозяинъ безсмысленно тратилъ свою энергію на безполезный надзоръ надъ личной дѣятельностью его рабочихъ, эта забота перешла къ коллективному органу. Государственная власть и имѣетъ трудную задачу возможно лучше регулировать пользованіе личностью работника — этой общеклассовой собственностью капиталистовъ. Вся политическая организація государства представляетъ только прекрасно задуманный органъ классового господства.

Въ области экономической работнику нисколько не возбраняется мѣнять своихъ хозяевъ, вступать въ какія угодно экономическія отношенія. Это не возбраняется потому, что противъ своей воли работникъ можетъ только осуществлять интересы класса капиталистовъ. Вся экономическая жизнь протекаетъ въ опредѣленномъ руслѣ, которое фатально толкаетъ работника къ одному и тому же устью, въ руки капиталиста. Политическая жизнь уложена въ такія же неумолимыя рамки. Работнику можетъ показаться, что онъ политически свободенъ, т. е. что онъ имѣетъ право вступать въ какія угодно сношенія и соглашенія съ другими людьми. Этотъ миражъ создается только тѣмъ, что онъ *не видитъ* рамокъ, въ которыхъ онъ фатально вынужденъ двигаться. Анализъ такъ называемыхъ „политическихъ свободъ“ такъ называемыхъ свободныхъ странъ раскрываетъ этотъ жестокій обманъ.

Буржуазное право увѣряетъ, что весь политическій строй, всѣ политическія организаціи основаны на свободномъ соглашеніи. Но почему же я не имѣю права отказаться отъ воинской повинности, которую я считаю позорной и вредной? Почему я не могу отказаться платить налоги? Почему я не могу вступать съ такими же „свободными“ гражданами, какъ я, въ союзы для уничтоженія нежелательныхъ намъ соціальныхъ явленій? Почему всякій шагъ, всякое слово, всякое собраніе контролируется и ограничивается вездѣсущимъ государствомъ? Какую цѣль преслѣдуетъ это государственное вмѣшательство въ самыя интимныя сферы моей личной жизни? Если это дѣлается для моего личнаго блага, то оно явно противорѣчитъ всему капиталистическому строю. Развѣ апологеты капитализма не отрицаютъ вмѣшательства государства въ экономическія отношенія между трудомъ и капиталомъ именно на томъ основаніи, что защита личныхъ интересовъ должна быть цѣликомъ отдана личности? Зачѣмъ же власть такъ заботливо старается указать мнѣ, гдѣ, когда и какъ я могу сходиться, сговариваться и совмѣстно дѣйствовать съ другими людьми? Очевидно, позади всѣхъ нашихъ личныхъ интересовъ есть какой то особый, важный интересъ, который власть должна защищать помимо нашей воли или вопреки ей. Только до тѣхъ поръ, пока наша дѣятельность вращается въ тѣхъ рамкахъ, которыя находятся позади насъ всѣхъ, власть является безмолвнымъ зрителемъ дѣятельности личности. Какъ только личность даже безсознательно наталкивается на эти рамки, вмѣшательство власти раскрываетъ ей весь иллюзорный характеръ ея „свободы“.

Государственная власть предоставляетъ личности полную свободу въ тѣхъ областяхъ, гдѣ личность не соприкасается съ остальнымъ соціальнымъ міромъ, гдѣ она ограничивается своей узкой индивидуальной жизнью. Ей нѣтъ надобности регулировать способъ, которымъ работникъ употреблянтъ свою рабочую плату, такъ какъ эта рабочая плата представляетъ ту часть продукта, которую самъ капиталистъ нашелъ возможнымъ уступить рабочему. Государственная власть не вмѣшивается теперь въ дѣла личной совѣсти, личныхъ убѣжденій, такъ какъ душевные процессы, происходящіе внутри личности, не представляютъ никакой непосредственной угрозы тѣмъ соціальнымъ рамкамъ, которыя защищаетъ власть. Капиталистъ не спрашиваетъ рабочаго, каковы его религіозныя убѣжденія, ибо не эти убѣжденія создаютъ цѣнность, а творческая рабочая сила. Для государства тоже вполнѣ безразлично, о чемъ я думаю, во что я вѣрю, о чемъ мечтаю, если только мои мысли, мои вѣрованія, мои мечты заключены въ узенькой коробкѣ моей личности, если только мой внутренній міръ не выражается въ нежелательныхъ для государства *дѣйствіяхъ*. Какъ для капиталиста единственно важнымъ является опредѣленное воздѣйствіе работника на физическую матерію независимо отъ тѣхъ душевныхъ процессовъ, которые предшествуютъ этой механической работѣ, такъ для государства важно только то, чтобы личность установила опредѣленное отношеніе

къ другимъ людямъ, чтобы личность воздѣйствовала на соціальную матерію только въ опредѣленной формѣ, также независимо отъ ея психики. Капиталистъ на своей фабрикѣ самодержавно устанавливаетъ всѣ пріемы производства. Государство на всей территоріи устанавливаетъ такъ же самовольно формы воздѣйствія человѣка.

Экономическая власть капиталиста и политическая власть государства представляютъ только различныя формы одной и той же силы — старой силы рабовладѣльца надъ его рабомъ. Суть только въ томъ, что цѣлостное, постоянное и конкретное насиліе рабовладѣльца потерпѣло рядъ формальныхъ измѣненій. Раньше всего, оно потеряло свою цѣлостность и раскололось на двѣ части: въ области экономической хозяинъ (въ нѣсколько иной формѣ) принципіально сохранилъ всѣ свои прежнія права, но зато область отношеній политическихъ была передана спеціальному органу—Государству; въ свою очередь эта государственная власть изъ единнаго простого органа постепенно превратилась въ цѣлую сѣть, въ цѣлую систему органовъ. Власть рабовладѣльца, которая была вначалѣ такъ проста, что могла быть сравнена съ прямой линіей, превратилась въ высшей степени сложную сѣть самыхъ разнообразныхъ прямыхъ и ломанныхъ линій, которыя, подобно паутинѣ, со всѣхъ сторонъ опутываютъ работника.

Эта власть не только усложнилась, она также значительно измѣнила свои формы воздѣйствія. Въ древнемъ мірѣ насиліе рабовладѣльца какъ бы неотлучно сопровождало каждый шагъ работника. Въ наше время вмѣшательство той же власти совершается, такъ сказать, прерывисто. Кучеръ прекрасно понимаетъ, что нѣтъ надобности слишкомъ часто стегать хорошо обученную и взнузданную лошадь: сбруя, узда, оглобли, торная дорога въ значительной степени пріучили ее предупреждать желанія возницы. Онъ большей частью считаетъ возможнымъ даже спустить немного вожжи и дать волю своей лошадкѣ. Какая жалкая „воля“! Только глупое животное можетъ обольститься ею и счесть себя дѣйствительно свободнымъ. Современный „гражданинъ“ со своими дѣтскими понятіями о свободѣ похожъ на эту самую лошадь. Только потому, что сѣкира государства не такъ часто сѣчетъ его, какъ плеть рабовладѣльца, только потому, что это голое, безстыдное насиліе не совершается такъ безпрерывно, какъ когда то, онъ настолько наивенъ, что считаетъ себя политически свободнымъ. Онъ настолько слѣпъ, что не видитъ ямщика съ угрожающимъ кнутомъ, настолько глупъ и раболѣпенъ, что не чувствуетъ съ боку оглоблей и желѣзной узды въ своемъ собственномъ рту.

Этому самообману много содѣйствовала также и третья перемѣна въ организаціи насилія. Оно, какъ мы видѣли, стало менѣе конкретнымъ, почти безличнымъ. Когда то работникъ долженъ былъ подчиняться матеріальному факту, опредѣленной личности со всѣми ея капризами. Тогда его грубая зависимость была ему

ясна. Теперь онъ считаетъ себя свободнымъ только потому, что конкретная воля его господина какъ бы очистилась отъ случайныхъ, произвольныхъ капризовъ, а главное приняла абстрактную форму, форму законовъ. Законъ имѣетъ то громадное обаяніе на умъ современнаго гражданина, что онъ представляется въ формѣ какихъ то постоянныхъ, общихъ формулъ, независящихъ ни отъ чьего каприза и безразличныхъ къ личности. Создается впечатлѣніе, что эти длинные ряды параграфовъ закона, правильно группирующихся въ стройныя системы, являются какъ бы безстрастнымъ выраженіемъ самой безстрастной истины. Подчиненіе закону съ перваго взгляда не заключаетъ въ себѣ ничего позорнаго, ничего обиднаго, но, наоборотъ, имѣетъ какую то особенную прелесть — самоотверженнаго служенія нелицепріятной истинѣ, служеніе правдѣ. Близорукій, выдрессированный гражданинъ не видитъ, что этотъ якобы безпристрастный законъ въ спеціальной, абстрактной формѣ самымъ пристрастнымъ выраженіемъ эгоистическихъ интересовъ того же хозяина — рабовладѣльца.

Резюмирую нашъ общій выводъ. Древняя власть рабовладѣльца только измѣнила свою форму, но не измѣнила своей сущности: наемный работникъ, собственно говоря, тотъ же экономическій рабъ своего хозяина, а свободный гражданинъ есть тотъ же политическій рабъ буржуазнаго государства. Какъ экономическая зависимость работника выражается въ отдѣленіи его отъ вещей, такъ политическая зависимость выражается въ безчисленныхъ правовыхъ барьерахъ между людьми. Уже изъ этого ясно, каково должно быть отношеніе анархизма ко власти.

Анархизмъ, который съ такой бѣшеной ненавистью относится къ частной собственности, какъ косвенному орудію порабощенія личности, долженъ сохранить самые жестокіе удары для института власти, какъ прямому, голому, выраженію безстыднаго и безпредѣльнаго насилія. Власть не только такой же врагъ свободнаго творчества, какъ собственность, но постоянно и до нашихъ временъ остается опорой экономическаго рабства. Уже этихъ общихъ разсужденій достаточно для анархизма, чтобы объявить непримиримую войну современному государству, какъ и будущему государству, какъ и всякой формѣ организованнаго насилія надъ личностью.

Но этихъ апріорныхъ полуабстрактныхъ размышленій недостаточно для полнаго пониманія природы Власти. Необходимо остановиться на разборѣ конкретной формы ея организаціи.

—x—

VII.

Анализъ демократіи.

„Вы отрицаете всякую власть подъ тѣмъ преддогомъ, что она насильственно отдѣляетъ человѣка отъ человѣка, что она мѣшаетъ свободному творчеству. Поймите, вашъ ребяческій доводъ — чистая фантазія. Противъ крупнаго, грандіознаго историческаго фактора вы выступаете на войну съ помощью сентиментальной декламаціи. Государство было, государство есть и хочетъ быть въ будущемъ, а вы думаете доказать его непригодность очень звучными, но вполнѣ пустыми фразами о свободномъ творчествѣ и другихъ пустякахъ. Попытайтесь дать намъ что нибудь кромѣ пустыхъ фразъ: попытайтесь дать научный анализъ демократіи. Мы понимаемъ того, кто возстаетъ противъ власти самодержавнаго царя. Такая власть дѣйтвительно несправедлива, безсмысленна и деспотична. Но скажите намъ толково и ясно, почему вы противъ послѣдовательной и искренней демократіи? Неужели вы можете серьезно отрицать глубокую и справедливую идею народнаго самодержавія? Неужели вы имѣете серьезный доводъ противъ того, что самодержавный народъ можетъ передать на время свою власть собранію своихъ депутатовъ? Неужели вы имѣете какой нибудь серьезный доводъ противъ того, чтобы это законодательное собраніе назначало исполнительный органъ? Наконецъ, гдѣ тѣ серьезные аргументы, на основаніи которыхъ вы отвергаете судъ? Пока вы не дали намъ серьезныхъ, научныхъ отвѣтовъ на эти важные вопросы, мы считаемъ вашу противогосударственную проповѣдь просто чувствительной болтовней". Такъ говоритъ, такъ можетъ говорить убѣжденный демократъ намъ, анархистамъ.

Что можемъ мы отвѣтить на его „неумолимые" вопросы?

Наивный умъ, выросшій въ сферѣ буржуазныхъ понятій, безсиленъ вырваться изъ нихъ... Великая заслуга анархизма состоитъ въ томъ, что онъ въ области политики совершилъ ту же крупную критическую работу, которую началъ соціализмъ въ области экономики. Какъ соціализмъ не побоялся глубоко вонзить ножъ анализа въ самые глубокіе, закоренѣлые предразсудки экономіи, такъ анархизмъ смѣло бросилъ перчатку всѣмъ установившимся политическимъ предразсудкамъ. Анархизмъ не побоялся расшатать весь фундаментъ современнаго политическаго

строя буржузіи, разобрать его по частямъ и смѣло отвергнуть безъ колебаній и навсегда. Вотъ почему анархизмъ безпощадно разбиваетъ и тотъ идеалъ, передъ которымъ падаетъ ницъ не только раболѣпный буржуа, но которому почтительно кланяется и „научный“ соціалистъ.

Вы спрашиваете насъ, господа демократы, признаемъ ли мы самодержавіе народа. Мы отвѣчаемъ нѣтъ, не признаемъ!

Признаемъ ли мы отчуждаемость этого самодержавія собранію депутатовъ. Нѣтъ, не признаемъ!

Признаемъ ли мы хоть нѣкоторую полезность законовъ, исполнительной власти, суда? Мы отвѣчаемъ вамъ прямо и рѣшительно: нѣтъ, не признаемъ! Ни одного вашего политическаго института мы не признаемъ. Мы отвергаемъ съ презрѣніемъ ваше политическое наслѣдство, подобно тому, какъ мы хотимъ сломать и до тла разрушить весь вашъ экономическій строй. Все ваше политическое зданіе, подобно экономическому, поддерживается только голымъ насиліемъ и построено лишь на цѣлой системѣ лжи, лицемѣрія и вопіющихъ противорѣчій.

Ваша первая ложь это самодержавіе народа. Вы бросили этотъ лозунгъ въ народъ, прекрасно зная, что онъ будетъ льстить наивнымъ массамъ. Вы предвидѣли, что за пышной фразеологіей народъ не разглядитъ нищенскаго содержанія. Народъ самодержавенъ! Какая горькая насмѣшка надъ его горемъ и бѣдствіями! Какое издѣвательство надъ всей суровой дѣйствительностью! Сыны самодержавнаго народа съ дѣтства до могилы блуждаютъ по міру, какъ тѣни, блуждаютъ бездомные, голодные, въ поискахъ за покупателемъ своей рабочей силы, своего здоровья. Бѣдность, невѣжество, безконечныя униженія висятъ дамокловымъ мечомъ надъ низко опущенной головой народа, а этотъ жалкій рабъ, рабъ хозяина, рабъ надсмотрщика, рабъ квартальнаго, беззащитный передъ всякой мелкой сошкой съ мѣдной бляхой на мѣдномъ лбу — по вашему мнѣнію, по мнѣнію лицемѣрной демократіи — не жалкое безсильное созданіе, а настоящій самодержецъ? Можно ли придумать болѣе вопіющую неправду, болѣе злобную насмѣшку надъ человѣческимъ разумомъ? Быть самодержавнымъ значитъ раньше всего обладать всей суммой мощи, которой располагаютъ всѣ личности, составляющія массу народную. Стало быть, это значитъ уничтоженіе всѣхъ формъ гнета человѣка надъ человѣкомъ, а демократія есть только болѣе гармоническая форма всесторонняго господства человѣка надъ человѣкомъ.

Но всмотритесь въ самое идею самодержавія. Спросимъ себя, возможно ли вообще самодержавіе какого бы то ни было коллектива: семьи, народа, общины, націи? Власть предполагаетъ извѣстную сумму человѣческой энергіи, которой можетъ располагать властный органъ. Но развѣ есть какой бы то ни было коллективъ, который жилъ бы своей цѣлостной органической жизнью, развивалъ бы *свою* особую энергію? Каждый долженъ согласиться, что эта энергія, эта творческая сила создается, хранится, разви-

вается и потребляется *только* личностью, что коллективъ есть только совокупность этихъ личностей, которыя благодаря совмѣстной работѣ, только увеличиваютъ массу продуктовъ ихъ личныхъ энергій. Но въ реальномъ смыслѣ всякій коллективъ, начиная съ маленькой группы и кончая націей, есть только метафизическая фикція. Нація есть такая же отвлеченность, какъ любая изъ абстракцій нашего ума, и народъ абсолютно невозможенъ *внѣ* его личностей. Кто же этотъ *носитель* народнаго самодержавія? Гдѣ тотъ *конкретный* фактъ, на которомъ покоится это пресловутое самодержавіе? Нѣтъ другого носителя, нѣтъ другого фактора въ общественной жизни кромѣ человѣка, того конкретнаго человѣка, который созданъ окружающей природою, историческимъ прошлымъ и вліяніемъ человѣческой среды. А если такъ, то къ чему сводится самодержавіе, которое вы навязываете созданію нашего ума, чистой абстракціи, такъ называемому народу? Если вы захотите отказаться отъ буржуазной двусмысленности, найдете въ себѣ мужество заявить, что возможно только одно реальное, а не фиктивное самодержавіе, самодержавіе личности, то что же станется со всей вашей сложной системой политическихъ учрежденій? Гдѣ найти оправданіе вашей собственности, какъ оправдать подавленіе одной группы свободныхъ и самодержавныхъ личностей другой группой такихъ же самодержцевъ только потому, что на ея сторонѣ случайный, чисто механическій фактъ — большинство? Развѣ самодержавіе есть какая то величина, которую можно складывать, вычитывать, умножать и дѣлить?

Обратите вниманіе хотя бы на международное право. Оно признаетъ всякое правительство самодержавнымъ. Поэтому оно совершенно правильно и логично не дѣлаетъ никакого отличія въ теоріи между какой нибудь крошечной Черногоріей и колоссальной Россіей. Каждое самодержавное правительство въ международныхъ дѣлахъ пользуется не только такимъ же голосомъ, какъ всякое другое въ отдѣльности, но и какъ всѣ другія вмѣстѣ взятыя. Самодержавіе есть идея *абсолютнаго* самоопредѣленія, а никакой абсолютъ по самому существу своему не подлежитъ правиламъ ариѳметики. Точно такое же пониманіе идеи суверенитета должны мы перенести въ область національной политики. Если народъ только фикція, то фиктивно его самодержавіе. Если единственная общественная реальность — человѣкъ, то единственнымъ самодержцемъ является личность, у которой право абсолютнаго самоопредѣленія не можетъ быть отнято никакимъ большинствомъ. Мы пришли къ отрицанію большинства, а это равносильно абсолютному отрицанію самой основы демократіи. Выходитъ, что послѣдовательное, логическое развитіе демократіи приводитъ... къ отрицанію ея.

Далѣе. Можетъ ли личность, уступить свое самодержавіе добровольно другимъ? Можетъ ли она добровольно отказаться отъ своего верховенства? Отъ этого отвѣта зависитъ судьба теоріи представительнаго правленія. И здравый смыслъ даетъ отвѣтъ отрицательный.

Человѣкъ никогда не можетъ уступить другому своего верховенства, ибо оно абсолютно неотдѣлимо отъ его личности. Можно отдать другому нѣчто пріобрѣтенное, нѣчто внѣшнее, нѣчто случайное для личности. Но никто не можетъ отдать того, что врождено въ немъ, что срослось съ его внутреннимъ міромъ, что неразрывно связано съ самимъ его существованіемъ. Именно такова природа самодержавія. Человѣкъ, уступившій свое „самодержавіе“ другому, пересталъ быть личностью, т. е. самостоятельнымъ организмомъ, способнымъ жить *своей* жизнью и располагать *своими* природными силами. Отнимите суверенитетъ у „націи“ (точнѣе. у правительства или государства), и она перестала быть политической *единицей*, перестала политически существовать. *Отнять у личности на одинъ моментъ ея верховенство также значитъ ее обезчеловѣчить, оставить ей только трупъ.* Кто говоритъ „самодержавіе“ тѣмъ самымъ говоритъ *абсолютная* независимость не только въ пространствѣ но и во времени. Идея самодержавія не только не совмѣстима съ какимъ нибудь внѣшнимъ ограниченіемъ во времени, но отрицаетъ обязательность для самодержца нормъ, даже исходящихъ отъ него самого. Воля самодержца не признаетъ никакихъ рамокъ, никакихъ каналовъ. Съ того момента, какъ самодержецъ долженъ считаться хотябы со своими нормами, его самодержавіе умерло. Право можетъ быть продуктомъ самодержавія, но не его источникомъ. Самодержавіе, въ глубокомъ смыслѣ слова, не норма, не явленіе вообще, а вполнѣ метафизическій аттрибутъ, метафизическая субстанція. Ясно, что оно абсолютно неотъемлмео, какъ неотъемлема въ глазахъ метафизика сущность отъ вещи.

Анархизмъ, на нашъ взглядъ, ничего общаго не долженъ имѣть съ метафизикой. Эта подозрительная особа изъ „высшихъ“ сферъ можетъ только затуманить наше ученіе и развратить наши умы. Но это не уничтожаетъ того факта, что теорія демократіи, теорія, которая хочетъ казаться ультра-реалистической, на дѣлѣ основана на сущей метафизикѣ. Остается также тотъ безспорный фактъ, что ея основные принципы не только туманны, метафизичны, но и взаимно противорѣчивы: самодержавіе народа и представительное правленіе только одно изъ такихъ крупныхъ противорѣчій. Другимъ такимъ противорѣчіемъ является законъ.

Нужно, съ самаго начала, напомнить себѣ о томъ глубокомъ различіи, которое отличаетъ юридическій законъ отъ научнаго, съ которымъ его такъ часто смѣшиваютъ. Научный законъ не имѣетъ въ себѣ ничего авторитарнаго. Онъ не говоритъ человѣку: ты *долженъ* поступать такъ то. Онъ представляетъ въ сущности общее *описаніе* послѣдовательности явленій. Юридическій законъ, наоборотъ, представляетъ собой прямое *приказаніе* человѣку. Онъ не говоритъ: люди обычно дѣйствуютъ такъ то, а сурово командуетъ: „Я хочу, чтобъ ты сдѣлалъ то то и не сдѣлалъ того то; я не хочу знать, одобряешь ли и, понимаешь ли меня. Sic volеo, sic iubeo. За нарушеніе моей воли тебя ждутъ мои скорпіоны“. Научный законъ убѣждаетъ, юридическій повелѣва-

етъ. Въ этомъ не только — отличіе, но прямое противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, когда имѣетъ смыслъ карать личность за ея „дурную волю“, т. е. за нарушеніе закона? Очевидно, только тогда, когда мы предполагаемъ, что эта воля могла бы быть и недурной; когда мы вѣримъ, что наши поступки всецѣло диктуются ея произволомъ, ея „свободной волей“. При теперешнемъ положеніи нашихъ знаній вѣрить въ „свободу воли“ могутъ только неисправимые метафизики-идеалисты. Теперь почти внѣ спора, что наши поступки такъ же „свободны“. какъ паденіе камня или другое физическое явленіе. Что мы подумали бы о томъ, кто вѣрилъ бы, что можно остановить паденье камня или теченіе рѣки словеснымъ заклинаньемъ или угрозой наказанія? Мы безъ сомнѣнья, рѣшили бы, что имѣемъ дѣло съ ненормальнымъ умомъ, съ опаснымъ психопатомъ. Однако, такимъ психопатомъ является все современное общество, которое думаетъ посредствомъ закликаній закона и его угрозъ остановить или предупредить „преступную“ дѣятельность. Оно не хочетъ понять, что „преступность“ не причина, а слѣдствіе, и наказывать преступника столь же разумно, какъ сѣчь море, подобно персидскому царю Ксерксу. Чтобы выйти изъ нелѣпости, законъ долженъ отказаться отъ элемента наказанія, потому что послѣднее противорѣчитъ элементарнымъ пріемамъ нашего мышленія, нашей логики: наказывать человѣка за его поступки безсмысленно въ такой же мѣрѣ, какъ карать его за его красоту или уродство. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ долженъ отказаться отъ элемента принужденія, потому что безъ наказанія законъ превращается въ простой совѣтъ. Стало быть, юридическій законъ долженъ потерять всѣ свои юридическіе элементы и стать закономъ въ научномъ смыслѣ этого слова т. е. обобщеннымъ описаніемъ. Нужно ли прибавить, что это равносильно уничтоженію всякихъ законовъ?

Законъ не только противорѣчитъ научному мышленію, но заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Чтобъ не выродиться въ произволъ, чтобъ быть возможно объективнѣй, онъ долженъ охватить возможно болѣе обширную область явленій, быть возможно общѣе, возможно абстрактнѣй. Съ другой стороны, чтобъ не стать пустой отвлеченностью, совершенно непригодной въ практичезкой жизни, онъ долженъ быть, наоборотъ, возможно уже, возможно конкретнѣй. Такъ какъ абсолютно немыслимо найти золотую середину, законъ заранѣе вынужденъ цѣлыя группы „преступныхъ“ явленій оставить внѣ своей среды, такъ какъ его формула слишкомъ абстрактна, и наоборотъ, включить въ себя и карать своимъ мечемъ массу совершенно „непреступныхъ“ фактовъ только потому, что его формука слишкомъ конкретна. Другими словами, у колыбели закона лежитъ беззаконіе: самъ законъ основанъ на противозаконіи. Фактъ, способный осчастливить діалектика, не правда ли?

Но допустимъ на время, что эта искомая золотая середина дѣйствительно найдена, что закону удалось самымъ счастливымъ

образомъ очертить сферу своей компетенціи. Достигнута его цѣль? Задача закона, по крайней мѣрѣ, съ формальной стороны, карать всякое нарушеніе права и этимъ защитить личную свободу отъ произвольныхъ вторженій извнѣ. Формально, стало быть, законъ — защита личной свободы. Указывая личности, что дозволено и что запрещено, онъ тѣмъ самымъ обезпечиваетъ хотя бы извѣстную область свободной дѣятельности. Такъ ли это? Было бы такъ, только при одномъ условіи: если бы человѣкъ представлялъ нѣчто данное, застывшее, если бы такъ называемая „человѣческая природа“ представляла нѣчто неизмѣнное. Когда то въ это вѣрили всѣ. На этомъ основаніи ученые пресерьезно разлагали на мельчайшія части механизмъ „человѣческой природы“ и старались придумать такое „совершенное“ законодательство, которое вполнѣ обезпечивало бы эту „природу“ всякимъ „благополучіемъ“ и свободой. Въ настоящее время „человѣческая природа“ такъ же дурно пахнетъ, какъ „свободная воля“, „безсмертіе души“ и другія метафизическія бредни. Человѣкъ намъ кажется теперь существомъ крайне измѣнчивымъ подъ вліяніемъ всѣхъ внѣшнихъ явленій. Какимъ же образомъ можно обезпечить личности свободу путемъ законовъ? Законъ, самый лучшій, самъ снисходительный законъ можетъ только закрѣпить за мною то, что теперь *есть*, можетъ кристаллизовать то, что теперь пребываетъ въ состояніи аморфномъ. Но развѣ я завтра буду тѣмъ, что я есмь сегодня? Развѣ завтра будетъ моимъ благомъ то, что является таковымъ сегодня? А вѣдь то, что мнѣ дорого теперь, послѣ можетъ стать мнѣ ненавистнымъ, и наоборотъ. Зачѣмъ же законъ хочетъ узаконить настоящее, когда оно неизбѣжно осуждено на исчезновеніе, когда безпрерывное движеніе и внѣ человѣка и внутри его неумолимо ломаетъ и разрушаетъ всякія установившіяся рамки, которыя хотятъ остановить потокъ жизни? Понятно, что въ лучшемъ случаѣ онъ долженъ изъ ограды личности превратиться въ ея тюрьму, если онъ вначалѣ и давалъ ей сомнительныя гарантіи. Итакъ, законъ не только противорѣчитъ научному мышленію, не только основанъ на беззаконіи, но и всегда приводитъ къ цѣли, противоположной тому, что было его задачей.

Хотите иллюстрацію той роли, которую играетъ законъ въ нашей жизни? Представьте себѣ большое количество точекъ, соедините ихъ прямыми линіями, эта сѣть и будетъ нашимъ современнымъ обществомъ: точки — это наши „свободные“ граждане, линіи изображаютъ узенькія тропинки законовъ. Какъ только рождается человѣкъ на свѣтъ божій, ему назначено уже опредѣленное положеніе, по крайней мѣрѣ, онъ обезпеченъ исходной „точкой“. Отъ той точки, на которой онъ стоитъ, заботливый законъ предначерталъ ему рядъ линій, соединяющихъ его съ другими подобными же гражданами — точками. По этимъ линіямъ, узенькимъ и тѣснымъ каналикамъ и будетъ гнать свою утлую житейскую ладью бѣдный „гражданинъ“. Онъ можетъ томиться среди скалистыхъ, угрюмыхъ береговъ, онъ можетъ утонуть: ему никто не станетъ мѣшать, вѣдь, онъ „свободенъ“... Но горе ему, если

онъ захочетъ оставить „блаженную стезю“ закона и причалить къ берегу. Грубая лапа пригнетъ его до земли и напомнитъ, что законъ даетъ каждому свободу томиться, гибнуть или умирать, но онъ никогда не даетъ и не можетъ дать свободы жить... Эту гордую свободу человѣкъ получитъ, только тогда, когда онъ совершенно разорветъ всю грубую сѣть закона, сломаетъ всѣ законныя рамки, откажется влачиться по узенькимъ тропинкамъ права и смѣло выйдетъ на широкую, столбовую дорогу свободной творческой жизни.

—x—

VIII.

О Судѣ.

Въ своемъ блестящемъ докладѣ международному конгрессу 1900 года тов. Кропоткинъ признается, говоря о судѣ: „мы о немъ часто говорили, анархистскія газеты постоянно его критикуютъ и однако мы еще не вполнѣ подрыли его въ самихъ его основаніяхъ *)“. Эта мысль нашего учителя не только вѣрна, но находитъ себѣ довольно простое объясненіе. Чтобы подрыть до основанія какой нибудь институтъ, нужно знать это самое основаніе его, нужно знать, гдѣ его соціальные корни. По отношенію къ государственной власти анархистская критика исполнила свою разрушительную работу такъ основательно, что даже наши противники — соціалисты должны, по крайней мѣрѣ, формально принять нѣкоторые наши принципы. Ничего подобнаго не сдѣлано въ отношеніи суда, и по той простой причинѣ, что въ этой области мы недлаеко ушли отъ самихъ соціалистовъ. Мы много критиковали современныя и другія *формы* суда. Но разобрали ли мы самую сущность суда? Раскрыли ли мы его внутреннюю природу?

Государство и судъ, говоритъ тов. Кропоткинъ въ томъ же докладѣ, „суть два учрежденія, которыя не только со-существуютъ въ исторіи, но и тѣсно связаны между собой узами причины и слѣдствія“. Эта мысль мнѣ кажется невполнѣ вѣрной. Правда, что на протяженіи всей исторіи мы видимъ эти два учрежденія всегда рядомъ. Правда и то, что судъ со времени возникновенія государства является не чѣмъ инымъ какъ подчиненымъ органомъ власти. Но значитъ ли это, что природа суда и государства одна и та же? Значитъ ли это, что уничтоженіе государства есть тѣмъ самымъ уничтоженіе суда? Нѣтъ, и потому, что эти два института коренятся въ совершено различной соціальной почвѣ.

Государство съ первыхъ дней своего появленія на аренѣ исторіи было и осталось до нашихъ дней органомъ *классоваго* господства. Оно возникло тогда, когда одно племя, побѣдивъ другое въ между-

*) „Les Temps Nouveaux“, p. 202.

усобной войнѣ, нашло для себя достаточно выгоднымъ не перебить своихъ побѣжденныхъ враговъ, а поработить ихъ, отнять у нихъ не жизнь, а ихъ рабочую силу и свободу. Съ теченіемъ времени перемѣны въ способахъ производства, эволюція собственности и общественныхъ отношеній, вели къ тому, что господствующій классъ долженъ былъ придавать своему органу— государству каждый разъ другую форму. Но во всѣхъ своихъ формахъ, даже наиболѣе демократическихъ государство было и вѣчно будетъ только органомъ голаго *классоваго* насилія.

Иное дѣло судъ. Понятно, что въ классовомъ обществѣ и судъ долженъ подчиниться интересамъ господъ и стать, наряду съ другими соціальными институтами, только „департаментомъ" государства. Но тѣмъ не менѣе природа суда совсѣмъ иная. Государство не можетъ существовать безъ суда, судъ нисколько не нуждается въ государственной власти. Власть и судъ суть двѣ силы, которыя всегда почти шли вмѣстѣ, временами одна подчиняла другую, но каждая изъ нихъ имѣетъ свою особую природу.

Уже въ глубокія времена туманной древности, когда государство было еще чѣмъ то совершенно неизвѣстнымъ, судъ уже зарождался и пускалъ свои корни. Когда родовая община забрасывала камнями „преступнаго" члена, она въ сущности была судьей. Развѣ количество и форма опредѣляютъ сущность соціальнаго института? Не важно, что судьями были всѣ члены общины, не важно, что всѣ они вмѣстѣ исполняли свой приговоръ, а не спеціальный палачъ, а важно только то, что въ извѣстные моменты люди все таки дѣлились на двѣ стороны: одна представляла *судящихъ*, другая — *подсудимыхъ*, что одна сторона имѣла право произносить *приговоръ*, который другая сторона *должна* была исполнить. Именно въ этомъ, а не въ чемъ либо иномъ вся суть суда. Вся послѣдующая исторія только измѣняла формы, но не внутреннюю природу суда. Священникъ, феодалъ и буржуа каждый старался только приспособить этотъ исконный органъ насилія къ спеціальнымъ групповымъ интересамъ. Въ соціалистическомъ обществѣ этотъ судъ будетъ служить орудіемъ другой группы, которая теперь явно стремится къ господству, именно: интеллигенціи. Какую бы форму ни принялъ судъ въ будущемъ, онъ остается судомъ, если когда бы то ни было ни было есть судящій и подсудимый.

Судъ зародился тогда, когда *еще* не было государства; судъ будетъ существовать и тогда, когда *уже* не будетъ государства, потому что потребности, которыя удовлетворяютъ эти два института совершенно различны по свой природѣ. Государство удовлетворяетъ только одну потребность — защиту власти господъ надъ имуществомъ и личностью работниковъ. Съ уничтоженіемъ собственности, навсегда разрываются путы государства, Государство есть организмъ паразитическій, живущій *надъ* обществомъ, эксплуатирующій и губящій его. Обществу, т. е. классу трудящихся, классу людей творящихъ жизнь, стоитъ только энергически дрях-

нуть плечами, чтобъ повергнуть на землю своего паразита. Это неизбѣжно будетъ сдѣлано. Государство будетъ разрушено, надъобщественный органъ будетъ отрѣзанъ, но само общество остается. Не только личности остаются, что само собою понятно, остается *общество*, т. е. нѣчто цѣлое, органическое, нѣчто отличное отъ личности, что не совсѣмъ уже такъ понятно. Вотъ передъ нами густая сѣть, сотканная изъ веревокъ. Развѣ она — только куча веревокъ? Нѣтъ, это именно сѣть, т. е. такая комбинація веревокъ, которая можетъ исполнять уже свою *особую* функцію, недоступную ея составнымъ частямъ. На другой день послѣ разрушенія государства и уничтоженія собственности останется не аморфная масса людей, а довольно опредѣленная *организація*, ячейки которой не трудно теперь уже видѣть. Спору нѣтъ, много перемѣнъ произойдетъ внутри этой организаціи, но пока остаются современныя орудія производства, люди *должны* работать сообща, люди *должны* составлять коллективный механизмъ производства. Человѣкъ не можетъ считаться *только* со своими индивидуальными желаньями и капризами, въ производствѣ онъ не единственный, по терминологіи Штирнера, а *часть* всего производственнаго *цѣлаго*. Значитъ, у насъ по прежнему остается антагонизмъ между личностью и обществомъ. Теперь этотъ антагонизмъ не такъ рѣзко бросается въ глаза, потому что оба — и личность, и общество, угнетены третьимъ, общимъ врагомъ — государствомъ. Но съ уничтоженіемъ государства общество неизбѣжно займетъ по отношенію къ личности мѣсто старой власти. Оно захочетъ привязать къ себѣ строптивую личность, направить тѣмъ или инымъ способомъ ея дѣятельность въ „желательную“ сторону. Каковы будутъ мѣры общественнаго „воздѣйствія“, мы увидимъ дальше. Теперь для насъ важно установить только одно: уничтоженіе государства и собственности не есть еще уничтоженіе суда, въ которомъ коммунистическое общество будетъ нуждаться еще больше, чѣмъ современное, такъ какъ этотъ судъ будетъ единственной уздой личности. Отъ этой узды можетъ отказаться только такое общество, которое не имѣетъ никакой общеобязательной нормы, стало быть, никакой обязательной, видимой для личности цѣли, которое не знаетъ обязательно-коллективнаго производства, общество, которое состоитъ *только* изъ суммы индивидовъ и ихъ причудливыхъ, свободныхъ комбинацій, стало быть, общество, которому нѣтъ еще теперь названія. Нашъ выводъ таковъ: анархисты-коммунисты, считающіе величайшимъ идеаломъ, высшей ступенью человѣческаго развитія коммунистическое производство, не имѣютъ никакихъ основаній говорить объ уничтоженіи суда. Пока существуетъ общество, какъ цѣльный организмъ, хотя бы въ области произвства, пока есть какой то интересъ такъ называемый „общественный“, интересъ, который „выше“ индивидуальнаго и нуждается въ спеціальныхъ средствахъ защиты, всегда будетъ существовать *обязательное право*, хотя бы въ формѣ обычая, и судъ, хотя бы судъ третейскій, для защиты этого права.

Къ этому вопросу мы еще вернемся. Но уже теперь мы должны отмѣтить, что анархизмъ, который отрицаетъ собственность во *всѣхъ* формахъ, отрицаетъ и власть не только современную, но *всякую,* онъ отрицаетъ, стало быть, не только власть класса надъ классомъ — государство, но и всѣ формы власти общества надъ личностью,—судъ. Свободный человѣкъ долженъ сдѣлать своимъ девизомъ прекрасный, гордый стихъ поэта:

„Я самъ себѣ хозяинъ, вожатый и судья".

—x—

IX.

Умственная привиллегія.

Часъ народнаго гнѣва пробилъ. Уничтожена монополія собственности, разрушена госурственная власть, разорваны всѣ внѣшнія путы, которыя связывали руки свободнаго человѣка. Не правда ли, теперь наконецъ насталъ часъ великой радости и великаго восторга? Кто теперь смѣетъ стать на пути къ свободному творчеству? Какая сила можетъ теперь мѣшать вольному человѣку жить и работать согласно тѣмъ глубокимъ силамъ, которыя борются внутри насъ? Увы! Насъ ждетъ новое разочарованіе, тѣмъ болѣе мучительное, что оно совершенно неожиданно свалилось намъ на голову. Развѣ мы не привыкли думать, что собственникъ и полицейскій суть *единственные* враги нашей свободы? Развѣ мы не вѣрили всѣми фибрами своей души, что истребленіе этихъ хищныхъ близнецовъ навсегда очиститъ дорогу къ тому счастью, которое только и возможно на землѣ, — счастью свободнаго творчества? Увы! наша вѣра была иллюзіей и наша чудная мечта пустымъ обманомъ. Да, соціальная революція будетъ иллюзіей и обманомъ, если она, рядомъ съ собственностью и государствомъ, не уничтожитъ третьяго столь же опаснаго врага человѣческой свободы. Этотъ новый заклятый врагъ нашъ есть *монополія знаній*. Носительница ея — *интеллигенція*.

Какъ возникла эта монополія? Какова ея природа? Какъ бороться съ ней? Она возникла почти одновременно съ собственностью и государствомъ. До распаденья общества на классы, до возникновенія рабства не существуетъ никакого отличія между умственнымъ и физическимъ трудомъ, нѣтъ, стало быть, дѣленія людей на интеллигентовъ и рабочихъ. Умственные и физическіе элементы работы такъ естественно переплетаются и чередуются, что никто и не подозрѣваетъ ихъ различія. Первобытныя родовыя группы знали только одну категорію людей — работниковъ.

Но вотъ борьба между племенами, родами, первобытными общинами, привела къ созданію рабства, а затѣмъ и государства.

Общество распадается на имущихъ и неимущихъ, эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ. Въ природѣ труда происходитъ крупная перемѣна. Изъ источника личнаго удовлетворенія трудящагося онъ становится орудіемъ его эксплуатаціи. Рабочая сила отнынѣ принадлежитъ имущему и господину, который и долженъ позаботиться о томъ, чтобъ она была потрачена возможно болѣе экономно. Не сознаніе трудящагося нынѣ направляетъ его работу, а сознаніе его господина. Трудъ работника какъ бы лишается своей духовной одежды и выступаетъ впервые въ голомъ видѣ — въ формѣ простой грубой траты мышечныхъ силъ. Съ другой стороны, интересы господина состоятъ въ томъ, чтобъ сдѣлать этотъ оголенный и обездушенный трудъ возможно производительнѣй. Съ этой цѣлью необходимо не только установить возможно болѣе полный контроль надъ личностью работника, но и нужно возможно экономнѣе тратить его силы, по крайней мѣрѣ, пока эти силы не слишкомъ подешевѣли на рынкѣ. Отсюда, для рабовладѣльца и для хозяина вообще постоянный стимулъ къ развитію техническихъ знаній, къ улучшенію самихъ орудій и способовъ работы. Оказывается, на одномъ полюсѣ, трудъ работника все болѣе лишается *всякаго* элемента духовности, а на другомъ, хозяинъ превращается въ представителя *исключительно* умственной дѣятельности. *Обладаніе умственными знаніями, такимъ образомъ, коренится въ той же почвѣ, что и обладаніе матеріальнымъ имуществомъ.* Знанія такъ же мало результатъ *личнаго* накопленія, какъ и собственность. Наука есть въ такой же мѣрѣ продуктъ коллективной работы всего человѣчества, какъ и машины. Ихъ отличіе чисто формальнаго свойства: машины представляютъ собою приспособленія, лежащія *внѣ* нашего тѣла а знанія заключены *внутри* его. Если даже по отношенію къ матеріальнымъ вещамъ, ограниченный умъ обыкновеннаго, средняго собственника никакъ не можетъ отдѣлаться отъ идеи собственности, тѣмъ болѣе понятно, что обладатель „духовныхъ орудій производства“ считаетъ себя естественнымъ неограниченнымъ хозяиномъ своего умственнаго богатства. Но достаточно не особенно большого усилія, чтобъ разглядѣть всю нелѣпость и этой формы собственности, — умственной. Обладаніе имуществомъ, властью и знаніями — съ одной стороны, и бѣдность, подчиненность и невѣжество — съ другой, являются двустороннимъ выраженіемъ одного и того же факта: распаденія общества на два класса: господъ и рабовъ. Умственное „превосходство“ „высшихъ“ и „образованныхъ“ классовъ есть такое же ихъ личное достояніе, какъ обладаніе пышными дворцами и раззолоченными мундирами.

Но не только по происхожденію знаніе является результатомъ грубаго насилія и грабежа, подобно собственности и государству. Нѣтъ! *Дѣленіе общества на интеллигенцію и работниковъ, исключительное обладаніе частной группой людей знаніями всей эпохи цѣликомъ уничтожаетъ результаты экономической и политической революціи.*

Вотъ стоятъ передъ нами цѣлыя толпы работниковъ. Къ ихъ услугамъ инструменты, сырье, всѣ матеріалы. Нѣтъ надъ ними никакой команды: ни хозяина, ни жандарма. Почему же не кипитъ веселая работа? Почему не горятъ глаза яркимъ огнемъ свободнаго творчества? Почему безсильно опущены руки и молчатъ уста? Работники такъ страстно вѣрили, что всѣ причины ихъ бѣдствій — въ отсутствіи средствъ производства. Имъ сладко грезилось, что когда то, черезъ много-много лѣтъ исчезнетъ проклятая собственность, и каждому работнику станутъ доступны всѣ средства производства, и онъ станетъ своимъ хозяиномъ, хозяиномъ своего труда. Эта пора настала. То, что казалось мечтой, живущей какъ сказочная принцесса, за горами, за долами, за дремучими лѣсами, стало близкимъ, осязательнымъ фактомъ. Но вмѣсто радости и восторга, рабочіе люди поражены изумленьемъ. Что случилось? Они такъ рвались къ своей матери — природѣ, они такъ жаждали слиться съ ней въ таинствѣ вольнаго творчества, а теперь имъ кажется, что имъ чего то не хватаетъ, теперь они угрюмо стоятъ и безсильно, безпомощно ждутъ. Они похожи на человѣка, который потерялъ ключъ къ своему собственному дому и долженъ обидно стоять на порогѣ, подъ дождемъ и вьюгой, не зная, что дѣлать. Они похожи на того, кто, послѣ долгихъ-долгихъ странствій по чужимъ странамъ, послѣ долгихъ скитаній среди чужихъ народовъ, возвратился, наконецъ, на родную отчизну, съ крѣпко бьющимся сердцемъ и трепетной жаждой отдаться душой и тѣломъ роднымъ людямъ, родной сторонѣ. И вдругъ — какая мучительная, ноющая боль! — онъ съ ужасомъ видитъ, что на его вопросы отвѣчаютъ знаками недоумѣнія, что его сторонятся, что его не понимаютъ. Увы! Онъ начинаетъ понимать трагизмъ своего положенія: онъ забылъ родную рѣчь, онъ сломалъ мостъ, который велъ его къ чувствамъ и мыслямъ его земляковъ, и теперь между нимъ и его братьями — зіяетъ бездна... Рабочій классъ также потерялъ ключъ къ своему собственному дому — великой природѣ. Онъ также разучился понимать рѣчь, чудную рѣчь вольныхъ работниковъ: онъ слишкомъ долго не былъ у себя и прозябалъ на чужбинѣ, во власти чужихъ мыслей, чужихъ чувствъ, онъ слишкомъ долго былъ рабомъ. *Знаніе — вотъ ключъ къ природѣ. Знаніе — вотъ языкъ свободнаго творчества.* Рабочіе люди вырвали добычу у своихъ грабителей — собственниковъ и капиталистовъ, они убили кровожаднаго хищника — государство, но они *не знаютъ*, какъ использовать свою побѣду: между ними и природой зіяетъ бездна, бездна ихъ невѣжества.

Химія, физика, механика, геометрія, агрономія также необходимы для производства, какъ земля, машины и сырье. А эти духовные элементы работы не у рабочихъ, а у другой группы — у такъ называемой интеллигенціи *Уничтоженіе экономической и политической эксплуатаціи оставляетъ рабочаго безоружнымъ передъ лицомъ умственнаго господина, оставляетъ нетронутымъ третій видъ рабства — рабства духовнаго.*

Рабочій классъ всегда былъ рабомъ духовнымъ тѣхъ разбойничьихъ бандъ, которыя покорили его экономически и политически. Но это духовное рабство такъ же мѣняло свои формы, какъ и собственность и государство. Въ одни времена владѣльцы духовнаго имущества составляли особую касту, какъ на Востокѣ и въ Средніе Вѣка. Въ другія эпохи умственный трудъ былъ непосредственной принадлежностью господъ, какъ въ древнемъ мірѣ, гдѣ интеллигенція почти цѣликомъ сливалась съ командующимъ классомъ. Съ наступленіемъ буржуазнаго періода нарождается спеціальная группа, владѣющая умственнымъ богатствомъ и служащая классу капиталистовъ. Но каково бы ни было соціальное положеніе интеллигенціи, умственный трудъ характеризуется одной и той же чертой: онъ не дѣйствуетъ прямо, непосредственно на природу, не измѣняетъ самъ внѣшнихъ, физическихъ элементовъ физической среды, а воздѣйствуетъ *на людей*, работающихъ и преобразующихъ матерію, организуетъ *ихъ* трудъ. И эта организація труда необходима съ тѣхъ поръ, какъ онъ изъ цѣльнаго физіологическаго процесса индивидуальности превратился въ чисто механическую трату энергіи.

Какое же положеніе готовитъ соціализмъ умственному труду? Этотъ вопросъ разрѣшается уже тѣмъ простымъ фактомъ, что коллективизмъ не только не уничтожаетъ внѣшней регламентаціи труда, не только не отказывается отъ такъ называемой „организаціи“ труда, но хочетъ довести организованность до высшаго возможнаго предѣла. Работа личности не только не превращается въ ея физіологическую функцію, т. е. абсолютно *индивидуальную* дѣятельность, но наоборотъ, становится чисто *соціальнымъ* процессомъ, функціей *соціальнаго* организма и почти отрывается отъ работающей личности. Этимъ не только не уничтожается дѣленіе общества на интеллигентовъ и работниковъ, но еще углубляется пропасть между ними. Интеллигенція обособляется въ особую касту — касту правителей, которые владѣютъ не только умственнымъ богатствомъ, но и всѣми матеріальными орудіями труда и всей государственной властью. Теперь, кажется, ясно, что *соціалистическій строй есть общество, въ которомъ интеллигенція организуется въ особый классъ и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ экономическую, политическую и умственную власть надъ классомъ работниковъ.*

Пролетаріи должны навсегда запомнить, что какъ власть экономическая и власть политическая обусловливаютъ и порождаютъ одна другую, точно такъ же умственныя привиллегіи неизбѣжно ведутъ къ экономическому и политическому господству. Пока трудъ не сталъ абсолютно свободной функціей организма личности, классы не устранены: современнаго собственника соціализмъ только замѣняетъ интеллигентомъ. Отсюда, *задача рабочаго класса — уничтоженіе интеллигенціи, какъ класса, и превращеніе труда въ индивидуально-физіологическій процессъ.* Только тогда, когда работникъ сосредоточитъ въ своей личности и экономическую

власть надъ вещами, и политическую власть надъ своими дѣйствіями, и умственную власть надъ всей своей работой, когда будутъ, стало быть, разрушены всѣ соціальныя ограды, личность вполнѣ освободится отъ всѣхъ формъ классового господства.

Но какъ устранить эту новую форму рабства? Какъ уничтожить умственную монополію? Экономическія и политическія условія рабства воплощены въ извѣстныхъ учрежденіяхъ, которыя можно устранить физическимъ насиліемъ. Но какое насиліе можетъ устранить умственное господство интеллигенціи?

Нашъ отвѣтъ двоякій: Во-первыхъ, работники должны отказаться отъ всякой мысли о какой бы то ни было организаціи производства. Этимъ они отнимаютъ почву у новой паразитической касты организаторовъ-чиновниковъ. Во-вторыхъ (и это главное) пролетаріи должны сами стать интеллигентами, путемъ неустанной борьбы присвоить себѣ возможно большую долю научнаго богатства эпохи и сдѣлать слово „интеллигенція“ анахронизмомъ.

—x—

X.

Анархическая Коммуна.

Мы старались намѣтить главные этапы анархистской критики. Отрицаніе собственности, государства и умственныхъ привиллегій (я готовъ сказать: *интеллектуализма*) есть, собственно говоря, всестороннее отрицаніе *классового* господства, *фактическое* осуществленіе того, что *обьщала* демократія и что *начинаетъ* соціализмъ. Общество само по себѣ нисколько не затрагивается этой критикой. Естественно рождается потребность — намѣтить хотя бы только общія черты того общественнаго строя жизни, который Ъолженъ вырасти на развалинахъ капитализма. Анархисты-коммунисты называютъ свое идеальное общество Анархической Коммуной. Какъ бы ихъ идеалъ ни казался далекимъ современному человѣку, анализъ анархическаго коммунизма убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ не представляетъ никакого скачка, никакого рѣзкаго разрыва съ прошлымъ. Если глубже и безпристрастно вдуматься въ тѣ перемѣны, которыя онъ приноситъ міру, нетрудно замѣтить, что Анархическая Коммуна есть единственная законная наслѣдница современнаго общества.

Въ самомъ дѣлѣ, кому не ясно теперь, что отжившую, устарѣлую частную собственность нужно замѣнить какой-нибудь другой формой имущественныхъ отношеній? Какова же будетъ эта форма? Въ обществѣ, построенномъ на капиталѣ, орудіями и продуктами производства владѣютъ капиталисты. Въ обществѣ, основанномъ на трудѣ, естественно, владѣть должны *производительныя* единицы, т. е. рабочія ассоціаціи. Анархическая коммуна, по мысли самихъ анархистовъ-коммунистовъ, есть территоріальный союзъ, федерація рабочихъ ассоціацій. Зародышъ этой анархической коммуны многіе видятъ уже въ такъ называемыхъ во Франціи Биржахъ Труда. Анархическій Коммунизмъ не предрѣшаетъ вопроса о размѣрахъ своихъ коммунъ. Въ основу онъ кладетъ только одинъ простой принципъ: коммуна должна быть достаточно велика, чтобъ составить самоудовлетворяющееся экономическое цѣлое. Но этимъ нисколько не устраняется возможность и необходимость объединенія многихъ самостоятельныхъ коммунъ въ

одинъ союзъ для внутренняго обмѣна излишками. Не устраняется также возможность договора между самыми разнообразными коммунами, разбросанными по всему міру. Дѣйствительнымъ предѣломъ анархической коммуны будетъ экономическая необходимость. Итакъ, экономическую базу этого общества составляетъ *территоріальный* союзъ рабочихъ ассоціацій, владѣющій всѣми средствами производства.

Никакое общество немыслимо безъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ нормъ. Чтобы индивидуальныя работы отдѣльныхъ личностей дали опредѣленный общественный результатъ, необходимо ихъ дѣятельность уложить въ какія-нибудь общія рамки, окаймленныя нормой. Нѣтъ только никакой надобности въ писанномъ законѣ классового общества. Но анархисты-коммунисты никогда не отрицали *обычая*. Наоборотъ, они часто указывали на громадную благодѣтельную роль самопроизвольныхъ, никѣмъ не санкціонированныхъ народныхъ обычаевъ. Они, поэтому, ничего не имѣютъ противъ того, чтобъ современные многотомные писанные кодексы замѣнить болѣе простыми системами устныхъ обычаевъ, которые и будутъ регулировать общественную жизнь.

Въ основу всѣхъ общественныхъ нормъ они кладутъ *свободный договоръ* заинтересованныхъ. Посредствомъ свободнаго договора личности будутъ объединяться въ рабочія ассоціаціи. Этотъ же договоръ создастъ необходимую связь между болѣе широкими союзными организаціями.

Но гдѣ есть норма, хотя бы и созданная свободно, а не навязанная извнѣ, гдѣ есть норма, хотя бы основанная на свободномъ договорѣ, неизбѣжно нарушеніе этой нормы. Вѣдь норма только потому и создается, что имѣется въ виду неизбѣжность ея нарушенія отдѣльными лицами въ отдѣльныхъ случаяхъ. Съ нарушеніемъ нормы, съ преступленіемъ борется наказаніе. Отрицаетъ-ли анархическій коммунизмъ идею наказанія? Ни въ коемъ случаѣ. Отрицается идея *физической* кары, но никогда анархисты-коммунисты не отрицали да и не могутъ отрицать, оставаясь коммунистами, *нравственнаго* порицанія, которое обладаетъ уже теперь неимовѣрной карательной силой. Наконецъ, остается про запасъ еще такое ужасающее средство репрессіи, какъ изгнаніе изъ Коммуны. Нужна непростительная доля легкомысленной наивности, чтобъ не видѣть въ этомъ изгнаніи кары, иногда равносильной смертной казни. Смѣшными должны, поэтому, казаться анархистамъ-коммунистамъ всѣ сѣтованія и лицемѣрныя жалобы соціалистовъ, что Анархическая Коммуна беззащитна противъ „произвола“ отдѣльной личности. Коммунистическое общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи не менѣе страшное оружіе въ борьбѣ съ „преступностью“, чѣмъ современная буржуазія.

Нарушеніе обычая или договора раньше, чѣмъ подлежать наказанію, должно быть доказано и констатировано. Поэтому, свободный договоръ, обычай — мертвая буква безъ суда. Анархическій коммунизмъ, рѣзко отрицая современный классовый судъ, созда-

етъ и укрѣпляетъ другую форму суда — *судъ третейскій*. Какъ личности *сами* объединяются въ ассоціаціи, *сами* создаютъ свои нормы, точно такъ же они *сами* назначаютъ себѣ судей.

Самая характерная черта Анархической Коммуны выражается въ томъ, что она строится на фундаментѣ личной свободы и признаетъ, поэтому, только тѣ учрежденія, которыя свободно создаютъ личности на основаніи свободнаго соглашенія. Это общество хочетъ провести федералистическій принципъ до крайней возможности: оно хочетъ быть федераціей личностей. Понятно, что оно отрицаетъ принципъ порабощенія меньшинства большинству. Въ этомъ отношеніи оно представляетъ полное отрицаніе демократіи, которая есть лучшая форма организованнаго господства большинства. Въ анархической коммунѣ меньшинство имѣетъ полное право выдѣлиться въ самостоятельное цѣлое, если оно считаетъ для себя совмѣстную дѣятельность съ большинствомъ нежелательной. По убѣжденію анархистовъ-коммунистовъ, эта свобода меньшинства вполнѣ обезпечена, разъ устранено государство и разъ у большинства нѣтъ *организованной* силы для подавленія недовольныхъ.

Но возможна ли Анархическая Коммуна? Этотъ вопросъ въ устахъ марксистовъ звучитъ довольно странно. Анархисты-коммунисты имѣютъ полное право сказать, что ихъ общество болѣе, чѣмъ возможно: оно необходимо, оно уже теперь созидается на нашихъ глазахъ; для его полнаго расцвѣта необходимо только устранить капиталистовъ и ихъ организованную власть — государство. Въ самомъ дѣлѣ, что получаемъ мы, уничтоживъ капиталистическую собственность и устранивъ всѣ политическія организаціи буржуазіи? Мы получаемъ: союзъ рабочихъ профессіональныхъ союзовъ, завѣдующихъ производствомъ и потребленьемъ при помощи свободныхъ соглашеній. Всѣ остальныя перемѣны также естественно вытекаютъ изъ этого факта. Какъ соціальная демократія есть идеальная форма господства интеллигенціи, такъ анархическая коммуна есть идеальное общество рабочихъ. Анархическій коммунизмъ имѣетъ полное право сказать о себѣ, что онъ самое чистое и самое яркое выраженіе классовыхъ интересовъ пролетаріата.

—x—

XI.

Критика Коммунизма.

Анархическій коммунизмъ хочетъ создать синтезъ двухъ принциповъ: личной свободы и коллективнаго производства. Такъ какъ эти принципы, по крайней мѣрѣ, различны по своей природѣ, то все ученіе должно неизбѣжно подвергаться рѣзкимъ колебаніямъ въ ту или иную сторону. Одни, его сторонники и противники справа, должны склонять вѣсы равновѣсія въ сторону коллективности, увеличивать все больше ея прерогативы и превратить, въ сущности, анархическій коммунизмъ въ разновидность коммунизма, а анархическую коммуну въ коммунистическую демократію. Наоборотъ, его враги и друзья слѣва должны ярче освѣщать другую основу доктрины — свободу личности, расширять сферу ея вольной дѣятельности, въ ущербъ коммунѣ и коммунизму. А между этими двумя крайними точками должна, какъ всегда бываетъ, находить себѣ мѣсто средняя доктрина, которая употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы, увы! примирить непримиримое.

Какое теченіе, по нашему, всего ближе къ вѣрному истолкованію анархизма?

Возвратимся къ началу и вспомнимъ нашу исходную точку. Можно считать верховнымъ господиномъ, сувереномъ общество, а личность ея орудіемъ, которое должно служить такъ называемому „общественному благу“. Тогда мы послѣдовательно приходимъ къ соціальной демократіи, къ коллективизму. Но возможна и такая точка зрѣнія, которая не видитъ ничего выше, ничего дороже человѣческой личности и хочетъ именно на ней, на конкретной, реальной личности, а не на блѣдной абстракціи — обществѣ, основать жизнь будущаго человѣчества. Это и есть анархизмъ, который смѣется надъ всѣми фетишами въ родѣ бога, государства, общества, смѣется надъ всѣми мѣщанскими утопіями о безмятежномъ блаженствѣ и обѣщаетъ личности только одно — свободу, но зато ослѣпительно-яркую, абсолютную свободу. Анархизмъ перестаетъ быть самимъ собой, когда онъ рядомъ съ личностью признаетъ какую бы то ни было внѣшнюю силу, способную огра-

ничить въ чемъ бы то ни было свободное творчество личности. Какое дѣло анархизму до названія этой враждебной человѣку силы? Она можетъ нарядить себя въ самыя пышныя одежды современной науки, права, морали и „возвышенныхъ“ идеаловъ... Онъ найдетъ въ себѣ силы дерзко сорвать съ нея самозванный нарядъ, обнажить всю ея безобразную наготу и приковать ее къ позорному столбу... Нѣтъ того идола, нѣтъ той „святыни“, которая остановила бы разрушительный ударъ анархизма, разъ она становится на пути абсолютно свободнаго творчества личности.

Примиримъ ли этотъ анархизмъ съ коммунизмомъ? Иными словами, совмѣстима ли полная свобода личнаго творчества съ коллективнымъ производствомъ? Мы даемъ на этотъ вопросъ категорически-отрицательный отвѣтъ.

Индивидуальное творчество и соціальное производство имѣютъ только то общее, что оба представляютъ собою трату человѣческой энергіи. Но во всемъ остальномъ они составляютъ рѣзкій контрастъ. Самое крупное отличіе, которое кладетъ между ними непроходимую грань, это *цѣль* ихъ. Какую цѣль преслѣдуетъ личное творчество? Оно перестаетъ быть самимъ собою и становится обыкновенной грубой работой, если оно ставитъ себѣ какую-нибудь иную задачу, кромѣ осуществленья *идеи*, чаще всего идеи смутной, еле уловимой, зародившейся въ душѣ творца и рвущейся наружу. Самъ творецъ не только не вполнѣ ясно понимаетъ цѣль своего творчества, но и не видитъ его источника, такъ какъ идея его зарождается не въ его отвлеченномъ сознаніи, а въ самой глубинѣ его психическаго міра. Творцу дѣйствительно кажется, что имъ руководитъ *вдохновеніе*. Соціальное производство, наоборотъ, есть дѣятельность, по самому существу, утилитарная. Оно ничего общаго не имѣетъ съ полумистическимъ экстазомъ творчества. Его цѣль и источникъ сознательное стремленіе къ *вещамъ*, и руководитъ работникомъ не смутное вдохновеніе, а ясно сознанный практическій *разсчетъ*.

Индивидуальное творчество враждебно всякой внѣшней регламентаціи, какъ почти стихійный процессъ, льющійся изъ внутренняго міра творца. Соціальное производство, какъ разъ наоборотъ, должно быть всесторонне организованнымъ, обдуманнымъ и очищеннымъ отъ всего стихійнаго, случайнаго. Творчество есть искусство, а производство — наука.

Далѣе. Личное творчество находитъ въ себѣ самомъ свое удовлетвореніе. Оно въ сущности только внѣшнее продолженіе внутреннихъ физіологическихъ процессовъ личности. Во время творчества личность какъ бы расширяется и захватываетъ въ свою сферу часть внѣшней природы, дѣлаетъ на внѣшнемъ мірѣ отпечатокъ своего „я“. Напротивъ производство есть и всегда будетъ процессомъ чисто механическимъ. Въ производствѣ человѣкъ участвуетъ не какъ дѣйственная личность, а какъ пассивная масса энергіи. Личность на время стирается, отчуждается, уподобляется внѣшнему міру. Творецъ не можетъ быть замѣненъ механическимъ

двигателемъ, а производитель безпрерывно вытѣсняется машиной. Различіе между творчествомъ и производствомъ есть различіе между органической жизнью и механическимъ движеніемъ.

Изъ этихъ основныхъ различій вытекаетъ неизбѣжно цѣлый рядъ производныхъ. Но и сказаннаго достаточно для пониманія того, что творчество и производство вращаются въ совершенно различныхъ плоскостяхъ и не только не совмѣстимы, но и не сравнимы.

Здѣсь коренится первородный грѣхъ анархическаго коммунизма. Соціализмъ откровенно и чистосердечно заявляетъ, что онъ хочетъ быть ученіемъ о коллективномъ производствѣ. Если для успѣховъ этого производства необходимо обезличеніе человѣка, по крайней мѣрѣ, на время производительнаго процесса, онъ принимаетъ это рабство, какъ неизбѣжный рокъ. Но онъ не лицемѣритъ, обѣщая исполнить неисполнимое — превратить соціальное производство въ творчество личности. Соціализмъ знаетъ, что это превращеніе такъ же возможно, какъ превращеніе мужчины въ женщину, чего, какъ извѣстно, не можетъ даже всемогущій англійскій парламентъ.

Каждый вправѣ поставить анархистамъ-комнунистамъ неумолимый вопросъ: или личное творчество — тогда имѣйте смѣлость отказаться отъ коммунизма и будьте просто и вполнѣ анархистами; или соціальное производство, организованное планомѣрно, согласно даннымъ современной науки — тогда имѣйте мужество отказаться отъ анархизма — этой религіи личнаго творчества. Или-или.

Анархо-коммунистическое ученіе упорно сохраняетъ оба начала, старательно отстрѣливаясь направо и налѣво. Но недостаточно механически соединить два противоположныхъ начала, чтобъ создать дѣйствительный синтезъ. Общественная жизнь неумолимо жестока ко всякимъ компиляціямъ и, постепенно отметая всякіе фразеологическіе элементы, безпощадно обнажаетъ внутренній смыслъ всякой доктрины. Такъ, шагъ за шагомъ научный соціализмъ обнаружилъ всю суетность своихъ стремленій прикрываться изящнымъ плащомъ соціализма и показалъ всѣмъ, что онъ, собственно говоря, не что иное, какъ послѣдовательный демократизмъ. Волей-неволей и анархисты-коммунисты *на практикѣ* должны будутъ разстаться съ однимъ изъ обоихъ своихъ основныхъ принциповъ. Какъ у соціалистовъ-демократовъ стоитъ вѣчно передъ глазами огненный вопросъ, или соціализмъ, или демократія, — такъ и анархисты-коммунисты поставлены передъ дилеммой: или анархизмъ, или коммунизмъ. И какъ жизнь показала, что на практикѣ соціальная демократія есть просто демократія плюсъ соціалистическая фразеологія, такъ опытъ покажетъ, что анархическій коммунизмъ есть въ дѣйствительности коммунизмъ плюсъ анархистская декламація. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что изъ двухъ борющихся началъ коммунизмъ, какъ соціальное производство, есть нѣчто конкретное, осязательное, вполнѣ доступное пониманію широкихъ народныхъ массъ, а анархизмъ, какъ обожествленіе личности и личнаго творчества, есть конечная, неуловимая точка мучительно

долгаго историческаго процесса, который можетъ страстно захватить только слабое меньшинство. Никакая партія не можетъ устоять противъ естественнаго соблазна стать общественной силой, т. е. сдѣлать свое ученіе символомъ вѣры широкихъ народныхъ массъ. Этотъ-то соблазнъ такъ быстро размагнитилъ соціальную демократію. Не смогутъ устоять и анархисты-коммунисты передъ горделивымъ желаньемъ стать пророками большинства. Они навѣрное станутъ ими, но — увы! — они за эту чечевичную похлебку не продадутъ, но забудутъ свое право первородства, чудное право быть вѣстниками новаго міра, быть глашатаями новой идеи, которая, черезъ горы и долины, черезъ грязь и клевету, идетъ разрушить старый міръ.

Итакъ, нашъ выводъ гласитъ: *хотя коммунизмъ есть относительная необходимость, анархическій коммунизмъ есть абсолютная невозможность. внутреннее противорѣчіе, экономическая нелѣпость.*

Но перейдемъ отъ экономики къ политикѣ, бросимъ бѣглый взглядъ на политическую организацію анархической коммуны.

Анархисты-коммунисты убѣждены, что ихъ политическій строй, какъ абсолютная противоположность современнаго порядка, основанъ не на принужденіи, а на свободѣ: анархическая коммуна построена на абсолютной свободѣ союзовъ. Такъ-ли это? Вдумаемся въ этотъ вопросъ.

Припомнимъ, что и буржуазная демократія признаетъ полную свободу союзовъ, по крайней мѣрѣ, de jure. Что же превращаетъ эту свободу въ миражъ? Только одно простое, съ виду невинное обстоятельство. Граждане, дѣйствительно, имѣютъ полное право соединяться во всякіе союзы, но *за исключеньемъ только тѣхъ, которые грозятъ основамъ современнаго соціальнаго строя.* И это маленькое „но“ уничтожаетъ всякое реальное значеніе демократической „свободы“ и превращаетъ буржуазную свободу союзовъ въ жалкую фикцію. Ибо эта пресловутая „свобода“ на дѣлѣ сводится къ тому, что личность имѣетъ сомнительное счастье обладать правомъ всячески *укрѣплять* рамки буржуазнаго господства, но не смѣетъ касаться самихъ этихъ рамокъ, не смѣетъ *бороться* противъ самихъ основъ современнаго общества. Безпредѣльна-ли свобода союзовъ въ анархической коммунѣ? Ни въ коемъ случаѣ. Всѣ союзы для производства неизбѣжно ограничены условіями этого производства. Коммуна, какъ идеальная организація коллективнаго производства, можетъ допустить небывалую свободу слова, печати, свободу во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, *кромѣ* одной, экономической: кромѣ базы коммуны — коммунальнаго производства. Въ этой сферѣ коммуна даже противъ своей воли должна будетъ ступить на путь регламентаціи. Въ самомъ дѣлѣ, анархическая коимуна, какъ коллективный производитель, не можетъ безучастно относиться къ своимъ орудіямъ труда. Она не можетъ равнодушно видѣть безполезную порчу драгоцѣнныхъ машинъ или дорогихъ матеріаловъ. Отдѣльная личность, охвачен-

ная энтузіазмомъ творчества, можетъ совершенно игнорировать цѣнность потребляемыхъ ею матеріаловъ, какъ игнорируетъ желудокъ цѣнность перевариваемой пищи. Но коммуна, какъ производительница, не знаетъ никакихъ увлеченій. Она воплощаетъ какъ бы коллективный разсудокъ. Многія дѣла, особенно выдѣляющіяся изъ сферы обыденной жизни, особенно смѣлыя, геніальныя предпріятія ей необходимо будутъ казаться „безсмысленными мечтаньями". Въ ней заговоритъ собственникъ (вѣдь она, дѣйствительно, собственница своихъ орудій и продуктовъ), и она найдетъ способъ угомонить слишкомъ „безразсудныхъ". Самый простой и естественный пріемъ будетъ самъ напрашиваться. Раньше чѣмъ быть принятымъ въ коммуну и стать полноправнымъ членомъ, всякій союзъ будетъ подвергнутъ строгому разслѣдованію: будетъ и должна будетъ точно установлена его цѣль, его составъ, его средства, его потребности, его полномочія и т. д. И если коммуна найдетъ его вступленье выгоднымъ (а всякое, даже коммунальное производство основано на *интересахъ*, на выгодахъ), она приметъ его въ свое лоно. Въ противномъ случаѣ, новообразовавшійся союзъ можетъ сколько угодно взывать къ „вѣчной справедливости," взывать даже къ Уставу Коммуны, гдѣ „явно и точно" обезпечена свобода союзовъ. Справедливость и параграфы уставовъ всегда говорятъ крайне сбивчиво, когда нѣтъ рядомъ съ ними этой талантливой истолковательницы — Силы... Но передъ лицомъ компактной коммуны какое значеніе могутъ имѣть протесты отдѣльной группы недовольныхъ? Да и можетъ-ли коммуна, имѣетъ-ли она нравственное право принимать въ свою среду всякую ассоціацію и отдавать на произволъ фантазіи отдѣльныхъ личностей общественное достояніе? Пока коммуна есть организація коллективнаго производства, она можетъ включать въ себя только тѣ элементы, которые содѣйствуютъ ей въ *ея* цѣли, дѣйствуютъ по *ея* плану, подчиняются установившимся въ ней обычаямъ. Всякій организмъ, подъ страхомъ разложенія и гибели долженъ или ассимилировать или извергнуть чуждые ему элементы. Оттого, волей-неволей, рано или поздно, явно или скрыто коммуна должна будетъ поставить опредѣленный предѣлъ образованію и расторженію союзовъ внутри ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммуна постепенно кристаллизуется и постепенно болѣе или менѣе застываетъ въ *опредѣленную* сѣть *опредѣленныхъ* ассоціацій, каждая съ *опредѣленной* цѣлью. Анархическая коммуна на извѣстной ступени своего развитія, какъ видно, имѣетъ тенденцію отчасти повторить исторію средневѣковыхъ общинъ, съ ихъ гильдіями и цехами, съ ихъ шумнымъ успѣхомъ въ началѣ и томительнымъ застоемъ въ концѣ. Средневѣковая коммуна была разложена всепроникающимъ капитализмомъ, анархическая коммуна будетъ разрушена бунтующей личностью, которая рано или поздно, но сломитъ всѣ преграды, стоящія на пути ея вольнаго творчества, разорветъ она и узы коллективнаго производства!

Но отъ коммуны въ цѣломъ, отъ коммунальной „конституціи" перейдемъ къ ея составнымъ частямъ, къ ассоціаціямъ и ихъ уставамъ.

Свободу личности анархисты-коммунисты видятъ въ томъ, что личность имѣетъ неограниченное закономъ право входить въ какія угодно ассоціаціи и выходить изъ нихъ. Это, дѣйствительно, звучитъ довольно гордо: личность имѣетъ абсолютную свободу созидать и расторгать союзы! Увы! Самый легкій анализъ раскрываетъ всю мишурность этой свободы. Снова невольно напрашивается сравненіе съ современнымъ порядкомъ. Развѣ теперь пролетарій не имѣетъ права мѣнять своего хозяина? Почему мы такъ подозрительно относимся къ этому „праву“ и „свободѣ“ современныхъ рабочихъ? Потому, что вездѣ рабочіе находятъ тѣ же условія работы и эксплуатаціи. Обстоитъ-ли иначе въ анархической коммунѣ? Несомнѣнно, въ ней нѣтъ мѣста эксплуатаціи. Но мы здѣсь и не говоримъ объ экономическомъ положеніи работниковъ въ коммунахъ, а о реальной политической свободѣ личности въ ней. Мы и констатируемъ, что свобода мѣнять ассоціаціи превратится въ издѣвательство надъ личностью съ того момента, какъ каждый производительный союзъ, приспособляясь къ условіямъ своего производства, приметъ болѣе или менѣе опредѣленный видъ, выработаетъ регламентъ, по его мнѣнію, наиболѣе цѣлесообразный. Съ этого момента каждая новая личность вынуждена имѣть дѣло уже не съ равными ей личностями, а съ могучими *организаціями*, которымъ личность должна покориться, но которыхъ она не можетъ покорить. Правда, она можетъ выбирать между различными союзами. Но этотъ выборъ напоминаетъ то положеніе на войнѣ, когда деликатный побѣдитель предоставляетъ побѣжденной сторонѣ самой выбрать способъ почетной сдачи. Личность напередъ раздавлена передъ лицомъ организованнаго общества, и отъ всей ея свободы остается только мишурный блескъ, королевскій титулъ безъ короны. Не *созидать* будетъ личность свои союзы, а войдетъ въ тотъ или иной уже существующій организмъ. Не творить она будетъ уставы, а *подчиняться* тѣмъ или инымъ чужимъ регламентамъ. Не приспособитъ она среду къ себѣ, а, наоборотъ, среда заставитъ ее склонить свою голову.

Въ анархической коммунѣ только въ иной формѣ повторяется комедія демократіи, въ которой народъ самодержавенъ — самодержавенъ въ выборѣ своего господина. Его самодержавіе, черезъ опредѣленный періодъ, длится ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы переизбрать законодателей, чтобы перековать старыя цѣпи. Пусть чувствительные и лицемѣрные буржуа радуются такой трогательной свободѣ, — анархизмъ настоящій, неподкупно суровый анархизмъ, а не подслащенный анархизмомъ коммунизмъ, презираетъ ее. Онъ гордо зоветъ личность къ полной, абсолютной свободѣ и не дастъ ей склонить колѣни передъ новыми господами: ни передъ Соціалистическимъ Правительствомъ, ни передъ Анархической Коммуной, ни передъ Свободной Рабочей Ассоціаціей, ни даже передъ Союзомъ Эгоистовъ. Личность есть единственная человѣческая реальность: только она живетъ и умираетъ, наслаждается и страдаетъ, радуется и тоскуетъ; только она имѣетъ абсолютное право самоопредѣленія; всякая попытка

поставить ей *какой-нибудь* барьеръ есть открытое предательство. Въ этомъ и только въ этомъ вся душа анархизма.

Отъ экономики и политики поднимемся выше — въ область права.

Какова точка зрѣнія анархизма? Что онъ отрицаетъ законъ, это общеизвѣстно. Но законъ есть только одна изъ историческихъ формъ права, по нашему мнѣнью, наиболѣе совершенная, во всякомъ случаѣ, позднѣйшая форма. Кромѣ закона, исторія знаетъ другую форму правовыхъ нормъ, которая вѣками предшествовала закону и можетъ на тысячелѣтія его пережить: это — *обычай*. Задача всякой правовой нормы — регулированіе междучеловѣческихъ отношеній сообразно какой-нибудь объективной цѣли. Этой внѣшней, объективной цѣлью можетъ быть идея божественной справеливости, общественное благо, классовый интересъ, коллективное производство. Если отношенія эти просты, они достаточно прочно охватываются устнымъ обычаемъ. Но когда общественная жизнь усложняется, является повелительная необходимость, обостряемая интересами господствующаго класса, свести всѣ устные обычаи въ стройную систему писанныхъ законовъ. Исторія права отъ обычая къ закону такъ же понятна, какъ исторія техники отъ ремесленнаго инструмента къ машинѣ. Можетъ-ли анархизмъ, отрицающій законъ, питать нѣжныя чувства къ обычаю?

Анархизмъ отрицаетъ какія бы то ни было внѣшнія, но обязательныя для личности цѣли. Онъ видитъ справедливо свою гордую заслугу въ томъ, что безпощадно уничтожаетъ всѣхъ фетишей и всѣхъ идоловъ, передъ которыми человѣкъ такъ долго, такъ покорно и такъ постыдно гнулъ свою голову. Онъ при помощи науки открываетъ ему небо и говоритъ: „Смотри, — здѣсь нѣтъ, не было и быть не могло того бога, который тебѣ грезился, какъ воплощеніе справедливости, и давилъ тебя, твою душу, какъ тяжелый кошмаръ. То, что ты называлъ карающимъ богомъ есть твой страхъ, твоя жалкая трусость. Ты былъ невѣжественъ и слабъ, ты былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ густымъ лѣсомъ непонятныхъ тебѣ силъ. То, чего мы не понимаемъ, намъ кажется чуждымъ и внушаетъ намъ страхъ. И ты свой вѣчный, подавляющій страхъ, который подстерегалъ тебя изъ-за каждаго кустика, гнался за каждымъ твоимъ шагомъ, мучилъ и томилъ твою каждую мысль, ты этотъ свой страхъ назвалъ богомъ. Мы всегда втайнѣ уважаемъ то, чего мы боимся, потому что оно кажется намъ сильнѣе и выше насъ. И ты, безсильный, надѣлилъ своего бога всѣми атрибутами могущества и силы. Но твоему подлому страху теперь долженъ наступить конецъ. Вооружись острымъ топоромъ своего разума, храбро углубись въ самую чащу неразгаданнаго, руби все, что мѣшаетъ тебѣ идти впередъ и ступай все дальше и дальше! Ты поймешь, ты долженъ понять, какъ глупъ былъ страхъ твой. Тогда вознесись, подобно хищному орлу, на самыя крутыя, горныя высоты жизни и дерзко брось на всѣ стороны твой побѣдный кличъ: „Я убилъ въ себѣ свой страхъ, я убилъ на небѣ бога!“

Только дерзни, и ты услышишь, какъ могучее горное эхо разнесетъ твой кличъ по всѣмъ высокимъ горамъ и глубокимъ долинамъ. Тогда дерзни еще больше, напряги всѣ свои силы и крикни еще громче: „Бога нѣтъ! Пусть же самъ человѣкъ будетъ богомъ!“ Ты увидишь, что твой старый богъ трусливо встрѣтитъ твой вызовъ молчаньемъ, а изъ всѣхъ ущелій горъ тысячи звучныхъ голосовъ тебѣ отвѣтятъ: „Самъ человѣкъ будетъ богомъ!“

Такъ анархистская доктрина приходитъ къ полному отрицанію какихъ бы то ни было цѣлей, навязанныхъ личности извнѣ „божественной“ волей. Она объявляетъ „божественной“ всякую цѣль.

Богъ—вотъ одинъ изъ тѣхъ фетишей, на которыхъ анархизмъ долженъ направить свои первые жестокіе удары. Никакой уступки религіи, никакой терпимости по отношенію къ „потустороннему“ міру, безпощадная, убійственная грубость по отношенію ко всякой попыткѣ затушевать нашъ абсолютный атеизмъ! Чтобы сдѣлать человѣка дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ творцомъ жизни, нужно раньше всего оторвать его отъ той пуповины, которая приковывала всѣ его мысли къ міру небесныхъ призраковъ: раньше, чѣмъ сдѣлать жизнь абсолютно свободной, нужно сдѣлать ее самоцѣлью, очеловѣчить ее. Отсюда, лозунгъ анархизма: безпощадная и вѣчная война всѣмъ богамъ!

Анархическій коммунизмъ, нужно отдать ему справедливость, честно и открыто всегда боролся со всѣми религіозными идолами. Въ противовѣсъ лицемѣрной соціальдемократіи, онъ постоянно выставлялъ на первый планъ свой атеизмъ. Съ тѣмъ большей горечью должны мы клеймить его безсиліе идти до конца по пути смѣлаго отрицанія.

Уничтоженіе бога наноситъ острый ударъ не только прихлебателямъ религіи—духовенству, не только расшатываетъ устои всякой власти, но и *вырываетъ почву у всякой идеи долга, разрушаетъ, стало быть самое основу какъ права, такъ и морали.* Что такое „право“ и что такое „обязанность“, если нѣтъ бога и установленныхъ имъ вѣчныхъ законовъ спрадедливости? Искусственное учрежденіе, созданное тѣми, кому выгодна данная система правовыхъ нормъ! Почему же лучше дѣйствовать согласно праву, а не наперекоръ ему? Разъ право лишено божественной санкціи, я буду лучше каждый разъ сообразоваться не съ кодексомъ законовъ, а съ моими интересами и моимъ настроеньемъ. Законъ постарается карать меня. Экая бѣда! Я постараюсь или побѣдить или перехитрить его. Законъ становится для меня только заборомъ, черезъ который нужно умѣть перешагнуть или который я стараюсь обойти. Понятно, какой ужасъ долженъ охватить всѣ буржуазныя сердца, горящія пламеннымъ огнемъ „правосудія“. Понятно, что нужно отправиться въ поиски за новой основой права. Всѣ новѣйшія теоріи права, въ сущности, и представляютъ собою только жалкія попытки замазать ту брешь, которую образовала своимъ паденьемъ вѣра. Одни юристы исподволь возвращаютъ насъ чернымъ ходомъ въ нашу старую обитель—религію,

только слегка перекрашенную въ научно-метафизическій цвѣтъ (Историческая школа). Другіе же поступаютъ еще проще: они просто-на-просто замѣняютъ полинявшаго „бога“ ярко сіяющей „природой“, и передъ нами выростаетъ „естественное право“. Если раньше бандиты грабили и мучили меня, потому что этого требовали законы „божіи“, то теперь меня будутъ терзать точно также на основаніи законовъ „природы.“ Какая умилительная перемѣна!

Какова должна быть позиція анархизма? Онъ не только долженъ принять основной принципъ реалистической школы, что право есть сила, но и сдѣлать изъ него единственно логическій выводъ: уничтоженіе всякаго права, уничтоженіе права во всѣхъ его формахъ. Дѣлаетъ-ли такой выводъ анархическій коммунизмъ? Поищемъ отвѣта.

Въ основу своего общежитія анархическій коммунизмъ кладетъ довольно ясный и прочный принципъ — принципъ свободнаго *договора*. Но развѣ этотъ принципъ не чисто правовой? Въ переводѣ на языкъ конкретной жизни договоръ значитъ: я *обязуюсь* при *опредѣленныхъ* заранѣе условіяхъ совершить *опредѣленное* дѣйствіе или воздержаться отъ него *взамѣнъ опредѣленнаго* обязательства съ твоей стороны. Здѣсь констатируется существованіе *двухъ* сторонъ и двухъ *антагонистическихъ* интересовъ, договоръ старается найти почву для примиренія, для компромисса: эта почва есть право. Кто исполнилъ свою часть договора имѣетъ *право* требовать исполненія обязательства его контрагентомъ. Онъ имѣетъ, стало быть, право *заставить* его тѣмъ или инымъ насильственнымъ способомъ осуществить его *обязанность*. Въ противномъ случаѣ договоръ лишенъ всякаго реальнаго смысла. Если я не имѣю права заставить силой исполнить договоръ, то зачѣмъ же я стану заключать его: вѣдь его нарушеніе связано съ нарушеньемъ моихъ *интересовъ*. Эта сила вовсе не должна быть чисто физической. Достаточно, напр., рѣшенія третейскаго суда выразить нарушителю договора общественное порицаніе. При соціальныхъ условіяхъ, которыя стремится создать анархическій коммунизмъ, такое безобидное порицаніе можетъ равняться смертной казни. Важно только одно: *всякій договоръ необходимо предполагаетъ правовое разграниченіе интересовъ и внѣшнее принужденіе по отношенію къ правонарушителю*. Ясно даже слѣпому, что анархическій коммунизмъ не имѣетъ никакого основанія говорить объ уничтоженіи права.

Все, что дѣлаетъ анархическій коммунизмъ сводится къ отрицанію *современнаго* права во имя будущаго. Онъ отрицаетъ право, защищающее *частную* собственность, чтобъ создать право, основанное на *общественной* собственности. Онъ отрицаетъ *писанное* право въ пользу *обычнаго*. Онъ измѣняетъ *формы* принужденія. Это радикальная реформа права, но только *реформа*.

Такова сущность идеи договора. Ея тенденціи въ реальной жизни должны внушать еще больше опасеній защитникамъ личной свободы. Въ самомъ дѣлѣ, первоначальное многообразіе догово-

ровъ съ теченіемъ времени должно смѣниться болѣе или менѣе устойчивыми формами отношеній. Всякая норма должна приспособиться къ средѣ. Всѣ договорныя нормы вращаются въ довольно опредѣленныхъ границахъ коммунальнаго производства. Рано или поздно выработается опредѣленыая форма договора не только между коммунами въ Федераціи и между союзами въ Коммунѣ, но и между личностями въ союзахъ. Всѣ основные типы отношеній примутъ неизбѣжно наиболѣе подходящій *опредѣленный* договоръ. И передъ нами новая стройная система нормативныхъ отношеній, *новая система права.*

Всякая система права нуждается въ опредѣленномъ выразителѣ, въ опредѣленной формѣ суда. Анархическій коммунизмъ имѣетъ *третейскій судъ.* Уже сама идея договора, какъ мы видѣли, необходимо предполагаетъ борьбу интересовъ. Но гдѣ есть борьба, тамъ неизбѣжны конфликты, которыхъ не въ силахъ разрѣшить сами заинтересованныя стороны. Такъ какъ договоръ кладется въ основу *всѣхъ* общественныхъ отношеній, то необходимъ *всеобщій* способъ разрѣшенія этихъ конфликтовъ. Естественно, что въ обществѣ, которое даже экономическую жизнь перестроило на фундаментѣ свободнаго договора, и судъ долженъ быть проникнутъ этимъ принципомъ. Поэтому третейскій судъ такъ же мало похожъ на демократическое правосудіе, какъ коммунистическое производство похоже на капиталистическое. Но перестаетъ-ли отъ этого третейскій судъ быть судомъ?

Многіе анархисты-коммунисты отвѣчаютъ на этотъ вопросъ положительно. Они хотятъ увѣрить себя, что третейскій судъ не авторитарное учрежденіе, а совѣщательное. Имъ кажется, что онъ не выноситъ постановленій, а выражаетъ какъ бы мнѣніе экспертизы. Нѣтъ ничего болѣе наивнаго такой аргументаціи. Если рѣшеніе третейскаго суда только мнѣніе, то почему же по одному и тому же дѣлу возможно только одно третейское разбирательство? Развѣ я не могу обращаться къ десяткамъ другихъ лицъ, столь же компетентныхъ, какъ и третейскіе судьи? Почему выраженіе этого мнѣнія обставляется и должно обставляться извѣстными, установленными формальностями? Почему его рѣшенія признаются всѣми абсолютными обязательно.

Третейскій судъ не только судъ, но и таитъ въ себѣ самые ужасные пороки этого позорнаго учрежденія. Даже буржуазное правосудіе допускаетъ судебныя ошибки и судебныя преступленья. Оттого оно признаетъ кассаціи и аппеляціи. Третейскій судъ беретъ на себя непростительную, безстыдную дерзость дѣлать свои рѣшенія окончательными. Если современный судъ удовлетворяется областью права и считаетъ себя не компетентнымъ въ дѣлахъ личной совѣсти, третейскій судъ неограниченъ никакими рамками и можетъ намъ свободно залѣзать въ душу, рыться въ нашихъ чувствахъ, какъ въ канцелярскихъ бумагахъ, и выноситъ намъ порицаніе иногда такой ужасной формы, что оно равносильно смертному приговору. При современной организаціи правосудія я

могу, по крайней мѣрѣ, знать хоть приблизительно тѣ нормы, на основаніи которыхъ будутъ судить мое правонарушеніе. Въ третейскомъ разбирательствѣ мои интересы, иногда моя честь, моя жизнь предоставлены чистому произволу другихъ лицъ. Другой, чужой мнѣ человѣкъ, который никогда не переживалъ и никогда не пойметъ тѣхъ душевныхъ мукъ, которыя привели меня къ нарушенію договора или „нравственности“ можетъ имѣть низость разбирать мою душу по частямъ, одобрить одно чувство и осудить другое, онъ можетъ оцѣнивать и взвѣшивать каждую дрожь моего сердца, подсматривать и собирать мои стоны и мои слезы... И я не могу крикнуть ему въ лицо: „Наглецъ! ты совершаешь самое ужасное святотатство! Ты хуже палача: ты убиваешь не тѣло, а то, что еще дороже — мою душу, мою гордость. Ты однимъ своимъ словомъ сгибаешь мою спину, заливаешь краской стыда и позора мое лицо... Какъ можетъ свободный человѣкъ жить безъ горделиваго сознанія своей незапятнанной чести? А ты грязнишь мое имя, и я долженъ покорно молчать, потому что я самъ или мои обвинители нарядили тебя въ шутовской костюмъ третейскаго судьи“!... Какой позоръ! Нужно только немного вдуматься, чтобъ почувствовать глубокое омерзеніе къ этой новой формѣ самаго мучительнаго насилія надъ душой одинокой беззащитной личности.

Но можетъ ли Анархическая Коммуна отказаться отъ третейскаго суда? Нѣтъ, не можетъ, потому что онъ краеугольный камень этого общественнаго строя жизни. Общество, которое живетъ коллективнымъ производствомъ, должно разсматривать своихъ членовъ какъ работниковъ, т. е. какъ воплощеніе извѣстной доли общественной производительной силы. Доставку этой силы общество не можетъ предоставить капризной фантазіи личности. Оно вынуждено гарантировать себя отъ измѣнчиваго настроенія индивида. Какъ бы общество ни относилось терпимо къ свободѣ личностей, составляющихъ его, пока оно остается самимъ собой, пока оно болѣе или менѣе постоянное общественное цѣлое, оно, въ интересахъ самосохраненія, въ интересахъ самихъ личностей, должно создать нѣкоторую узду для произвола его. Эта узда должна своевременно остановить „преступную“ личность, какъ только она дерзаетъ парешагнуть черезъ ту линію, которая отдѣляетъ организованное общество отъ „анархіи“. Такой идеальной уздой является третейскій судъ. Устами третейскаго суда говоритъ оскорбленный Самодержецъ-Общество. „Я не хочу тебѣ зла, говоритъ оно одинокой личности. Наоборотъ, въ послѣднемъ счетѣ, я забочусь о твоихъ же интересахъ. Мой приговоръ не наказаніе, а напоминаніе. Охваченный судорогой творчества, ты склоненъ разсматривать природу, и людей какъ объектъ, какъ матеріалъ для твоей творческой воли. Должно напомнить тебѣ, что ты заблуждаешься. Мудрые египтяне вносили мумію въ залъ пиршества, чтобъ напомнить пирующимъ, что жизнь не сплошной праздникъ, что у порога радостей стучится роковая тайна — смерть. Такимъ же мудрымъ «memento mori» является для личности мое рѣзкое неумолимое осужденіе. „Я хочу“ дерзко кричитъ личность и хочетъ

весь міръ захватить и претворить въ свое „я“. „Ты долженъ“, тихо шепчу я тебѣ. Помни, что рядомъ съ „я“ есть „ты“, что твоя свобода кончается тамъ, гдѣ начинается свобода другого. Но ты презрительно сжимаешь губы и мечтательно смотришь въ даль. Я читаю въ гнѣвныхъ складкахъ твоего лба: „Я — единственный, и міръ — мое достояніе“. Жалкое самомнѣнье! Съ такимъ же правомъ можно сказать тебѣ: „*Я*“ песчинка на днѣ морскомъ, „*ты*“ — есть дно морское. И если личность въ своей смѣшной близорукости слишкомъ повелительно и слишкомъ порывисто ставитъ ребромъ свое „да“, общество должно противопоставить ей свое рѣшительное и холодное „нѣтъ“. Мое „нѣтъ“ есть тонкій хлыстъ, который больно хлещетъ твою гордость. Но это же „нѣтъ“ есть мостъ твоей свободы, безъ него ты неизбѣжно упалъ бы въ океанъ безсилія.

„Я“ и „ты“ — вотъ вѣчный источникъ неумолимой борьбы. Только дѣтская глупость можетъ мечтать примирить насъ. „Свободный договоръ“, „добровольный союзъ“, „взаимная помощь“ — такъ поетъ перезрѣлое дѣтство. Всѣ эти монотонныя, тошныя пѣсни сливаются въ одинъ гимнъ, этотъ гимнъ — ублюдочный сынъ мѣщанскаго разсудка и дурно пахнущей „свободы“ — называется „добровольное подчиненіе“. Поистинѣ, безобразенъ этотъ ублюдокъ, безобразенъ, какъ трехмѣсячный выкидышъ.

„Но гдѣ же исходъ?

„Или я покорю тебя, или ты разорвешь мою зду. Или ты откажешься отъ своихъ лучезарныхъ, но — увы! — неосуществимыхъ утопій объ абсолютной свободѣ личности и ты удовлетворишься той относительной свободой, которую я могу тебѣ дать. Тогда, я обѣщаю тебѣ, что ты не раскаешься. Въ моихъ объятьяхъ ты не найдешь палящаго зноя, который грезится твоей возбужденной фантазіи. Но за то я укрою тебя отъ леденящаго холода. Въ нѣдрахъ „свободнаго общества“ тебя ждетъ тепло и сырость, зеленая травка и уютный домикъ, мирная дружба и сытный обѣдъ. Въ моей долинѣ отъ разрушительныхъ бурь тебя охраняютъ высокія горы солидарности, а отъ непогоды и ненастья тебя защищаютъ бѣлые шатры моихъ обычаевъ.

„Но я вижу: твои глаза сверкнули огнемъ, твоя рука хватается за мечъ. Не говори: на твоихъ устахъ я явственно читаю презрительный вызовъ. Ты не хочешь моихъ благъ и не хочешь моей узды. На каменистой вершинѣ ты хочешь разбить свой шатеръ. Ты не хочешь мира, ты жаждешь войны. Хорошо! Знай же, что я буду безпощаденъ. Я не могу позволить тебѣ расхищать мое богатство. Отъ меня, отъ моего всевидящаго ока тебя ничто не укроетъ. Внутри тебя самого я съ дѣтства поставлю своего шпіона (ты называешь его то разсудкомъ, то моралью), который откроетъ мнѣ всѣ потайные уголки твоей совѣсти. И надъ твоей мятежной головой будетъ висѣть, какъ дамокловъ мечъ, суровый приговоръ моего суда. Или я, или ты! *Или Обществоо или личность!*“

Или общество, или личность! Вотъ гордіевъ узелъ, который должна распутать наконецъ анархистская доктрина. Соціализмъ и здѣсь оказывается въ положеніи гораздо болѣе счастливомъ, чѣмъ мы. Онъ безъ колебанія становится на точку зрѣнія общества. Согласно его воззрѣнію, общество исторически предшествовало личности, создало и воспитало ее. И до сихъ поръ личность внѣ общества кажется соціалисту какой то нелѣпостью. Онъ не можетъ себѣ представить, чтобъ, личность имѣла какіе то свои интересы, отличные отъ общественнаго блага. Въ его сознаніи единственная реальность есть общество, и всѣ личныя страданія коренятся только въ недостаткахъ общественной организаціи. Въ глубинѣ души правовѣрный соціалистъ крѣпко вѣритъ что его идеальное общество не имѣетъ никакихъ „недостатковъ“ и потому не будетъ знать никакихъ страданій и осуществитъ, наконецъ, тотъ рай, который намъ когда то обѣщала Церковь. Развѣ не вполнѣ естественно что для соціалиста даже не существуетъ вопроса о личности? Если личность отъ колыбели до могилы только тѣнь общества, если она ни исторически, ни экономически, ни духовно не мыслима внѣ общества, то какое намъ дѣло до нея? Ея радости и ея страданія, ея подвиги и ея ошибки такъ ничтожны въ сравненіи съ исторіей общества, что тонутъ въ ней какъ капля въ морѣ. Соціализмъ и приглашаетъ насъ сосредоточить все свое вниманіе на вопросахъ общественнаго преобразованія. Въ полномъ согласіи со своими основными принципами, онъ предлагаетъ намъ организовать *общественное* производство, матеріальное богатство передать *обществу*, сдѣлать *общество* политическимъ и духовнымъ господиномъ жизни. Онъ никогда не задумывается надъ тѣмъ, увеличить ли или нѣтъ прерогативы общества. Онъ не задумался бы, вѣроятно, передать обществу и такія функціи личности, какъ пищевареніе, еслибъ только эта „соціализація“ была возможна и „цѣлесообразна“, т. е. помогала бы экономіи *общественныхъ* производительныхъ силъ. Соціализмъ есть настоящій апоѳеозъ общества и непримиримый врагъ личности. „Свобода личности“ звучитъ въ ушахъ его: разнузданность, произволъ, развратъ. „Общественная необходимость“, наоборотъ, кажется ему воплощеніемъ всѣхъ его завѣтныхъ мечтаній: организованности, порядка, матеріальнаго изобилія. Неудивительно, что соціализмъ, на своемъ правомъ крылѣ, готовъ сохранить всѣ орудія буржуазнаго угнетенія, даже тюрьмы и полицію; но даже самое лѣвое крыло соціализма не можетъ и не хочетъ отказываться отъ „моральныхъ мѣръ воздѣйствія“ и „дисциплины“. Идеалъ соціализма въ томъ, чтобъ настолько пропитать личность сознаніемъ общесственнаго блага, чтобъ она никогда *не хотѣла* даже нарушать интересы коллективности и сдѣлать этимъ совершенно лишними репрессивныя мѣры. Какое дѣло соціализму до того, что такое „воспитаніе“ калѣчитъ благородную личность, святотатственно топчетъ ногами душу человѣческую — эту великую святыню міра? Оно укрѣпляетъ базу *общественнаго* производства, скрѣпляетъ *общественныя* узы: этого достаточно.

Какова анархистская точка зрѣнія? Анархизмъ вовсе не долженъ отрицать тотъ безспорный факторъ, что общество предшествовало личности. Личность есть сложный продуктъ крайне долгаго историческаго развитія. Пока индивидъ не созналъ, не почувствовалъ, что онъ нѣчто отличное отъ *всего* остальнаго бытія, нѣчто *качественно* различное, онъ еще не личность. Чувство одиночества, чувство оторванности вотъ главный корень индивидуальности. Повидимому, въ животномъ мірѣ еще крайне слабы зачатки этого чувства. Оттого, не замѣчаемъ мы тамъ ясныхъ слѣдовъ личности. И homo sapiens долженъ былъ пережить долгую мучительную эволюцію пока въ первый разъ почувствовалъ свою особность не только отъ міра животныхъ, но и отъ подобныхъ себѣ; пока онъ въ первый разъ сопоставилъ себя всему живому. Въ тотъ моментъ, когда человѣкъ впервые замѣтилъ, что всѣ остальные люди вовсе не думаютъ и не чувствуютъ точно такъ, какъ онъ; что въ немъ самомъ скрытъ какой то загадочный міръ переживаній, о которомъ другіе люди могутъ только догадываться, и то крайне блѣдно, что въ немъ есть какое то странное „я“, которое вовсе не является повтореніемъ „ты“ и „онъ“; въ тотъ моментъ вмѣстѣ со вздоромъ щемящаго чувства одиночества совершилось великое таинство рожденія личности.

„Вотъ (сказалъ себѣ человѣкъ) лежитъ предо мною грандіозный міръ бытія: звѣзды, земля, растенія, животныя и люди. И среди этого безконечнаго моря жизни стою я. Я могу потонуть въ немъ безслѣдно, но я могу стать его господиномъ. Я чувствую въ себѣ какую то великую мощь разрушенія и созиданія“. Такъ сказалъ онъ, и впервые горделивое сознаніе своего достоинства зашевелилось въ немъ. „Но я одинъ, совершенно одинъ (прибавилъ онъ). Весь этотъ міръ, даже люди—мнѣ чужіе. Они иногда понимаютъ меня, но „они“ все таки не „я“. Я могу подойти къ нимъ, но не могу слиться съ ними. Мои самыя глубокія, самыя задушевныя переживанія молчаливо протекаютъ внутри меня, приходя неизвѣстно откуда и уходя непонятно зачѣмъ, и никто не видитъ не можетъ ихъ видѣть—этихъ таинственныхъ гостей моей души“. И чувство бездонной тоски стало рядомъ съ мощной гордостью. Одиночество — мать личности, а гордость и тоска ея родныя сестры.

Ребенокъ не можетъ выйти въ свѣтъ, не оторвавшись раньше отъ пуповины матери. Какъ совершила этотъ разрывъ личность?

Раньше всего, она должна была порвать невидимыя нити, которыя привязывали ее ко всей внѣшней природѣ. Именно религія, какъ это говоритъ даже ея названіе *), имѣетъ своей задачей *связывать* человѣка со всѣмъ внѣшнимъ міромъ, сведши все бытіе

*) „Религія“ происходитъ отъ латинскаго слова «religo», которое значитъ „связываю“.

къ единству и указавъ человѣку его вѣчное мѣсто среди этого бытія. Она заставляетъ человѣка чувствовать себя, наравнѣ со всѣмъ остальнымъ міромъ, руководимымъ одной и той же высшей сознательной силой. Она черпаетъ свою силу въ томъ, что и человѣка и весь остальной міръ сковываетъ одной и тойже цѣпью, лежащей внѣ ихъ, въ божественной волѣ, въ рукахъ которой человѣкъ является только однимъ изъ безчисленныхъ слѣпыхъ орудій. Оттого человѣкъ не можетъ почувствовать своей особности отъ природы, пока не расшатана эта вѣра въ божественную волю, пока не поколеблена религія.

Но постепенно религія начала колебаться, и каждое колебаніе рвало путы личности. Каждый религіозный кризисъ, хотя бы на время освобождавшій человѣка отъ религіозныхъ призраковъ будилъ въ немъ какія то смутныя чувства и мысли. „Если міръ и мое положеніе въ немъ вовсе не таковы, какъ я думалъ раньше. то что же такое міръ и *что такое я?*“ Такъ невольно думалъ человѣкъ, видя какъ падаютъ доселѣ мощные религіозные устои. Правда, что кризисъ религіи часто сводился къ тому, что старая вѣра кое какъ поправляла прорѣхи, причиненныя критикой, и человѣкъ снова опутывался новыми религіозными узами. Но кризисъ не проходитъ даромъ. Послѣ каждаго мучительнаго вопроса: „что же такое я?“ все быстрѣе растетъ и развивается таинственный зародышъ личности. Паденье язычества, гуманизмъ и реформація, „французское просвѣщеніе“, — эти грандіозные религіозные кризисы служатъ великими этапами личности.

Но только въ наше время были нанесены религіи первые смертельные удары, и только въ нашу эпоху значительное меньшинство человѣчества окончательно порвало религіозныя путы. Вмѣстѣ съ появленіемъ открытаго атеизма человѣкъ впервые безбоязненно сталъ лицомъ къ природѣ. Старый, больной вопросъ о назначеніи человѣка еще глубже врѣзался въ душу и далъ новый небывалый толчекъ развитію личности.

Съ внѣшнимъ міромъ меня не связываетъ никакая божественная сила. Стало быть, я могу на землѣ устроить свою жизнь такъ, какъ я хочу. *Но каковы же мои отношенія къ остальнымъ людямъ?* Богъ — уродливый выкидышъ моей фантазіи, но, вѣдь, общество — реальный фактъ: *гдѣ же мое мѣсто въ обществѣ* Религіозные догматы при свѣтѣ науки исчезли какъ фантомъ. Но *какъ относиться мнѣ къ морали?* Есть ли отрицаніе бога и религіи отрицаніе общества и морали? Эти вопросы начинаютъ особенно сильно волновать личность по мѣрѣ того какъ она освобождается отъ религіознаго ига.

Въ теченіе вѣковъ, тысячелѣтій человѣкъ жилъ и умиралъ съ вѣрой въ бога. Онъ не только вѣрилъ, что есть гдѣ то таинственная сила, создавшая землю и небо и человѣка. Онъ чувствовалъ бога на каждомъ шагу, въ себѣ самомъ. Онъ скорѣе могъ усомниться въ своемъ существованіи, чѣмъ въ существованіи божества, безъ котораго онъ не могъ представить себѣ никакого

бытія. Для религіознаго ума богъ есть не только реальность, но основа, необходимая предпосылка всякой реальности. И вотъ, не смотря на это, вѣра рухнула, и богъ оказался только блѣднымъ призракомъ. Не является ли такимъ же призракомъ и общество?

Не понадобится много усилій для того, чтобъ убѣдить каждаго, что общество не представляетъ собой самостоятельнаго организма, что оно не мыслимо внѣ отдѣльныхъ личностей. Каждый согласится съ той простой мыслью, что общество есть только *организація* индивидовъ. Что же значитъ организовать?

Еслибъ личность была настолько свободна, что могла бы жить всегда только своей внутренней, личной жизнью, жить такъ, какъ этого требуютъ ея лачныя потребности, существованіе организаціи было бы невозможно. Даже совмѣстная дѣятельность многихъ личностей не нуждается ни въ какой организаціи, если эта дѣятельность не навязана извнѣ, а вытекаетъ изъ внутренняго міра человѣка. Можно ли назвать организлціей совмѣстную жизнь влюбленныхъ? Нуждается ли въ организаціи естественная группа изъ матери и ея дѣтей? Составляютъ ли организацію любящіе другъ друга люди, которые проводятъ свое время вмѣстѣ, потому что всѣ составляютъ необходимое пополненіе въ *личной* жизни каждаго?

Организація является только въ тотъ моментъ, когда внѣ личностей, внѣ ихъ внутренней, душевной жизни является какая то объективная необходимость. Но внутренняя жизнь личности глубоко субъективна. Какъ же устранить дисгармонію, которая неизбѣжно вытекаетъ изъ столкновеній отдѣльныхъ психикъ? Какъ создать гармоническую коллективную дѣятельность вопреки душевной дисгармоніи? Личности *сознательно* выдѣляютъ изъ своего психическаго міра тѣ элементы, которые необходимы для совмѣстнаго движенія къ объективной цѣли. Эти психическіе элементы они кладутъ въ основу своей коллективности и обѣщаютъ *сознательно* подавлять всю остальную массу своей душевной жизни, въ случаѣ внутренняго конфликта. Такая сознательная вивисекція духовной жизни называется добровольной, свободной организаціей.

Какая же объетивная цѣль лежитъ въ основѣ общественной организаціи? Коллективное производство — вотъ база общества. Всѣ историческіе типы общества къ своей основной чертѣ — организаціи сотрудничества — присоединяли насиліе одной части общества надъ другой. Но мы говоримъ тутъ не о классовомъ обществѣ, а о томъ идеальномъ обществѣ, къ которому стремятся анархисты-коммунисты. Это общество будетъ исключительно организаціей добровольнаго сотрудничества.

Но организованная дѣятельность въ лучшемъ случаѣ есть только часть душевной жизни личности. Другія потребности не только не вытекаютъ изъ нея, но могутъ противорѣчить ей. Какъ же устранить конфликтъ? Нѣтъ другого исхода, какъ отказъ личности

отъ всей той душевной жизни, которая непримирима съ общественнымъ производствомъ. Личность, вступая въ самое свободное общество, молчаливо или явно заявляетъ: „Я отказываюсь отъ права дѣлать что бы то ни было вредное интересамъ общества. Я обѣщаю дѣлать все, что необходимо для его процвѣтанія. Я буду исполнять общественный договоръ даже цѣною самыхъ глубокихъ страданій.“ Такъ личность должна отказаться отъ самихъ основъ своего „я“, чтобъ могло родиться общество. Цѣльная личность и организованное общество могутъ жить, только пожирая другъ друга. Поэтому развитіе общества есть прогрессивное атрофированіе личности.

Но человѣкъ можетъ чувствовать радость только живя согласно своему внутреннему міру. Каждый отказъ отъ самого себя причиняетъ ему острое страданіе. Основа общества была бы крайне непрочной, еслибъ исполненіе общественнаго договора было въ полной зависимости отъ сознательной воли личности. Общественный союзъ долженъ постараться обезпечить себя отъ неизбѣжныхъ колебаній личныхъ настроеній. Онъ долженъ постараться тѣмъ или инымъ способомъ настолько повліять на самоё психику своихъ членовъ, чтобъ антисоціальные инстинкты ни коимъ образомъ могли перетянуть вѣсы на свою сторону.

Раньше этой цѣли служила религія, которая говорила человѣку: „Одни твои поступки — добродѣтельны, другіе — порочны. Первые угодны богу, который за нихъ вознаградитъ тебя. За пороки, наоборотъ, тебя ждутъ муки“. Такъ религія приманкой награды и страхомъ наказанія старалалась подавить въ личности нежелательные для общества инстинкты.

Съ паденьемъ религіи эта задача выпадаетъ на долю морали. Общество начинаетъ свое преступное дѣло развращенія личности, которое на жаргонѣ называется воспитаньемъ, въ тотъ моментъ, когда самостоятельная мысль еще спитъ у ребенка, когда онъ готовъ принять всякую идею. Ребенку вбиваютъ въ голову, что на землѣ существуетъ Добро и Зло, что жизнь по принципамъ „Добра“, приноситъ счастье и почетъ, а злыя дѣла приносятъ горе и презрѣнье. Говорятъ это такъ часто, что бѣдное дитя начинаетъ искренне чувствовать ненависть ко злу и любовь къ добру. Ребенокъ не знаетъ, что общество поступило съ его душой, какъ жалкій, трусливый воръ: что слуги общества подкрались къ ней во время глубокаго сна и отравили ее своимъ моральнымъ ядомъ, чтобъ онъ никогда не могъ уже жить своей здоровой личной жизнью, чтобъ онъ на все смотрѣлъ глазами своего злѣйшаго врага, глазами общества, которые ограбило у него его личность.

Но вотъ всетаки наступаетъ великій моментъ, и падаетъ моральная пелена съ глазъ свободнаго человѣка. Изумленный онъ внезапно спрашиваетъ себя: „Но почему же я *долженъ* слѣдовать Добру? Если это нужно для *моего* блага, то почему же избѣгать мнѣ Зла, когда оно *мнѣ* нравится? Что такое Добро и что такое Зло?“.

„Добро живетъ во всеобщемъ почетѣ. Оно окружено ореоломъ и обвѣшано орденами общественной благодарности. Почему? Очевидно, потому, что оно полезно обществу. Зло и порокъ, наоборотъ, заливаются грязью общественнаго порицанія. И въ колыбели, и въ школѣ, и въ казармѣ, и въ церкви меня всегда учили служить Добру. Но почему же, несмотря на это, „добро“ такъ далеко отъ меня и такъ чуждо мнѣ? Почему мои „добрыя“ дѣла мнѣ кажутся не моими, а чужими, какъ будто чужая рука ихъ творила? А „порокъ“, ненавистный порокъ такъ обаятеленъ, что трудно вырваться изъ объятій его. И еще странно: „злые“ смѣются надъ „добромъ“, а самые „добрые“ въ душѣ страстно мечтаютъ о „злѣ“...

„Ахъ! я больше не хочу быть „добрымъ“. Я хочу считаться не съ чуждымъ, холоднымъ добромъ а со своимъ роднымъ и близкимъ „я“. Какое дѣло мнѣ до Добра и Зла? Но общественный окрикъ мнѣ говоритъ: „Не смѣй! Ты долженъ быть добрымъ!“ Братья мои! Скажите мнѣ: развѣ мнѣ нельзя быть самимъ собой?

„Ахъ! Я только теперь разгадалъ великую тайну. Быть добрымъ значитъ быть такимъ, какимъ другіе меня хотятъ. Нельзя быть добрымъ и быть всегда самимъ собой. Нельзя быть слугою одного, а служить другому. Но я никому не хочу служить, даже Добру. Если быть самимъ собой, быть свободнымъ отъ ига морали значитъ быть „злымъ“, то горе, горе вамъ „добрые“: скоро настанетъ время, когда все свободное, яркое и смѣлое будетъ рваться къ злому, какъ цвѣтокъ къ солнцу...

„Добро не любитъ яркихъ цвѣтовъ: оно всегда скромно одѣвается въ сѣрое. Оттого всѣ добрые похожи другъ на друга, какъ ночныя тѣни. А зло дерзко сіяетъ всѣми цвѣтами радуги, потому что злой не боится быть самимъ собою, не боится быть правдивымъ.

„Братья мои! Я разгадалъ великую тайну: кто хочетъ быть самимъ собой, долженъ стряхнуть съ себя лживую мораль „добрыхъ“ и учиться трудному искусству — быть правдивымъ и быть злымъ.“

„Вы говорите мнѣ: „Общество не можетъ жить безъ морали. Общество не возможно безъ принциповъ Добра. Кого стѣсняетъ старая мораль, можетъ создать новую: но какъ жить съ другими безъ всякой морали? Кто износилъ свое платье, можетъ одѣть другое: но кому не стыдно ходить голымъ?“

„Вы говорите мнѣ: „Обойди внимательно все царство жизни. Загляни во всѣ уголки царства животнаго міра. Ты найдешь вездѣ одинъ незыблемый законъ: пережили другихъ и размножились не тѣ, что жили въ одиночествѣ, не тѣ, что были сильными и гордыми. Нѣтъ! Побѣдили тѣ, что ютились группами, побѣдили слабые, но добрые“.

„Вы говорите мнѣ: „Нужна взаимная помощь. Помоги мнѣ сегодня, завтра тебѣ подарю свою помощь. Это выгодно намъ обо-

имъ. Это нужно для сохраненія вида. Старая мораль кричала тебѣ: жертвуй собой, отдай все своимъ ближнимъ. Новая мораль говоритъ тебѣ: давай ровно столько, сколько самъ взялъ. Въ этомъ равенствѣ — святая справедливость. Только нищій беретъ, ничего не давая. Развѣ ты хочешь быть нищимъ"?

„Ахъ! Не говорите мнѣ больше: адскій холодъ и смертельный страхъ вливаютъ мнѣ въ душу ваши „моральныя" рѣчи. Отъ вашего „равенства" мерзнутъ лучшіе ростки. Надежды, отъ вашей „справедливости" блекнутъ лучшіе цвѣты Красоты. Замолчите: ваше дыханіе приноситъ смерть нашимъ утреннимъ грезамъ—этимъ нѣжнымъ феямъ, что влекутъ насъ въ далекую, сиюю даль...

„Братья мои! Кто научилъ васъ клеветать на человѣка? Кто научилъ васъ считать человѣка вьючнымъ животнымъ? Едва онъ сбросилъ съ себя тяжелый грузъ религіи, какъ вы уже взвалили ему на плечи ношу морали. Онъ еще не сломалъ желѣзной узды Власти, а вы уже суете ему въ ротъ золотую уздечку Добра.

„Смотрите: человѣкъ усталъ отъ тысячелѣтнихъ скитаній, усталъ влачить за собой безконечные тюки „добрыхъ" дѣлъ. Смотрите, какъ онъ жадно вперилъ свой сверкающій взоръ въ далекую горную высь: у горнаго ключа онъ жаждетъ смыть, наконецъ, этотъ жирный потъ морали, у хищныхъ соколовъ онъ хочетъ учиться любить пустынныя горныя скалы, учиться жить вдвоемъ, только вдвоемъ со своею мятежною волей.

„А кто боится рѣзкихъ сквозняковъ отъ вольнаго воздуха, кого не тянетъ бѣжать на встрѣчу опасностямъ жизни, кто боится смотрѣть въ бездонную пропасть страданій и кто слишкомъ гадокъ, чтобъ смѣть казаться тѣмъ, что онъ есть, ахъ! тотъ недостоинъ величаться человѣкомъ. Пусть скорѣе погибнетъ это чахлое растеніе! Оно неспособно жить и *должно* погибнуть, чтобъ разрыхлить землю и дать мѣсто знойной пальмѣ. Я готовъ „помочь" ему не прозябать, а скорѣй погибнуть, чтобъ открыть ворота настежь новой жизни, веселой, играющей, гордой жизни.

„Братья! Не мѣщанскаго „равенства" жаждетъ свободный человѣкъ. Онъ жаждетъ силы. Онъ мучительно жаждетъ раскрыть скорѣй всѣ духовныя плюзы своимъ душевнымъ ключамъ, которые такъ жадно и такъ давно уже мчатся съ безплодной вершины унынія въ долину бодраго творчества. Не награды ждетъ онъ за свое дѣло, не „помощи" вашей онъ проситъ у васъ, онъ видитъ жизнь не въ скупомъ храненіи жизни, а въ безумной тратѣ силъ.

„Братья! Не къ холодной и сѣрой „справедливости" рвется душа свободнаго человѣка. Она рвется къ великому. Она хочетъ солнце затмить сіяніемъ подвиговъ. Выше звѣздъ она хочетъ парить въ небесахъ, смѣлѣе бури прыгать черезъ бездны, горы страданій снести на плечахъ.

„Она презираетъ торги, презираетъ вашу „справедливость". Все раздарить ей кажется мало, награда жжетъ ей руки огнемъ позора. Себя отдать, каплю за каплей пролить свою кровь за великое дѣло, вотъ ея счастье, безумное счастье!...

„Да, я разгадалъ великую тайну. Безсиленъ дать свободу только бунтъ противъ закона. Нужна мятежная буря, чтобъ смести съ земли и гнилую мораль. Всей душой презирать „добродѣтель"—эту старую дѣву, которая хочетъ помолодѣть, промѣнявъ поповскую рясу на ученый нарядъ, — вотъ начало Свободы.

„Братья! Разбейте оковы общественныхъ узъ, разбейте оковы Морали!"

* * *

Намъ пора резюмировать результаты нашей общей критики.

Мы разсмотрѣли почти всѣ области общественной дѣятельности человѣка и вездѣ констатировали одинъ и тотъ же фактъ: коммунизмъ и анархизмъ находятся на противоположныхъ полюсахъ.

Коммунизмъ теряетъ raison d'être или, лучше сказать, перестаетъ быть коммунизмомъ, если онъ не кладетъ въ свою основу общественнаго производства. Но отсюда для него вытекаетъ фатальная необходимость новаго права, основаннаго на свободныхъ договорахъ, закрѣпленнаго обычаемъ и охраняемаго третейскимъ судомъ. Понятно, что коммунизмъ не можетъ ни одного дня существовать безъ извѣстной системы нравственности. Ее и взялся услужливо создать самый ученый и самый послѣдовательный коммунистъ нашего времени — Петръ Кропоткинъ. Отдадимъ справедливость нашему великому учителю: оставаясь коммунистомъ, невозможно уйти отъ выводовъ его „научной" морали.

Анархизмъ же, по нашему глубокому убѣжденію, есть ученіе о личности, а не объ обществѣ, о личномъ творчествѣ, а не объ общественномъ производствѣ. Отсюда, логическое отрицаніе не только всякаго права, но и всякой морали, отрицаніе, стало быть, всякой общественной организаціи.

Анархизмъ, какъ мы его понимаемъ, не есть разновидность соціализма, а безпощадный врагъ его. Наоборотъ, анархическій коммунизмъ есть чисто соціалистическое ученіе. Намъ кажется, что сбивчивый и противорѣчивый терминъ „анархическій коммунизмъ" гораздо лучше было бы замѣнить словами: „безгосударственный соціализмъ". Безспорное право на анархизмъ, какъ намъ кажется, имѣетъ только революціонный индивидуализмъ.

—x—

XII.

Объ индивидуализмѣ.

Индивидуализмъ кладетъ въ основу своего міровоззрѣнія личность, На своемъ знамени онъ гордо пишетъ: абсолютная свобода личности. Увы! Какъ мало говорятъ уже теперь эти чудныя слова! Какъ много низости и рабьей трусости часто прикрываетъ себя теперь яркимъ знаменемъ индивидуализма! Но такова уже судьба всякаго крайняго ученія: оно привлекаетъ къ себѣ все, что рвется къ свѣту, къ великому и благородному, но къ нему же прилипаетъ и вся общественная мразь, чтобъ свѣтлымъ знаменемъ прикрыть свою грязную духовную наготу. Великая революціонная идея, отъ которой восторженно таетъ и томительно бьется правдивое сердце бойца, служитъ только щитомъ для маленькой похоти жалкаго пошляка... Свобода личности!. Эти смѣлыя слова не идутъ уже прямо къ сердцу. Намъ нужно старательно отграничить себя отъ нѣкоторыхъ направленій, стоящихъ подъ знакомъ индивидуализма.

Что такое личность? Вотъ вопросъ, который служитъ пробнымъ камнемъ всѣхъ индивидуалистическихъ школъ.

Раньше всего мы встрѣчаемся съ такъ называемой „эгоистической“ теоріей. Сторонники этой теоріи разсматриваютъ человѣка какъ существо, которое, по самой природѣ своей, вѣчно стремится только къ своей личной *выгодѣ* Эта же выгода состоитъ въ томъ, чтобъ съ наименьшей тратой добиться наиболѣе полезныхъ для личности результатовъ. Польза! Вотъ единственная сила, которая обладаетъ магической способностью толкать человѣка на работу. Она же причина всѣхъ общественныхъ учрежденій и основа всей морали.

Съ точки зрѣнія личной пользы эта школа подходитъ и къ анализу современнаго строя.

Государство и семья отвергаются цѣликомъ, потому что въ этихъ институтахъ не видно никакой пользы. Они только мѣшаютъ личности открыто и свободно стремиться къ тому, что она считаетъ своей выгодой. Наоборотъ, частная собственность является въ ихъ глазахъ не только достойной сохраненія въ ихъ „Анархіи“, но и вѣчной базой человѣческой жизни и дѣятельности. Какъ можетъ личность дѣйствительно отстаивать свои интересы, не имѣя *своихъ* вещей? Развѣ можетъ человѣкъ чувство-

вать побужденіе къ работѣ, если его не манитъ надежда новаго *присвоенія?* Частная собственность, въ ихъ пониманіи, абсолютно неотдѣлима отъ самой личности.

Практическій лозунгъ этой школы понятенъ и... довольно знакомъ. Онъ гласитъ: «laissez faire, laissez passer» („предоставьте вещи ихъ естестественному ходу"). Вѣдь, кто такъ хорошо понимаетъ чужіе интересы, какъ личность свои? Абсолютно свободная конкуренція,— вотъ въ чемъ эти „анархисты-индивидуалисты" видятъ спасенье свободы и счастье личности.

Но если личность такъ глубоко эгоистична и проникнута такой непреодолимой страстью къ своимъ узко личнымъ выгодамъ и интересамъ, то гдѣ гарантіи отъ ея жадности и хищности, когда исчезнетъ карательная сила Государства?

Отвѣтъ этихъ „анархистовъ" трогателенъ по своей простотѣ. Во-первыхъ, будетъ создана „свободная" Ассоціація для защиты личности и собственности. Эта Ассоціація уже будетъ знать, какъ поступить съ „преступникомъ". Во-вторыхъ, уничтоженіе бюрократическаго государства вовсе не есть отмѣна наказанія. Для важныхъ случаевъ можно сохранить и смертную казнь...

Такова въ общихъ чертахъ индивидуалистическая теорія школы Токера, Мэкэя и К°

Совершенно на другомъ полюсѣ стоитъ другая индивидуалистическая школа — „мистическая." Обѣ настолько далеки другъ отъ друга, что ихъ соединяетъ только пустое слово „индивидуализмъ". Если утилитаризмъ видитъ въ человѣкѣ грубое, механическое существо, самодвижущуюся машину, мистицизмъ видитъ въ немъ, въ его душѣ цѣлую бездну загадокъ, таинственныхъ загадокъ, которыхъ далеко не разрѣшаетъ научное міропониманіе. Стремленіе къ личной пользѣ, которое играетъ такую видную роль въ утилитарномъ индивидуализмѣ, сводится мистиками почти на нѣтъ. Они, повидимому, готовы почти всю человѣческую жизнь свести къ таинственной дѣятельности нашего духа, который полуинстинктивно рвется къ творчеству. Не идея пользы, а идея красоты царитъ въ душѣ личности. Человѣкъ великая святыня и глубокая загадка. Собственность, государство, законы держатъ его въ плѣну, какъ птицу клѣтка. Уничтоженіе этихъ путъ не только неопасно, но абсолютно необходимо для того, чтобъ духъ нашъ развернулъ во всемъ своемъ блескѣ, свой могучій инстинктъ къ творчеству. Мистицизмъ съ отвращеніемъ отвергаетъ всякую идею наказанія. Но что особенно цѣнно въ мистическомъ индивидуализмѣ, это — то, что онъ открыто выступилъ противъ самого общества, между тѣмъ какъ утилитарные индивидуалисты и анархисты-коммунисты бьются, какъ рыба объ ледъ, чтобъ примирить личную свободу съ общественной организаціей. Едва анархическій коммунизмъ прошепчетъ: „да здравствуетъ личная свобода!" Какъ онъ, испугавшись собственной дерзости, торопливо кричитъ: „да здравствуетъ общество!". За желѣзнымъ словомъ „свобода" онъ никогда не забудетъ мягкаго словечка „солидарность". Намъ вспо-

минается невольно тотъ квартальный, наивный русскій квартальный, который обратился къ толпѣ въ октябрьскіе дни съ резоннымъ увѣщаніемъ: „Господа! Добились свободы собраній, — ну, и разойдись!“ Анархисты-коммунисты почти тѣмъ же тономъ говорятъ намъ: „Господа! Добились свободы личности, — ну, и устройте Коммуну!“ Заслуга мистическаго индивидуализма въ томъ, что онъ открыто порываетъ съ этимъ лицемѣріемъ и заявляетъ, что полная свобода личности враждебна *всякому* обществу.

Какова наша точка зрѣнія?

Мы не можемъ примкнуть ни къ одной изъ очерченныхъ выше школъ. Утилитаризмъ насъ не только отталкиваетъ своимъ сухимъ, отвлеченнымъ резонерствомъ, но и внушаетъ намъ отвращеніе своей мѣщанской узостью, которая сквозитъ изъ всѣхъ поръ этой теоріи. Онъ кажется намъ, въ сущности, только разновидностью буржуазнаго либерализма, отъ котораго онъ заимствовалъ не только основные принципы, но и практическіе лозунги. Съ другой стороны, и мистицизмъ намъ внушаетъ большія и серьезныя опасенья. Эта попытка снова подарить насъ, правда, съ благой цѣлью, „безсмертной душой,“ эти одобрительныя киванія въ сторону „религіи“, правда, не положительной религіи, а какой то другой, еще неслыханной и небывалой, наконецъ, эта явная тенденція затуманивать соціальную пробляему подъ видомъ ея углубленья, — все это не внушаетъ намъ ни малѣйшаго довѣрія.

Намъ глубоко противенъ тотъ мѣщански-грубый матеріализмъ, которымъ пропитанъ „эгоистическій“ индивидуализмъ, но у насъ нѣтъ также ни малѣйшей склонности устремиться сызнова въ погоню за небесными „сущностями“ послѣ того, какъ мы съ такимъ трудомъ выпроводили изъ области мышленія эту назойливую госпожу метафизику. Словомъ, мы далеки отъ того, чтобъ превратить землю въ „анархическій“ хлѣвъ, гдѣ будутъ обжираться скотоподобные „эгоисты“, но мы такъ же далеки и отъ того, чтобъ трусливо бѣжать на небо, въ туманъ метафизическихъ фразъ. Мы хотимъ снести на землю все, чѣмъ манитъ насъ небесная лазурь... Мы хотимъ высушить гнойныя топи и болота и покрыть ихъ роскошными коврами цвѣтовъ. Всю землю хотимъ мы превратить въ одинъ чудный садъ, гдѣ будутъ вѣчно творить и пировать веселые, гордые и свободные люди.

Намъ ненавистенъ пессимизмъ, который такъ часто слышится въ мистическихъ мудрствованьяхъ. Свободный человѣкъ не можетъ бояться страданій. Онъ видитъ свою гордость въ томъ, чтобы встрѣтить ихъ съ достоинствомъ. Онъ знаетъ, что за радостью *должно* послѣдовать горе, какъ за яркимъ днемъ *должна* придти и темная ночь. Онъ сказать готовъ страданью: „Приди, когда когда хочешь, моя мрачная гостья! Я жадно пилъ изъ чаши наслажденій и не прочь тоской заплатить теперь за былую радость. Я знаю, что тебѣ не сломить моей вѣры, что не долго ты сможешь томить мою душу унынъемъ. Ты уйдешь, и надо мной взойдетъ еще болѣе яркое солнце бодраго творчества...

„Приди, когда хочешь, моя мрачная гостья! Безъ тебя я сталъ бы слишкомъ мягкимъ и слишкомъ слабымъ: ты, какъ острая сталь, оттачиваешь притупившійся духъ мой. Безъ тебя я слишкомъ скоро забылъ бы, какъ ничтожны мои силы, какъ много загадокъ еще скрыто отъ моего ревниваго ума, какъ смѣшно мое самомнѣнье: но ты внезапно приходишь ко мнѣ изъ-подъ завѣсы неизвѣстнаго, смущаешь мой рабій покой, начинаешь бередить во мнѣ всѣ застарѣлыя раны и сызнова ставить всѣ „проклятые вопросы“ ...

„Приди жъ, когда хочешь, моя мрачная гостья! Я давно потерялъ всякій страхъ предъ тобой. Ты не найдешь меня поверженнымъ на землю, измученнымъ и блѣднымъ, трясущимся отъ страха. Въ своемъ праздничномъ платьѣ и съ воинственной музыкой хочу я пойти тебѣ на встрѣчу, подобно суровымъ спартанцамъ, вступающимъ въ битву“.

* * *

Какова же въ общемъ наша концепція личности?

Самый легкій анализъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что наши психическія переживанія состоятъ изъ двухъ различныхъ рядовъ. Одни являются непосредственнымъ продуктомъ воздѣйствія внѣшняго міра, результатомъ нашихъ ощущеній. Другія являются какъ бы продолженіемъ этихъ ощущеній, въ обработаномъ видѣ. Всѣ переживанія первой категоріи мы можемъ называть ихъ обыденнымъ именемъ, чувствами, страстями, въ отличіе отъ второй категоріи — разума. Пониманіе сущности личности коренится именно въ оцѣнкѣ этихъ двухъ факторовъ душевной жизни человѣка.

Что разумъ и чувства, несмотря на внутреннюю неразрывность, несмотря на ихъ постоянное взаимодѣйствіе, составляютъ качественно различные психическіе элементы, не подлежитъ сомнѣнью. Чувства являются въ душевномъ мірѣ какъ бы работниками, физическими творцами, а разумъ играетъ роль ихъ организатора. А подлежитъ ли сомнѣнью, что трудъ физическій и трудъ организующій представляютъ собою совершенно различныя формы человѣческой дѣятельности?

И религія, и обычное мнѣнье, и научное пониманіе одинаково проводятъ гранъ между чувствами и разумомъ.

Религія всегда разсматривала чувства какъ исчадіе ада, порожденіе дьявола и источникъ всѣхъ человѣческихъ грѣховъ. И въ этомъ нѣтъ, собственно, ничего удивительнаго. Религія ставитъ себѣ идеаломъ полное самоотреченіе человѣка, его абсолютное обезличеніе и сліяніе „съ богомъ“. Можетъ ли она достигнуть своей цѣли, не подавивъ безпощадно чувствъ — этихъ страстныхъ фанатиковъ нашего „я“, этихъ буйныхъ мятежниковъ, которые не признаютъ никакихъ законовъ — ни божескихъ, ни человѣческихъ, — которые кощунственно смѣются и надъ адскими муками, и надъ райскимъ блаженствомъ и безстыдно льнутъ ко

всему, что пахнетъ грѣховной плотью? Идеаломъ религіознаго человѣка, святымъ, всегда былъ человѣкъ, подавившій въ себѣ всѣ свои живыя чувства и превратившійся въ чистое созерцаніе божества — въ оторванный отъ плоти разумъ.

Въ наше время обычное сознаніе уже не считаетъ нужнымъ бичевать плоть и убивать свои чувства ad majorem Dei gloriam (для большей славы господней). Но презрительное отношеніе къ нимъ получило прочность установившагося непоколебимаго закона. Всѣ наши обычаи, приличія, правила вѣжливости всѣ отмѣчены одной и той же печатью — горячимъ желаньемъ скрыть наши чувства, спрятать ихъ, подавить въ себѣ всякое свободное ихъ проявленіе. Идеалъ современнаго „воспитаннаго“ человѣка, въ своей отрицательной сторонѣ, есть то же извращеніе человѣческой природы, какого добивалась религія — абсолютное отреченіе отъ своихъ чувствъ. Но тамъ, гдѣ вѣра учила подчиненію себя волѣ божества, современное сознаніе требуетъ самоотреченія въ пользу общественнаго мнѣнья. Это поразительное совпаденье однако вполнѣ понятно. Вѣдь общество для своего самосохраненія и развитія должно по возможности устранять изъ психики индивидовъ все, что можетъ вносить диссонансъ въ совмѣстную жизнь и дѣятельность людей. А развѣ не чувства, не личныя страсти являются постояннымъ, неизсякаемымъ источникомъ общественной дисгармоніи? Именно чувства настолько поглощены своею внутренней жизнью, настолько слѣпы и глухи, что не видятъ и не слышатъ ничего, что находится внѣ русла, по которому они текутъ съ фатальной силой. Отсюда, неизбѣжность ихъ вѣчныхъ столкновеній не только съ чувствами другой личности, но и другъ друга между собой. Только разумъ, этотъ корректный, вылощенный джентльменъ, умѣетъ избѣгать всѣхъ коллизій, вѣдь онъ, какъ настоящій паразитъ, созданъ для того, чтобъ приспособляться цѣликомъ ко всему внѣшнему. Отсюда, понятно пренебреженіе къ чувствамъ и поклоненію всему „разумному“ со стороны обычнаго сужденія.

Но совершенно инымъ представляется отношеніе науки. Съ какого момента начинается возможность научнаго пониманія жизни? Именно съ того времени, какъ человѣкъ начинаетъ проникаться уваженіемъ къ своимъ чувствамъ. Пока человѣкъ не довѣряетъ имъ, пока онъ слишкомъ много вѣритъ еще своему отвлеченному разуму, можетъ нагло процвѣтать религія, могутъ возвышаться до неба стройныя зданія метафизики, но науки быть не можетъ. Наука рождается только тогда, когда умираетъ слѣпая вѣра въ разумъ, и человѣкъ возвращается къ самому себѣ, т. е. къ чувствамъ. Все, что мы, дѣйствительно, знаемъ о природѣ и жизни, все, что что создало гордость и мощь человѣка, есть результатъ нашихъ чувствъ. Что дѣлаетъ разумъ въ работѣ познанія? Онъ раболѣпно записываетъ, регистрируетъ, классифицируетъ то, что добываютъ ему творческія чувства. Конкретные, сочные факты нашихъ чувствъ онъ прикрываетъ отвлеченной безцвѣтной

формулой обобщенья. Но его покрывало почти всегда такъ прозрачно и такъ узко, что факты скоро начинаютъ выпадать изъ-подъ него и расползаться, пока онъ опять не состряпаетъ новой общей формулы, новой гипотезы. Чѣмъ больше развивается научное пониманіе, тѣмъ больше падаетъ былое довѣріе къ разуму. Научное мышленіе относится подозрительно ко всякимъ скороспѣлымъ общимъ выводамъ и пышнымъ абстракціямъ. Она становится все болѣе и болѣе только вѣрной истолковательницей чувствъ.

Разумъ былъ въ глазахъ метафизики не только важнымъ, но и единственнымъ творцомъ познанія. Она гордилась тѣмъ, что изгоняла изъ своихъ воздушныхъ замковъ, построеенныхъ на зыбучемъ пескѣ отвлеченностей, все, что говорило о чувствѣ. Кантъ нанесъ метафизикѣ смертельный ударъ, показавъ, что все наше познаніе питается явленіями, а не сущностями, питается работой нашихъ чувствъ, а не абстрактнаго разума. Но почтеніе его къ этому дряхлому старичку было еще настолько велико, что онъ оставилъ ему на правахъ неотъемлемой личной собственности десять „категорій“. Дальнѣйшее философское развитіе, присмотрѣвшись ближе къ этимъ регаліямъ разума, нашло щедрость кенигсбергскаго мыслителя черезмѣрной и свело все достояніе разума только къ тремъ принципамъ: пространству, времени и причинности. За то у всѣхъ была крѣпкая увѣренность, что *эти* принципы дѣйствительно — неотчуждаемая собственность разума. Но и тутъ является современный позитивизмъ въ видѣ эмпиріомонизма и, безбоязненно анализируя ихъ, отнимаетъ послѣднее убѣжище у метафизики и послѣднее достояніе у когда то пышнаго отвлеченнаго разума. И пространство, и время, и причинность оказываются не врожденными идеями и не вѣчными категоріями нашего мышленія, а физіологическимъ продуктомъ нашихъ ощущеній. Съ этой минуты все наше познаніе передается въ полное распоряженіе нашихъ чувствъ. Эмпиріомонизмъ — самая гордая и самая научная философская система современности — есть гранитный памятникъ, воздвигнутый признательной наукой тѣмъ, которыхъ оклеветала и загрязнила безсовѣстная религія, тѣмъ, которыхъ пренебрежительно третировала болтливая метафизика: это вѣчный памятникъ славы нашимъ правдивымъ и творческимъ чувствамъ.

Всѣмъ этимъ хотимъ мы подчеркнуть только ту мысль что даже въ области познанія, въ области, которую долго безспорно считали царствомъ самодержавнаго разума, наши чувства играютъ безконечно болѣе важную роль, чѣмъ онъ. Теперь уже становится какимъ то трюизмомъ, что „абстрактныхъ истинъ нѣтъ, что истина всегда конкретна“. А это значитъ, что умерло время законодательствованія отвлеченнаго разума, что носительницами истины стали конкретныя чувства. Что такое внѣшній міръ? Это *мой* опытъ, собственно говоря, *мои ощущенія, мои чувства,* отвѣчаетъ эмпиріонизмъ. Что такое познаніе? Это тѣ же элементы-ощущенія, т. е, тѣ же мои чувства. Что такое объективное? То, что

обще и моимъ и чужимъ чувствамъ. Исчезаетъ прежняя пропасть между „міромъ“ и „человѣкомъ“, между субъектомъ и объектомъ, между субъективными чувствами и якобы объективнымъ разумомъ, между познаніемъ и жизнью. Міръ становится созданіемъ человѣка, а человѣкомъ оказывается не холодный и безплодный разумъ, а кипучія, творческія чувства.

Теперь снова мучительно проситъ отвѣта старый величавый вопросъ: Что же такое личность? Что же такое это трепетное „я“, которое осязаетъ внутри себя человѣкъ? „Я“ — это не мои взгляды, не идеи или убѣжденья, вообще не дѣти моего безстрастнаго и безжизненнаго разума. Мое міровоззрѣніе можетъ быть и не моимъ, а навязаннымъ извнѣ. Но что было, есть и будетъ всегда *моимъ* и *только* моимъ драгоцѣннымъ достояніемъ, это мои глубокія, затаенныя, вѣчно живущія чувства. Можно отречься отъ своихъ *взглядовъ*, можно подарить ихъ другому, какъ вещь, можно продать ихъ, какъ цѣнность, но я не могу оторваться ни на мигъ единый отъ своихъ струящихся чувствъ, безпокойныхъ и шумныхъ, какъ горныя рѣки. *Моя личность, мое „я“ — это мои чувства,* гордыя, какъ хищные соколы, чистыя, какъ вѣчный снѣгъ на горахъ, и знойныя, какъ южное небо. Свѣтъ моего разума можетъ потухнуть, мракъ ужасающій можетъ окутать мой духъ, но мое „я“ остается, пока плачутъ и смѣются, таютъ и дрожатъ во мнѣ мои чувства: такъ мечутся волны морскія среди густого мрака, у ногъ потухшаго внезапно маяка.

„Итакъ, „я“ — это мои чувства, мои страсти, говоритъ себѣ человѣкъ, заглянувшій въ бездну своей души. Что же такое мой разумъ? Каково мое отношеніе къ нему?

„Онъ сидитъ внутри меня и все шепчетъ мнѣ про свои великія заслуги. Это онъ превратилъ орангутанга въ Homo Sapiens. Это онъ научилъ меня побѣждать стихійныя силы злобной природы. Это онъ научилъ меня хранить и умножать наше великое сокровище — жизнь...

„Онъ сидитъ внутри меня и все клевещетъ на чувства мои. Они — глухо-нѣмые слѣпцы. Они не знаютъ, откуда приходятъ и куда идутъ. Они способны вызывать безумную жажду, но безсильны найти хоть одинъ колодезь. Они увлекаютъ на вершины горъ, но не знаютъ горныхъ тропинокъ. Они, подобно вѣтрамъ пустыни, приходятъ съ шумомъ и зноемъ, изсушаютъ ключи, пескомъ засыпаютъ роскошныя пальмы и превращаютъ уютный оазисъ въ безотрадную пустыню...

„Но такъ ли это? Вѣрить ли мнѣ тебѣ, мой доблестный разумъ?

„Уже въ третій разъ я вступаю въ борьбу съ самимъ собой, подымаю знамя бунта противъ своихъ внутреннихъ оковъ.

„Въ первый разъ я возсталъ тогда, когда сказалъ себѣ: бога нѣтъ! *Богъ есть то, что я хочу.*

„Потомъ я объявилъ войну своей морали и сказалъ: нѣтъ добра! *Добро есть то, что я хочу.*

Теперь я долженъ въ третій разъ побороть самого себя и смѣло сказать себѣ: истины нѣтъ! *Истина — то, что я хочу.*

„И богъ, и добро, и истина — не мои предки, а мои дѣти. Я самъ зародилъ ихъ въ глубокихъ нѣдрахъ своей души. И всѣ они долгіе годы безмятежно спали въ колыбели моихъ чувствъ.

„Къ своимъ чувствамъ и только къ чувствамъ могу и долженъ я обращаться каждый разъ, когда я впадаю въ раздумье, каждый разъ, когда я стою у распутья. Своимъ чувствомъ я долженъ провѣрить и ученіе своего разума, а не наоборотъ — подвергать суду раболѣпнаго разума мои неподкупныя чувства.

„Чему же учитъ меня разумъ?

„Причинность, — такъ зывается первое слово его.

„Вся вселенная, есть только цѣпь явленій. Въ этой міровой цѣпи каждое явленіе связано со всѣми остальными желѣзной необходимостью. Въ ней нѣтъ ни одного отверстія для произвола, для свободы.

„Думаешь ли ты, что человѣкъ составляетъ исключеніе? Развѣ ты не понимаешь, что твоя свобода есть такой же миражъ, какъ свобода любого растенія? Всякое движеніе твоей воли такъ же свободно, какъ движеніе планетъ по ихъ орбитамъ.

„Что же такое твое мнимое творчество, какъ не пустое, хвастливое слово? Вся твоя гордость есть смѣшная спесь пылинки, случайно поднятой промчавшимся вѣтромъ, чтобъ, покружившись съ ней, бросить ее снова въ бездну небытія.

Ты не долженъ довѣрять своимъ дурнымъ пастырямъ — чувствамъ, которыя столь же легкомысленны, какъ и близоруки. Ты долженъ довѣриться мнѣ: я знаю начало, я знаю и конецъ твоего пути, я расчищу тебѣ дорогу и разставлю вѣхи на опасныхъ мѣстахъ. Что сказалъ бы ты о суднѣ, которымъ правитъ не капитанъ, искушенный въ морскомъ дѣлѣ, а сами пассажиры, случайный сбродъ, безъ знаній и безъ опыта? Если ты довѣряешь свою жизнь своимъ темнымъ страстямъ, ты вполнѣ похожъ на такое жалкое судно. Въ океанѣ жизни только я могу быть твоимъ постояннымъ и преданнымъ кормчимъ". Такъ говоритъ мнѣ мой разумъ.

„Цѣнность! Такъ называется его второе ученіе.

„Человѣкъ, только одна изъ формъ бытія, только одна изъ формъ энергіи. Всякій шагъ его жизни есть растрата этой драгоцѣнной силы. Оттого ты долженъ жить такъ, чтобъ ни одинъ атомъ твоей энергіи не пропадалъ даромъ для тебя. Въ жизни природы господствуетъ библейскій принципъ: „око — за око, зубъ — за зубъ", принципъ абсолютнаго равенства. Безъ этого вселенная перестала бы быть чудной гармоніей міровъ, а превратилась бы въ безобразный хаосъ мелкихъ, безпрерывно сталкивающихся силъ, она стала бы тѣмъ, что старикъ Анаксагоръ называлъ „гомеомеріей".

„Какъ же можешь ты довѣриться своимъ чувствамъ? Развѣ они знаютъ этотъ желѣзный законъ цѣнности? Развѣ они умѣютъ слѣдовать ему? Они разрушаютъ сегодня то, что созидали вчера и чему будутъ молиться завтра. Они готовы сегодня плясать на могилахъ вчерашняго. Они могутъ гнаться до края земли за пурпурнымъ лучомъ и не видѣть у ногъ своихъ пропасти, дышащей смертью.

„Ты долженъ овладѣть своими строптивыми чувствами. Ты долженъ свѣтъ сознанія внести въ темную чащу твоихъ страстей, въ твою душевную „гомеомерію“. Подавить въ себѣ ты долженъ всѣ свои *безполезныя* чувства, все, что приноситъ тоску, все, что вноситъ шумъ и тревогу въ царство спокойнаго духа. Они обѣщаютъ тебѣ бездонное счастье, яркое счастье, чтобъ заглушить въ тебѣ голосъ разумной радости. Не вѣрь имъ: помни, что льстивые слуги всего лицемѣрны. Довѣрься мнѣ: я не растрачу, а умножу сокровище твоихъ цѣнностей. Довѣрься мнѣ: я безъ шума и боли приведу тебя въ тихую пристань тихой радости“. Такъ говоритъ мнѣ мой разумъ.

„Какъ называется третье ученіе? Оно называется „инстинктъ самосохраненія“.

„Ты долженъ жить возможно дольше, такъ толкуетъ разумъ свое ученье. Все ты долженъ подчинить этой верховной цѣли. Ею долженъ ты измѣрять всѣ цѣнности, ибо жизнь, есть высшая цѣнность. Только то, что удлиняетъ жизнь, достойно твоей любви. Ненавидѣть ты долженъ всею душою смерть, а также страданія, ведущія къ смерти.

„Что же такое твои идеалы, какъ не жалкій обманъ? Когда заря идеала взойдетъ надъ землей, только случайный лучъ упадетъ на раннюю могилу и — увы! — не разбудитъ спящаго борца.

„Другъ мой! Не вѣрь же своимъ чувствамъ. Подобно миражамъ пустыни, они увлекаютъ тебя въ синюю даль, ярко рисуя деревья, озера и чудныя рѣки... Ты истомишься въ безплодной погонѣ, растратишь свои драгоцѣнныя силы, исчахнешь въ безумной тоскѣ и не увидишь земли обѣтованной... Вѣдь мечты твоихъ чувствъ — только жалкій миражъ.

„Довѣрься лишь мнѣ: медленнымъ шагомъ по вѣрной дорогѣ я приведу тебя къ цѣли разумной. Въ холодную пору тоски и уныния душу твою постараюсь согрѣть я теплой надеждой на лучшее время. Когда жъ безразсудство восторга воспалитъ твое сердце, я воскрешу предъ тобою былыя, разбитыя грезы: холодный вѣтеръ воспоминаній охладитъ невольно безумные порывы, и вновь потечетъ твоя жизнь безъ препятствій, какъ плавная лодка внизъ по теченью рѣки“... Такъ говоритъ мнѣ мой разумъ.

„Ахъ! Какъ долго слѣпо я вѣрилъ ему! Какъ долго убивалъ я въ себѣ все, что было мнѣ дорого, въ угоду Молоху — Разуму! Мое дѣтство прошло: я не могу больше слѣпо *вѣрить*. Я созрѣлъ

вполнѣ для того, чтобъ конкретно *чувствовать*. Я пережилъ уже первую юность: мнѣ недостаточно отвлеченно *знать*. Я готовъ безпощадно отвергнуть все, что не говоритъ моимъ чувствамъ. Не сердись на меня, старичокъ Картезій, но даже твой афоризмъ я читаю: sentio, ergo sum *)

„Во всемъ ученіи разума, во всемъ „разумномъ“ я вижу только лукавую попытку утвердить господство мозга надъ всѣмъ организмомъ, господство общества надъ личностью, господство рода надъ индивидомъ, наконецъ, владычество туманнаго „завтра“ надъ свѣтлымъ „сегодня“.

„Причинность“ есть лучшее оружіе моего разума. Да и что можетъ лучше обезцвѣтить мои чувства, какъ вѣра въ вѣчную, сѣрую причинность, стоящую позади меня и подстерегающую каждый мой шагъ? Что можетъ быстрѣй убить во мнѣ всякій гордый порывъ къ твовчеству, какъ вѣра въ холодный убійственный фатумъ непреклонной причинности?

„Но я разгадалъ, наконецъ, твою хитрость, мой лукавый разумъ! Развѣ причинность живетъ *внѣ* тебя? Развѣ она не созданіе твое, не простая форма для храненія моихъ ощущеній, для организаціи опыта? Я вижу, какъ ты каждый день расширяешь и все углубляешь эту „форму“. Когда нибудь ты сломаешь ее совершенно, чтобы создать себѣ новую „форму“, новый сундукъ для храненья сокровищъ твоихъ.

„Зачѣмъ же стану я падать ницъ передъ „причинностью“? Зачѣмъ я стану поклоняться рукотворному идолу?

„Противъ закона причинности я выставляю другой законъ — мою непокорную *волю*. Причинность говоритъ мнѣ: „Міръ — таковъ, какимъ онъ *долженъ* быть“, А моя творческая воля прибавляетъ: „Но онъ *станетъ*, такимъ, какъ *я хочу*“. Причинность не госпожа моя, а только слуга, которую нужно заставить носить на плечахъ мою господскую волю“.

„А цѣнность? Разумъ хочетъ сдѣлать ее вѣчнымъ мѣриломъ моихъ дѣйствій, вѣчнымъ критеріемъ чувствъ. Онъ хотѣлъ бы всѣ мои чувства разложить по баночкамъ, сдѣлать надъ каждой надпись ея цѣнности и разставить по полочкамъ моей души.

„Ахъ! какъ ты близорукъ, мой простоватый разумъ! Ты не видишь, какъ вокругъ тебя мчатся вѣка и разрушаютъ все, что казалось незыблемымъ. Было время, когда „цѣнность“ играла свою плодотворную роль, когда она манила къ работѣ бѣднаго и лѣниваго человѣка. Такъ дѣтскій умъ плѣнитъ и манитъ хорошая отмѣтка учителя... Но увы! Это время прошло или почти прошло ужъ невозвратно. Приманка платы ужъ не волнуетъ современнаго человѣка, окруженнаго блескомъ и пышностью небывалой культуры. А лѣнь — синонимъ духовной скупости — блѣднѣетъ

*) Я чувствую, слѣдовательно, существую.

передъ страстнымъ, необузданнымъ порывомъ къ творчеству. Старая сѣрая „цѣнность“ отжила. Она еще годится, можетъ быть, на то, чтобъ отоплять мою печь, но она безсильна уже согрѣвать мою душу. На днѣ своихъ чувствъ ищу я новаго „топлива“ для духа. Что жъ нахожу я? Друзья мои, я нахожу въ себѣ цѣлый новый сверкающій міръ, неистощимый родникъ новыхъ цѣнностей. „Красота“ такъ — называется этотъ новый міръ, бющій ключомъ новыхъ цѣнностей.

„Что говорила мнѣ старая цѣнность, вскормленная разумомъ? Она говорила: „Право на жизнь имѣетъ только полезное“. Но Бунтъ моихъ чувствъ создалъ новую цѣнность — Красоту, а она меня учитъ: „Право на жизнь имѣетъ только прекрасное“.

„Ахъ! Какъ много долженъ человѣкъ пережить, чтобы найти прекрасное! Какъ много идоловъ ждутъ его сѣкиры, пока онъ научится вѣрить въ самого себя!

„Человѣкъ-ребенокъ растерянно глядитъ вокругъ себя и нигдѣ не находитъ себѣ прочной точки опоры. Слабый физически, безсильный духовно, весь во власти необузданной фантазіи, онъ создаетъ себѣ цѣлый міръ таинственныхъ силъ, сонмъ боговъ. Его умъ занимаетъ тогда одинъ вопросъ: Что такое *праведное?* И онъ идетъ къ жрецу, чтобъ узнать изъ устъ служителя бога вѣчную волю боговъ. На этой ступени человѣкъ — только Homo.

„Но вотъ ребенокъ подросъ, человѣкъ сталъ юношей. Онъ окрѣпъ, научился немного распознавать внѣшнія явленія. Его мысль начинаетъ работать серьезно. Разумъ начинаетъ шептать ему сладкія грезы о господствѣ надъ міромъ при помощи знанія. Онъ презрительно разбиваетъ свой идолъ и переноситъ храмъ его внутри себя, внутри своего разума. Что такое *разумное?* спрашиваетъ юноша. И онъ бѣжитъ къ ученому, чтобы изъ устъ жреца науки узнать вѣчную волю разума. Это уже Homo sapiens.

„Наконецъ, человѣкъ созрѣлъ. Съ горькой насмѣшкой проходитъ онъ мимо „храма разума“. Онъ усталъ стоять на колѣняхъ передъ истуканами. Усталъ гоняться за отвлеченной „вѣчной истиной“. Его мечта теперь гораздо проще и скромнѣе. Онъ хочетъ найти уже истину только для себя и только на время. Въ густую чащу своихъ чувствъ углубляется онъ и спрашиваетъ: Что же такое *прекрасное?* „Все, что ласкаетъ твой взоръ, все, что нѣжитъ твои чувства, все, что даетъ тебѣ силу и мощь, — вотъ твое „прекрасное“, такъ отвѣчаетъ ему правдивый голосъ его собственнаго „я“. Теперь онъ—Homo sentiens, т. е. тотъ же Homo, который понялъ всю мизерность своей sapientiae и всю необъятную мудрость своей оклеветанной „плоти“.

„Но что же такое высшая цѣнность? Неужели ничего нѣтъ прекраснѣе жизни? Неужели однообразно тянуть паутину жизни значитъ творить то прекрасное, что трепещетъ въ душѣ моей? Неужели существовать и жить одно и то же?

„Нѣтъ! есть нѣчто лучшее, чѣмъ жизнь: это—прекрасная жизнь, и еще нѣчто лучшее прекрасной жизни: это прекрасная смерть.

„Насъ слишкомъ долго учили трусливо цѣпляться за жизнь. И человѣкъ забылъ великое искусство прекрасно жить. Любить жизнь, любить веселую, гордую жизнь долженъ научиться вольный человѣкъ. Но еще раньше долженъ онъ научиться безбоязненно встрѣчать свою смерть и смѣло звать ее на помощь для борьбы съ врагами красоты. Смерть не врагъ, не антитеза жизни, а ея высшая точка. Великое наслажденіе сливается съ великимъ страданьемъ. Смерть есть также только высшій моментъ интенсивной жизни. Чтобъ стать истинно свободнымъ, человѣкъ долженъ убить въ себѣ всякій рабій страхъ смерти. Величавое *стремленіе къ великому* должно замѣнить ему жалкую *жажду существованія*.

„Такъ отвергаю я все ученіе моего разума. Противъ его фатальной *„причинности“*, утилитарной *„цѣнности“* и жалкаго *инстинкта самосохраненія* я выставляю другое ученіе — о творческой *волѣ*, о *красотѣ* и вѣчномъ *стремленіи къ великому*.

„Къ чему же пришелъ я теперь? Раньше отвергъ я бога и его религію, потомъ общество и его мораль. Теперь настала очередь отвлеченнаго разума и его лицемѣрныхъ ученій. Братья! Разбейте оковы отвлеченнаго, безсердечнаго разума! Никому не вѣрьте, кромѣ своихъ правдивыхъ, неподкупныхъ чувствъ. Это — послѣднее гордое слово нашей свободы“.

*
* *

Итакъ, для насъ личность есть только совокупность тѣхъ психическихъ переживаній, которыя обычно соединяются однимъ словомъ „чувства“. Свободу личности мы, стало быть, должны понимать въ смыслѣ абсолютной свободы нашихъ чувствъ, въ смыслѣ полнаго устраненія всѣхъ преградъ, мѣшающихъ ихъ развитію. Наше пониманіе личности привело насъ не только къ отрицанію религіи и морали, но и къ полному отрицанію утилитаризма, въ самомъ широкомъ смыслѣ. Возникаетъ вопросъ: возможна ли такая индивидуальная свобода? Не утопія ли нашъ индивидуализмъ? Возможно ли общежитіе на исключительной основѣ личныхъ чувствъ?

Свобода личности, какъ мы ее понимаемъ, есть, понятно, уничтоженіе всякой общественной организаціи, основанной на нормахъ. Но она нисколько не требуетъ уничтоженія соціальной жизни, уничтоженія всякаго общежитія. Дѣло въ томъ, что наши чувства, въ отличіе отъ разума, который живетъ замкнутой жизнью отшельника, вѣчно влекутъ васъ куда нибудь и къ чему нибудь — къ людямъ и къ вещамъ. Люди и вещи — необходимая пища нашихъ чувствъ, между тѣмъ какъ разумъ питается понятіями. Чѣмъ богаче чувственный міръ личности, тѣмъ интенсивнѣй и разнообразнѣй ея стремленія къ людямъ и вещамъ.

Пусть въ одинъ прекрасный день будутъ уничтожены всѣ юридическія, религіозныя и моральныя нормы, которыя теперь скрѣпляетъ насильственно общество, черезъ короткое время передъ нами самопроизвольно вырастетъ новый міръ. Отдѣльныя личности начнутъ искать другъ друга и объединяться въ большія или маленькія группы. Въ основу своей группы они положатъ *не уставъ, не договоръ* о взаимной помощи, а свое *естественное влеченіе*, свое внутреннее духовное сродство. Такая группа не ассоціація для производства, а естественное общежитіе, которое находитъ свое основаніе, оправданіе и предѣлъ въ личныхъ чувствахъ его членовъ. Это не groupement d'intérêts, a groupement d'affinité, т. е. не союзъ на основѣ интересовъ, а союзъ на основѣ сродства:

Одѣльныя такія группы будутъ вступать въ дружескія сношенія между собою, но опять таки на почвѣ внутренняго сродства и взаимной симпатіи. Такъ все человѣчество распадается на безконечное количество большихъ и малыхъ „группъ по сродству“, абсолютно не знающихъ никакихъ нормъ, кромѣ чувствъ отдѣльныхъ личностей, составляющихъ эти группы. Это общежитіе мы и называемъ Анархіей.

Мы предвидимъ цѣлый рядъ возраженій. Нѣкоторыхъ мы должны коснуться неизбѣжно.

Намъ скажутъ: „Вы доводите свободу личности до абсолютности и поэтому необходимо приходите къ нелѣпости. Только Робинзонъ на пустынномъ островѣ можетъ дать такой просторъ всѣмъ своимъ чувствамъ. Разъ человѣкъ хочетъ жить съ другими вмѣстѣ, разъ онъ вступаетъ въ какое бы то ни было общежитіе, даже состоящее исключительно ихъ абсолютныхъ индивидуалистовъ, онъ вынужденъ себя ограничить, установить предѣлы своей свободѣ, т. е. фактически указать своимъ чувствамъ границу ихъ проявленія. Стало быть, ваше индивидуалистическое общежитіе тоже должно будетъ пойти на путь нормированія личной дѣятельности, на путь договоровъ, взаимной помощи и т. д. Стало быть, вашъ индивидуализмъ есть тотъ же коммунизмъ“.

Это возраженіе вполнѣ достойно вниманія.

Индивидуалисты далеки отъ того, чтобъ считать наши чувства чѣмъ то простымъ и легко поддающимся измѣренію и вычисленію. Наоборотъ, мы не можемъ достаточно настойчиво утверждать, что наши чувства безконечно сложнѣе, глубже, разнообразнѣй, чѣмъ это думаетъ наше сознаніе, которое освѣщаетъ, положительно, только микроскопическую долю нашихъ душевныхъ переживаній. „Сова Минервы вылетаетъ только ночью“, говоритъ Гегель. Нашъ разумъ только заднимъ числомъ узнаетъ обо всѣхъ буряхъ нашихъ чувствъ. Съ другой стороны, мы не устаемъ доказывать хаотичность, неорганизованность нашихъ чувственныхъ переживаній, которыя почти безпрерывно сталкиваются другъ съ другомъ и пожираютъ себя взаимно. Возможно ли построить какое бы то ни было общежитіе на такой зыбкой почвѣ?

Да, вполнѣ возможно, отвѣчаемъ мы, даже больше, чѣмъ возможно. Индивидуалистическое общежитіе не только не означаетъ собой хаоса и взаимной рѣзни, но и создаетъ ту идеальную гармонію, о которой мечтали лучшіе люди всѣхъ временъ.

Каждое общество имѣетъ свой особый способъ обуздыванія грубаго произвола отдѣльныхъ личностей, стоящихъ ниже обычнаго уровня. Классовое общество дѣйствуетъ при помощи страха физическаго наказанія. Коммунизмъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи нравственное порицаніе. Индивидуалистическое общежитіе аппелируетъ только къ личности, т. е. къ ея же чувствамъ. Но именно въ этихъ чувствахъ скрывается такая могучая сила, которой не могутъ подозрѣвать люди, привыкшіе видѣть въ человѣкѣ только то жалкое существо, какимъ онъ является теперь.

Но подымемся нѣсколько выше, углубимъ свой взоръ въ душевный міръ будущаго человѣка. Онъ абсолютно свободенъ. Передъ нимъ совершенно открытъ міръ вольнаго творчества. Каждое его желаніе священно: ни религія, ни право, ни мораль не берутся оцѣнивать его страсти. Личность привыкаетъ смотрѣть на себя какъ на что то великое, одаренное какой то особенной силой творить міръ по своему, уподобляться богу. Личность становится въ своихъ собственныхъ глазахъ человѣко-богомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ выростаетъ совершенно иное отношеніе и къ людямъ: вѣдь, я, на основаніи ихъ „высказываній“, узнаю, что и они переживаютъ нѣчто подобное мнѣ, что и въ нихъ говорятъ тѣ же безднныя чувства, то же величавое стремленіе къ творчеству, что и ихъ чувства сжимаются отъ мучительной боли при всякомъ оскорбительномъ вмѣшательствѣ извнѣ въ наше внутреннее святое святыхъ. Неужели я буду тѣмъ жалкимъ существомъ, которое сможетъ ворваться въ тайный храмъ чужой души, чтобъ загадить его своимъ непрошеннымъ приходомъ? Какъ смогу я уважать себя послѣ этого позорнаго святотатства? Если моя личность священна для меня, то вдвойнѣ священна для меня личность другого, потому что она мнѣ еще менѣе извѣстна, еще болѣе загадочна и таинственна, чѣмъ моя, потому что я еще болѣе боюсь оскорбить ее малѣйшимъ грубымъ прикосновеніемъ, боюсь оскорбить свое божество — душу человѣческую. Это трепетное благоговѣнье передъ чувствами другого человѣка и является безконечно болѣе сильной уздой „произвола“, чѣмъ наказаніе или порицаніе, ибо сильные люди смѣются надъ всякой карой чужого суда, но самый сильный человѣкъ падаетъ безсильно передъ лицомъ своего собственнаго „суда“, который своимъ „приговоромъ“ способенъ убить въ насъ всякую радость, опустошить нашу душу. На эту то могучую силу внутренняго „суда“ освободившагося человѣка и расчитываетъ индивидуализмъ.

Но здѣсь ждетъ насъ новое возраженіе. Намъ скажутъ: „Допустимъ, что Анархія, какъ ее понимаетъ индивидуализмъ, отвлечено говоря, возможна. Но вѣдь анархизмъ не вѣра, не религія, которая можетъ отсылать насъ въ „царство божіе“: анархизмъ

есть практическая программа, которую сторонники должны сатраться осуществить въ любой подходящій моментъ. Можетъ ли Анархія служить непосредственной платформой борьбы, такъ сказать, лозунгомъ дня. Намъ нужно на этотъ вопросъ отвѣтить возможно яснѣе.

Намъ много разъ приходилось уже выражать ту мысль, что для насъ анархизмъ не есть ученіе о какомъ то идеальномъ обществѣ, въ которомъ будутъ жить безмятежно блаженные люди. Для насъ анархизмъ есть ученіе о безпрерывномъ и безграничномъ расширеніи личной свободы. Его конечная цѣль, поэтому, абсолютная, т. е. рѣшительно никакими объективными нормами неограниченная, свобода личности. Ясно, что такое динамическое пониманіе анархизма не даетъ никакой возможности выставить какъ практическій лозунгъ Анархію, т. е. конечный, мыслимый пунктъ долгаго періода борьбы и цѣлаго ряда революцій. Ясно также, что нашъ идеалъ Анархіи можетъ и долженъ служить намъ тодько путеводной звѣздой въ сложномъ лабиринтѣ явленій дѣйствительности. На практикѣ же мы должны руководиться болѣе конкретными фактами: внимательный анализъ дѣйствительности долженъ намъ указать, какія именно учрежденія стоятъ раньше всего на пути къ нашей величавой идеѣ, и по этимъ конкретнымъ учрежденіямъ, а не въ отвлеченное пространство, должны мы открыть убійственный огонь. Стало быть, лозунгомъ нашимъ можетъ быть только такой конкретный призывъ, который разрушаетъ какой нибудь опредѣленный институтъ, а не отвлеченная идея свободы.

Какіе же институты стоятъ на пути личной свободы, личнаго творчества, или свободнаго проявленія нашего внутренняго міра?

Всякое ограниченіе личной свободы ощущается индивидомъ, какъ внѣшняя, объективная необходимость въ противоположность его внутренней, субъективной свободѣ. Анализъ открываетъ намъ, что всѣ эти „необходимости“ сводятся къ тремъ сферамъ, которыя, подобно концентрическимъ кругамъ, окружаютъ человѣческую личность. Классъ, общество и природа, — такъ называются эти конценрическія сферы необходимости.

Раньше всего личность встрѣчается съ рядомъ учрежденій, которыя отдѣляютъ ее насильственно отъ вещей, людей и умственныхъ знаній. Эти учрежденія (монополія собственности, власти и знанія) составляютъ вмѣстѣ какъ бы одинъ оплотъ буржуазіи противъ натиска пролетаріата. Въ нихъ воплощается первая сфера необходимости. Съ побѣдой пролетаріата исчезаетъ понятіе класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и категорія *классовой* необходимости.

Что же остается? Остается союзъ рабочихъ группъ, объединенныхъ общей профессіей и общими интересами, — остается Анархическая Коммуна. Коммуна состоитъ уже не изъ классовъ, а изъ личностей. Но между этими личностями и существуетъ антагонизмъ, еще болѣе глубокій, чѣмъ между современными классами. Классы отдѣляютъ интересы, а людей отдѣляетъ глубокая и все

болѣе углубляющаяся бездна психической особности. Обязательность коллективной работы, традиціи, консерватизмъ мысли средняго человѣка толпы, глубокое своеобразіе міра личныхъ переживаній создаютъ основу новаго антагонизма *внутри-соціальнаго*. За борьбой большинства съ меньшинствомъ, класса съ классомъ, начинается борьба одного противъ всѣхъ, личности съ обществомъ. Эта борьба можетъ кончиться побѣдой „единственнаго“: тогда Анархическая Коммуна, идеальная организація интересовъ, превращается въ Анархію, естественный союзъ по сродству.

Но и чистая Анархія не устраняетъ третьей категоріи необходимости — естественной. Освободившаяся личность сталкивается съ великой загадкой — природой. Начинается та глубокая трагедія, которую мистики выражаютъ вопросомъ о „пріятіи“ или „непріятіи міра“. Но „непріять міръ“, т. е. если быть послѣдовательнымъ, отвергнуть даже его существованіе, не мыслимо, потому что природа — источникъ нашихъ ощущеній, стало быть, источникъ нашего „я“. „Пріять же міръ“ tel quel возмущается наше бунтующее чувство свободы. Есть только одинъ исходъ — творчество, т. е. безпрерывная партизанская война съ природой, безпрерывное вторженіе дерзкаго, ищущаго „я“ въ молчаливое таинственное „не-я“. Творчество не устраняетъ „природы“, а пытается ее одолѣть. Источникъ вѣчной трагедіи не уничтожается, потому что онъ неизсякаемъ.

Отдѣльныя личности, поставленныя въ особенно благопріятныя условія для своего развитія, могутъ, понятно, сразу подняться до пониманія истинной свободы, могутъ уже теперь переживать весь ужасъ и весь трагизмъ борьбы человѣка съ тѣмъ сумрачнымъ неизвѣстнымъ, которое называется природой. Но человѣчество en masse не занимается философіей и не имѣетъ времени углубляться въ анализъ своихъ душевныхъ переживаній. Оно идетъ къ свободѣ, медленно подымаясь со ступеньки на ступеньку, эмпирически устраняя всякое отдѣльное препятствіе, стоящее на пути. Ему можетъ быть доступна только такая борьба, которая ставитъ себѣ прямой цѣлью устраненіе какого нибудь строго опредѣленнаго учрежденія. Ему не только непонятна борьба ради самой борьбы, но ему абсолютно чуждо даже понятіе личности, а возможность борьбы ея съ обществомъ, ему кажется безумiемъ. Въ этомъ, собственно говоря, нѣтъ ничего изумительнаго. Вѣдь теперь средній представитель рабочаго класса страдаетъ не оттого, что его угнетаетъ „общество“, а оттого, что все это общество, и онъ въ томъ числѣ, угнетено другимъ обществомъ — классомъ эксплуататоровъ. Въ обществѣ онъ, естественно, видитъ своихъ друзей и соратниковъ за лучшую долю. Болѣе широкимъ массамъ откроется великая бездна между отдѣльной личностью и „всѣми“ только тогда, когда эти „всѣ“ превратятся въ организованную силу, которая попытается всѣми правдами и неправдами пригибать къ общему уровню строптивую личность. Тогда начнется

настоящая, реальная борьба за освобожденіе личности, за разрушеніе общества и его лицемѣрной морали, за свободу личнаго творчества. „Свобода личности“ станетъ такимъ же практическимъ лозунгомъ, какъ теперь пресловутая „свобода печати“.

Но что же дѣлать намъ теперь?

Одни индивидуалисты скажутъ: „Массамъ недоступенъ *нашъ* идеалъ свободы. Зачѣмъ же станемъ мы бороться за *чужое* дѣло? Мы лучше подождемъ, пока народъ дойдетъ до нашего пониманія свободы. А до тѣхъ поръ будемъ стоять въ сторонѣ и смотрѣть, какъ другіе борются за свое дѣло“.

Такъ и поступятъ многіе, но только тѣ, которые не рождены для битвы, тѣ, для которыхъ индивидуализмъ есть только щитъ для прикрытія полнаго отсутствія индивидуальности. Кто не чувствуетъ чарующей прелести битвы; кто не понимаетъ, что всякая война лучше всякаго мира, что только война рождаетъ смѣлыхъ, сильныхъ и гордыхъ, что только война способна убить въ насъ все мелкое и грязное, прилипающее къ намъ въ эпоху мира; кто можетъ равнодушно, безъ позора и безъ ужаса смотрѣть на то, какъ другіе борются, страдаютъ и умираютъ за самое ничтожное расширеніе личной свободы, — тотъ позоритъ насъ, называя себя анархистомъ и индивидуалистомъ. Быть индивидуалистомъ значитъ раньше всего быть бойцомъ до послѣдняго вздоха, бойцомъ за всякую, самую маленькую правду, самую жалкую свободу, за самую блѣдную тѣнь „прекраснаго“.

Народу теперь начинаетъ грезиться Анархическая Коммуна. Ему кажется, что устраненіе современнаго общества дастъ ему „счастье“ и волю. Мы должны, понятно, учить его нашему пониманію свободы. Но уйти отъ жизни можетъ только трусъ. Мы должны сдѣлать своимъ тотъ лозунгъ, который только мыслимъ для народа при современномъ строѣ жизни. Максимумъ, который только доступенъ массамъ, есть устраненіе классового господства — уничтоженіе собственности, государства и умственныхъ привиллегій, т. е. Анархическая Коммуна. Всѣ мы одинаково горячо хотимъ устраненія, по крайней мѣрѣ, первой категоріи необходимости: „классъ“.

Настанетъ время, когда раздавленная буржуазія будетъ въ безумномъ страхѣ метаться у ногъ возставшаго народа, придетъ время, когда анархическій коммунизмъ станетъ практической программой дня. Возможно, что тогда прямолинейные и суровые коммунисты, пылая „нравственнымъ“ пыломъ одарить всѣхъ своимъ „научнымъ“ „благополучіемъ“, слишкомъ далеко зайдутъ въ своемъ похвальномъ усердіи... Тогда и только тогда мы съ ними поспоримъ. Кто посягаетъ на свободу, куетъ мечи бунтовщикамъ. Въ нѣдрахъ Коммуны постепенно выростутъ элементы новой гражданской войны. „Личная свобода“ будетъ боевымъ кличемъ индивидуализма, а „общественное благо“ будетъ знаменемъ коммунизма.

Кто изъ нихъ побѣдитъ? Увы! Этого намъ теперь сказать никто не можетъ. Мы одно только знаемъ что душой и тѣломъ мы всегда будемъ не за тѣхъ, кто хлопочутъ о чужомъ благополучіи, а за тѣхъ, кто вѣчно сѣютъ святое недовольство и чего то ищутъ; душой и тѣломъ мы будемъ за тѣхъ, кто будутъ гордо толкать насъ все выше и выше, будутъ звать людей все дальше и дальше, въ далекую синюю даль...

***

Теперь ждетъ насъ совершенно иное возраженіе. Насъ могутъ спросить: „Если и индивидуалисты принимаютъ лозунгъ „Коммуна“, то чѣмъ же они, собственно, отличаются отъ коммунистовъ?“

Во всемъ предыдущемъ мы старались намѣтить общія черты индивидуалистическаго анархизма. Мы старались показать, какъ мы цѣликомъ отвергаемъ цѣлый рядъ принциповъ, которые являются основными для анархическаго коммунизма. Мы пытались раскрыть всю противорѣчивость производства и творчества, всю фиктивность свободныхъ договоровъ, всю мѣщанскую узость взаимной помощи, всю деспотичность морали и всяческихъ третейскихъ судовъ. Намъ кажется, что уже одна эта критическая работа индивидуализма должна внести свѣжую струю въ анархистское міровоззрѣніе.

Однакожъ этого мало. Индивидуализмъ, какъ намъ кажется, даетъ новую прочную опору для построенія всей нашей тактики на яркомъ базисѣ личности. Наша тактика перестаетъ быть мѣшкомъ, наполненнымъ искуственно сочиненными „пріемами борьбы“ и механически привѣшаннымъ къ нашему идеалу. Она превращается въ творчество личности, она является какъ бы относительнымъ осуществленьемъ уже теперь нашего смутнаго, далекаго идеала. Въ глазахъ индивидуалиста идеалъ и тактика не отдѣлены бездной, а сливаются въ нѣчто гормоническое. *То, что идеалъ обѣщаетъ, тактика реализуетъ.* Если нашъ анархистскій идеалъ обѣщаетъ намъ абсолютную свободу, то тактика должна состоять въ томъ, чтобъ учить личность пользоваться ей уже теперь, перенести грядущій идеалъ въ настоящее, фактически осуществлять анархизмъ въ жизни.

Мы здѣсь только роняемъ эту идею, чтобъ возвратиться къ ней въ другой разъ и подробно развить ее. Мы хотимъ здѣсь только указать на ту относительно новую точку зрѣнія, которую вноситъ индивидуализмъ въ наше ученіе о тактикѣ.

Въ другой разъ мы не откажемся также показать, что и въ области организаціонныхъ идей индивидуализмъ долженъ сказать свое слово. Намъ кажется, что ни централизмъ, ни федерализмъ не гармонируютъ съ анархистскимъ ученіемъ. Анархизмъ требуетъ *не объединенія* группъ на почвѣ юридическаго договора, а *сліянія* ихъ на почвѣ естественнаго влеченія. Нашу точку зрѣнія

въ организаціонномъ вопросѣ мы называемъ *унитаризмомъ*, желая подчеркнуть, что мы разсматриваемъ всѣ анархистскія группы не какъ союзы антагонистическихъ организацій, а какъ одну *единую* группу.

Но самой крупной заслугой индивидуализма намъ кажется уничтоженіе послѣднихъ остатковъ фетишизма. Между тѣмъ какъ анархическій коммунизмъ хочетъ изъ свободной коммуны сдѣлать какой то новый фетишъ, хочетъ сдѣлать изъ „общества“ какого то идола, индивидуализмъ сызнова рѣзко ставитъ старый трагическій вопросъ о личности. „Вы обѣщаете намъ всякое благополучіе въ вашихъ коммунахъ, говоритъ индивидуалистъ своему сосѣду-коммунисту. Несомнѣнно, что матеріальное благосостояніе значительно возрастетъ въ этомъ обществѣ. Несомнѣнно, что въ немъ нѣтъ мѣста многимъ грубымъ формамъ угнетенія. Но вы, въ пылу своего строительства, забываете только одно — вы забываете личность. Или неужели вы думаете, что жизнь личности исчерпывается коллективнымъ производствомъ? Гдѣ же личность въ вашей коммунѣ? Чѣмъ она будетъ жить? Неужели она найдетъ удовлетвореніе въ производствѣ ботинокъ или шляпъ? Какъ вы не понимаете, что мятежный духъ творчества долженъ разорвать всякія общественныя рамки, что онъ можетъ остановиться только передъ фатальными силами природы? Бросьте же реакціонную проповѣдь идеальнаго совершеннаго *общества* и перенесите идеалъ во внутренній міръ самой *личности*. Учите насъ не строить новыя общественныя казармы, а творить новую личность, творить новый типъ *человѣка*. Научите людей смѣяться надъ всякимъ благополучіемъ, презирать всякія „идеальныя“ общества, ломать и рвать всякія цѣпи. Научите ихъ любить и боготворить только одно — свободу, но до того, чтобъ она превратилась въ ихъ стихію, въ ихъ воздухъ“...

Да, самая важная заслуга индивидуализма — въ уничтоженіи послѣднихъ корней фетишизма. Онъ не ставитъ личности, ея свободѣ и творчеству никакихъ предѣловъ. Онъ говоритъ личности только одно: „Вотъ лежитъ передъ тобой цѣлый необъятный міръ. Онъ весь твой: возьми его!“

Библиотека ИМЭЛ

WORKERS FRIEND CLUB
1 AUG 1911
FREE "GERMINAL" LIBRARY
LONDON, E.

ORKERS FRIEND CLUB.
1 AUG 1911
FREE "GERMINAL" LIBRARY
LONDON, E.